

С. Беляев

Приключенная

Сэмюэля

Пингва

Детгиз 1945

С. БЕЛЯЕВ

Б-447

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЭМЮЭЛЯ ПИНГЛЯ

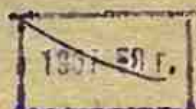
Научно-фантастический роман

РИСУНКИ Н. ВОЛКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРКОМПРОСА РСФСР
Москва 1945 Ленинград

5375

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЭМЮЭЛЯ ПИНГЛЯ

(Достоверные записки в двенадцати тетрадях)

Моей жене

Первая тетрадь

I

Уступая настоятельным просьбам моей дорогой жены и нашего сына Джима, молодого доктора биологии, я собираюсь изложить в этих тетрадях возможно полнее те удивительные события, которые развернулись в Эшуорфе лет тридцать пять назад, а также приключения, которые посылала мне судьба. Они происходили во времена, когда человечество оправилось от ужасов первой мировой войны и думало наслаждаться длительным миром, не подозревая, что скоро будет снова ввергнуто в пучину величайших военных бедствий.

Часть происшествий и приключений может показаться кому-либо совершенно невероятной. Однако, полагая, что прогресс науки и техники бесконечен, надеюсь в недалеком будущем увидеть вместе с моими современниками изобретения и вещи гораздо более изумительные, нежели описываемые мною или сообщенные недавно сыном моим в его монографии «Разгадка природы фильтрующихся вирусов» (1966 год).

Воспоминания о днях моей юности сейчас невыразимо волнуют меня, но постараюсь изложить их спокойным тоном классиков, которых с детства приучил читать меня отец и которые своими произведениями внушают нам горячую любовь к нашей прекрасной родине.

Я буду искренне рад, если друзья почерпнут из моих записок полезные и поучительные сведения, ибо свет знания освещает путь человечеству, а внимательное наблюдение за поступками окружающих людей обогащает личный опыт каждого.

Поэтому, ободряя себя надеждой на снисхождение к моим недостаткам и слабостям со стороны тех, кому доведется читать эти тетрадки, я, Сэмюэль Пингль из Эшуорфа, сегодня, в ясное раннее утро 17 мая 1968 года, в день, когда мне исполняется пятьдесят лет от роду, приступаю к правдивому и возможно подробному изложению фактов.

* * *

Родился я в самый разгар первой мировой войны в Эшуорфе, крошечном и уютном городке на берегу Атлантического океана, в семье Айзидора Пингля, письмоводителя конторы замка Олдмаунт, наследственного майората лорда Паклингтона.

У родителей я был последним ребенком и единственным, оставшимся в живых. Многочисленные братцы и сестрицы, рождавшиеся раньше меня, умирали в младенчестве. Естественно, что родители чрезвычайно любили своего «малыша». Мать моя не отличалась крепким здоровьем, и воспаление легких свело ее в могилу, когда мне исполнилось семь лет. Отец и я горько и безутешно оплакивали эту тяжелую утрату.

Отец вместе с дядюшкой Реджи, братом матери, старым холостяком, коротал дни своего вдовства в небольшом доме близ Рыночной площади. Дядюшка, отставной сержант Реджинальд Бранд, которому в 1917 году гранатой оторвало левую руку в Галлиполи, с гордостью носил военную медаль «За храбрость» и рассказывал мне множество удивительных историй. Кажется, они-то и зародили во мне сильное желание повидать тропические страны, чтобы самому познакомиться с тамошними чудесами. Тогда, ребенком, я и не подозревал, что действительность может оказаться гораздо причудливее тех приключений, о которых повествовал дядюшка, покуривая трубку перед уютным огнем камина в долгие зимние вечера.

Помнится, рассказывал он об огромном корабле, который был так велик, что когда становился поперек Дуврского пролива, то его нос упирался в шпиг башни Кале на французском побережье, а развевавшийся на корме флаг смахивал в море с дуврских скал стада пасшихся там овец. Мачты этого корабля были так высоки, что мальчишка-

юнга, отправлявшийся по вантам на вершушку, спускался обратно на палубу уже глубоким стариком с предлинной бородой. Рассказывал также дядюшка, будто ему пришлось однажды ехать на яхте в Вест-Индию среди островов по такому узкому проливу, что рукою можно было дотрагиваться до прибрежных скал, усеянных золотыми самородками и драгоценными камнями. Рассказывал он еще и о проливе Баллабанг-Джанг, который потом я тщетно разыскивал в географических атласах. На деревьях, росших по берегам этого узкого пролива, жило такое множество обезьян, что невозможно было управлять парусами: обезьяньи хвосты обязательно попадали в блоки и перепутывались с веревками.

Слушая эти истории, я давал себе клятву сделаться путешественником.

С течением времени добродушный юмор дядюшки начал принимать оттенок таинственной мрачности, и к тому времени, о котором я собираюсь рассказать, дядюшка считался в Эшуорфе старым ворчуном и надоедливym спорщиком. Имея военную пенсию, дядюшка большую часть своего времени проводил в харчевне «Королевский тигр» в приятном для него обществе завсегдатаев этого учреждения. Хозяин «Королевского тигра», косоглазый Том Бридж, славился в окрестностях Эшуорфа как непревзойденный чемпион карточной игры. Водились за Бриджем и другие делишки. О них расскажу несколько позже.

Обычно дядюшка с раннего утра сидел в «Королевском тигре», пытая огромной бразильской трубкой, набитой «Западным сфинксом», то есть третьесортным табаком по четыре пенса за пачку, и медленно отхлебывая эль из солидной оловянной кружки с видом человека, достаточно поработавшего на своем веку и теперь имеющего законное право беспечно тратить свою маленькую пенсию.

Нередко он возвращался домой навеселе и дразнил меня, называя «необлизанным медвежонком», на что я очень обижался. «Необлизанный медвежонок» означало «увальень». Это выражение происходило от глупого поверья, будто бы новорожденный детеныш медведицы не имеет медвежьего вида до тех пор, пока мать не вылизет его. А я рос вовсе не увальнем, и у меня на руках наливались отличные мускулы.

Однажды я поспорил с дядюшкой серьезно, и он, извинившись, перестал дразнить меня.

После смерти мамы воспитание мое перешло к нашей старой служанке Оливии, так как ни отец, ни дядюшка не

имели для этого достаточно свободного времени. Впрочем, вряд ли можно было назвать старания Оливии полноценным воспитанием. Оливия следила, чтобы я был во-время накормлен, а курточка и штанишки мои были в исправности. Это приучило меня к аккуратности.

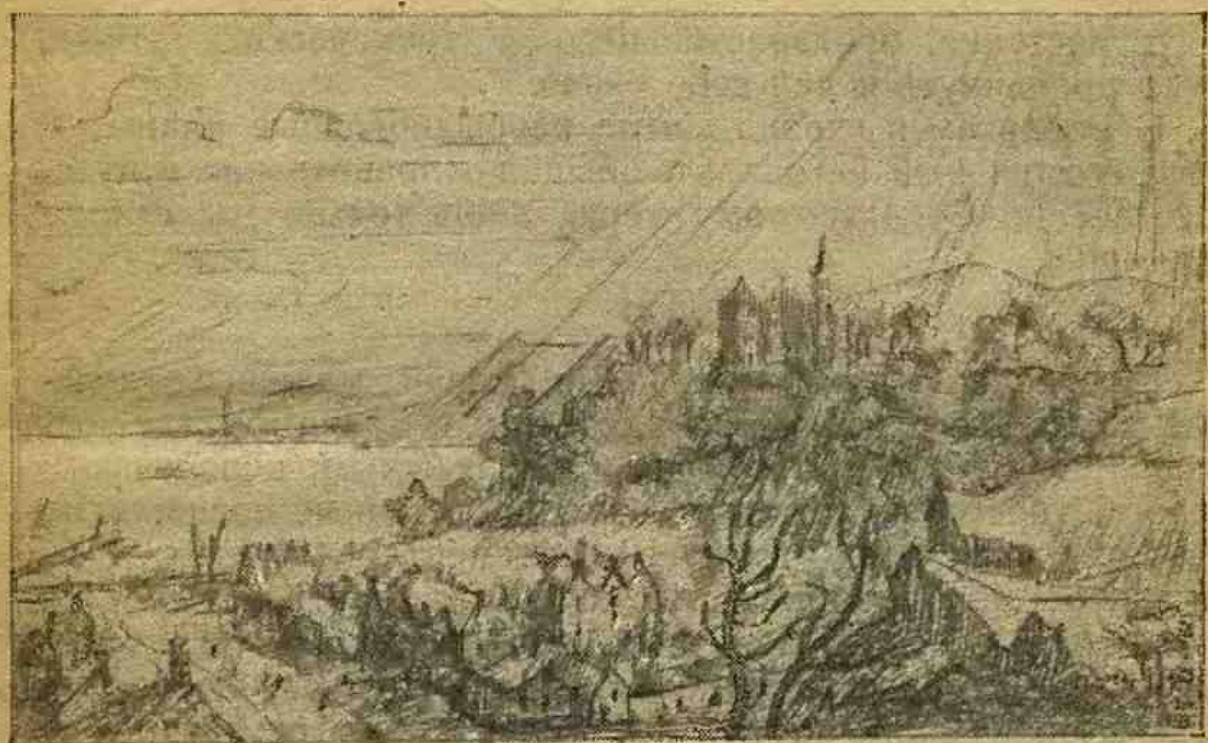
Потом я начал ходить в школу графства и во всем был предоставлен самому себе.

Когда-то в окрестностях Эшуорфа добывали уголь, но к моему времени шахты были заброшены, так как оказались истощенными. Эшуорфские мальчишки, в том числе и я с приятелем моим Эдом, сыном аптекаря Орфи, часто упражнялись в лазании по старым шахтам, охотясь там за летучими мышами. Это было гораздо интереснее, чем ходить с Оливией по воскресеньям в церковь, где настоятель преподобный Иеремия произносил проповеди, в которых я не понимал ни слова. Дядюшка в этом отношении всецело был на мсей стороне, доказывая Оливии, что ребятам в моем возрасте прогулки на свежем воздухе полезнее, чем проповеди Иеремии. Понятно, я был согласен с дядюшкой.

С церковной площадки открывался прелестный вид на горы, окружавшие Эшуорф, и на простор океана. Серые башни замка Олдмаунт красиво выделялись на фоне леса Патрика, покрывавшего горы. Прямо под Эшуорфом за верхним шоссе, ведущим в соседний городок Уэсли, возвышалась скала Двух Роз и площадка над ней, откуда можно было видеть побережье в обе стороны. А за площадкой, я знал, были самые интересные заброшенные шахты, из которых страшной и таинственной славой пользовался Длинный Хобот — шахта, куда осмеливались спускаться только редкие смельчаки. Эд хвастал этим подвигом. Я же ни разу не бывал там. Путешествие к Длинному Хоботу было не близким. Но я всегда мечтал спуститься в Длинный Хобот и проверить, правда ли, что там нет дна.

Лазая по горам, я думал о том времени, когда вырасту большим и отправлюсь в далекое заокеанское путешествие. Этому способствовало, помимо рассказов дядюшки, чтение книг с описаниями неизвестных стран. Как страстно я завидовал владельцу Олдмаунта, который обычно каждую осень отправлялся путешествовать по белу свету! Весною лорд Паклингтон обычно приезжал в Олдмаунт и жил в своем замке очень уединенно. Я ни разу не видал его, да и мой отец не очень охотно рассказывал о своем хозяине, хотя встречался с ним и, разумеется, знал все дела Олдмаунта. Можно было только понять, что лорд Паклингтон занимался наукой и очень хорошо относился к своим служащим,

С церковной площадки открывался прелестный вид.

что некоторыми жителями Эшуорфа рассматривалось как чудачество.

Когда я кончил начальную школу, отец мой, неожиданно для всех, отдал меня в Дижанский колледж, где, как известно, могут получать образование только дети очень состоятельных родителей. Этим я был обязан милости лорда. Он дал моему отцу необходимые средства и рекомендацию. Ее было совершенно достаточно, чтобы прекратить среди воспитанников колледжа всякие разговоры о моей совсем неаристократической фамилии. Больше того, я приобрел среди одноклассников даже друзей, восторгавшихся моими успехами в стильном плавании, футболе и боксе. На каникулы в Эшуорф я приезжал не надолго, так как один из товарищей, Роберт Смолл, постоянно приглашал меня к себе в имение его отца, где мы отлично проводили время. К Новому году я посылал поздравление моему благодетелю лорду Паклингтону, сообщая о своих отметках, на что отец неизменно отвечал мне: «Его светлость благодарит тебя за поздравление и желает дальнейших успехов».

С третьего класса моим расположением стали пользоваться биология и ботаника. Я считал, что эти науки могут пригодиться в предстоящих путешествиях и что довольно приятно будет сделать какое-нибудь открытие в виде ред-

кого растения, произрастающего в тропических дебрях, куда проникнуть я дал себе слово.

С Робертом я строил самые необыкновенные планы, и отец его, видный негодант, обещал отправить нас в путешествие по Средиземному морю, лишь только мы станем постарше.

II

Шестнадцатилетним юношей я окончил младшее отделение колледжа с похвальным отзывом и дипломом, где подписи ректора и профессоров под пышным королевским гербом удостоверяли, что я имею достаточные познания по истории королевства, географии, элементарной химии, биологии, ботанике и прочим наукам. Огромная печать с изображением золотого льва придавала необходимую солидность моему диплому, и я бесконечное число раз любовался этим историческим для меня документом, читая латинскую надпись вокруг львиной головы на печати: «Нептун да защитит моряка» — античное заклинание, сохранившееся в силу наших традиций в гербе Дижана со времен Цезаря.

На пути в Эшуорф я заехал на несколько дней к Роберту, с которым мы сговорились через месяц отправиться в путешествие, так давно обещанное нам его отцом. Мы намеревались посетить Ривьеру и пожить в Швейцарии. Я надеялся, что отец мой даст мне необходимые для этого средства.

Сияя от счастья, возвращался я в Эшуорф. Шутка ли, окончить младшее отделение Дижана! На пристани я приказал отправить мои вещи домой, а сам начал пешком подниматься по Кинг-стрит. Мне хотелось посмотреть родной город. Ведь я целый год здесь не был.

Дома меня встретила Оливия.

— Здравствуй, Сэм, — сказала она просто на правах старой воспитательницы. — Мистер Пингль получил твою телеграмму, приготовился встретить, но сегодня рано утром лорд вызвал его в замок...

— Что случилось?

— Не знаю. Дядя Реджи тоже ушел, чтобы узнать новости от Бриджа.

— Значит, что-то случилось, — сказал я, входя в приготовленную для меня комнату. — Новости могут касаться лорда Паклингтона, так, что ли? — спросил я Оливию, помогавшую мне снять дорожный плащ.

— Как будто так, — ответила она. — Да ты сможешь сам все узнать. Мистер Пингль просил тебя позвонить ему.

Телефон-автомат напротив, на углу. Мистер Пингль будет очень рад услышать твой голос. А я пока приготавливаю завтрак и кофе.

Несколько раз я пытался связаться с Олдмаунтом по телефону, но тщетно: из замка не отвечали. Наконец телефонная девушка сказала:

— Аппарат испорчен, не работает.

Я решил отправиться в замок, повидать отца. Какое-то смутное беспокойство начало тревожить меня. Стоянка такси была на Кинг-стрит. Но я прошел кратчайшей дорогой, и теперь пыльные улицы Эшуорфа нагоняли на меня странную грусть. Что случилось в Олдмаунте? Почему-то я был уверен, что с отцом стряслась беда. Через кривой переулок я вышел на Джинджер-стрит, где друг против друга расположились трактир «Нептун» и харчевня «Королевский тигр» — два заведения, одинаково знаменитые в летописях Эшуорфа. На минуту я остановился под окном «Королевского тигра». Там раздавались голоса спорщиков. Из форточки вырывались клубы дыма, как на пожаре. Это означало, что дядюшка Реджи курит трубку. Следовательно, он здесь. Я вошел. В харчевне никто не обратил на меня внимания. Все были заняты дядюшкой, который дымил, как вулкан, и ораторствовал в необычайном азарте:

— Это нам даром не пройдет. Когда-нибудь вы вспомните старого Реджи и убедитесь, что он был прав. Слишком много театров. В Африке дерутся, в Китае дерутся.

Из речи дядюшки можно было понять, что спорят о театрах военных действий.

— Если мы не хотим, чтобы драка началась в Эшуорфском заливе, то нашему премьеру следует переменить зонтик... Теперешний зонтик, с которым он отправляется в дипломатические путешествия, не производит впечатления за границей...

Косоглазый Том Бридж, разливавший за стойкой виски по стаканчикам, прервал дядюшку:

— Отлично сказано. Но вчера два шахтера из Уэсли — как раз на том самом месте, где вы сидите, дружище, — советовали переменить не зонтик, а премьера...

В зале харчевни раздался хохот завсегдатаев. Я засмеялся тоже. В этот момент Том Бридж увидал меня.

— Пожалуйста, джентльмен. Оглянись, Реджи. Твой племянник желает тебя видеть.

Дядюшка повернулся ко мне.

— Сэм!..

Мы крепко пожали друг другу руки. Завсегдатаи хар-

чевни рассматривали меня. Я слышал, как один из них про-
бормотал, бесцеремонно кивая на меня:

— Любопытная получится история, если все окажется
правдой... Вот бедняга...

Бридж вышел из-за стойки и приблизился ко мне.

— А ты, Сэм, стал таким красавчиком, что просто гла-
зам не верится. Настоящий барин...

— Но это не мешает мне дружески поздороваться с ва-
ми, дорогой Бридж, — сказал я, протягивая руку хозяину
харчевни.

— Хо-хо! — засмеялся хриплым басом Бридж, с разма-
ху хлопая по моей ладони. — Молодец у тебя племянник,
Реджи. Он не забыл, как я однажды вытащил его из ямы,
куда они забрались с сынишкой аптекаря. У, баловники...
Ну, садись, рассказывай. Когда прибыл? А, с почтовым
пакетботом? Всего час назад? Пэгги, большую рюмку поме-
ранцевой джентльмену!

Дядюшка Реджи взял меня под руку и обратился к
Бриджу:

— Не торопись, Том. Дай парню притти в себя. Кажет-
ся, он еще ничего не знает...

Все смолкли и посмотрели на меня так, что мне стало
не по себе.

— Что случилось? — прошептал я, опускаясь на стул и
готовясь услышать что-нибудь ужасное об отце.

Дядюшка сел за столик и махнул рукой, чтобы нас ос-
тавили в покое. Служанка Пэгги, приветливо оскалив жел-
тые зубы, принесла на подносе рюмку настоек.

— Добрый день, Сэм.

— Добрый день, Пэгги.

— Выпей глоток, милый, — произнес дядюшка, прищу-
риваясь на меня. — Это подкрепляет.

Когда дядюшка прищуривался, это означало, что он хо-
чет сказать нечто важное.

— Да говорите же, что случилось? — пробормотал я.

Мы сидели за столиком. Рюмка с темнооранжевой на-
стойкой стояла рядом с такой же рюмкой, наполовину
отпитой. Это была дядюшкина порция. Померанцевую он
заказывал только в дни великих событий в жизни Пинглей.
И теперь рука дядюшки торжественно взялась за рюмку,
но взгляд его выражал что-то похоронное.

— Мы все любим тебя, Сэм, — заговорил дядюшка. —
Весь Эшуорф знает тебя. Очень часто мы с Томом вспоми-
нали о тебе и говорили: «А ведь хорошо, чорт возьми, что

наш малыш Сэм учится в аристократическом колледже». Ну, пусть лорд Паклингтон чудак. Но он, кажется, не разорится, если поможет сыну своего письмоводителя.

Это была обычная манера дядюшки в серьезных разговорах начинать с лирических отступлений. Я чокнулся со стариком и отхлебнул из рюмки.

— Ближе к делу, дядя. Что случилось с отцом? Почему вы не встретили меня на пристани?

— Были причины, малыш, — ответил дядюшка, допивая свою рюмку. — Отец твой жив и здоров. Он в Олдмаунте...

— Знаю... Но телефон в замке не отвечает...

— Хм... Не отвечает? Значит, дело принимает серьезный оборот. Пока я ничего определенного не могу сказать, но...

Я быстро встал из-за стола. От меня что-то скрывали. Я должен сам быть в Олдмаунте. Дядюшка вцепился в мою руку.

— Одну минуту... Какой ты нетерпеливый... Твое присутствие в замке вряд ли принесет существенную помощь...

— Скажете ли вы мне, в чем дело?

— Право, я ничего не знаю. погоди, вот вернется твой отец...

Но я, не слушая дядюшки, уже выбежал на улицу. Там за углом стоянка такси. Через двадцать минут я увижу отца и узнаю, в чем дело.

Вот знакомая мне аптека. Гресьмадные шарообразные бутылки, наполненные разноцветными жидкостями, сияли яркими радугами под лучами эшуорфского солнца на широких окнах. Здесь же красовались вороха горчичников, средств против мозолей и зубной боли, патентованные плевательницы и еще кучи вещей, назначение которых, может быть, оставалось не совсем ясным даже для их изобретателей. На крайнем окне попрежнему, как и в дни моего детства, под запыленным стеклянным колпаком лежала большая сушеная ящерица, предмет жгучего любопытства эшуорфских ребят. Не замедляя шага, я взглянул на ящерицу. У нее старая облупившаяся кожа с желтыми полосками и один глазок попрежнему широко раскрыт на мир, будто в испуге. Смутные воспоминания детства пронеслись в моей голове. Отец посылал меня сюда за лекарствами, когда болела мама...

Оступился и упал на тротуар я совершенно неожиданно. Вероятно, зацепился носком за выступ камня. Во всяком случае, когда я встал и носовым платком отряхивал пыль с костюма, голова у меня кружилась, правое ухо и висок горели, и старичок-прохожий резонно заметил мне:

— Зайдите к Орфи, молодой человек. Вы изрядно поцарапались.

Старичок был так добр, что даже предупредительно раскрыл передо мною дверь в аптеку.

Я вошел, совершенно оглушенный падением. Мистер Орфи, аптекарь, ровесник моего отца, стоял за прилавком и, полузакрыв глаза, осторожно чесался спиной о выступ шкафа, наполненного лекарствами. Судя по выражению лица Орфи, это доставляло ему приятное ощущение.

У окна за столиком сидел толстяк доктор Флит, развалившись так, что под ним не было видно никаких признаков табуретки, и казалось, что наш эшуорфский эскулап чудесным образом покоится в воздухе подобно величественному аэростату. Размахивая правой рукой, он что-то с азартом доказывал аптекарю:

— Совершенно недопустимо с точки зрения науки...

Но тут я переступил порог аптеки. Доктор Флит смолк, а Орфи приоткрыл один глаз.

— Это ты, Сэм?

Я показал на больное ухо. Аптекарь и доктор сразу поставили диагноз, не дав мне раскрыть рта.

— Ловко тебе заехали, Сэм, — проговорил аптекарь, переставая чесать спину и раскрывая другой глаз. — Как находите, доктор?

Доктор Флит снисходительно улыбнулся.

— Кровоподтек и царапины. Не так опасно, как безобразно.

Любопытство, видимо, мучило аптекаря. Он осведомился:

— Когда это ты успел подраться, Сэм?

— Не спрашивайте его, Орфи. Все ясно, — отдуваясь, произнес доктор Флит и вытер шелковым лиловым платком свое багровое луноподобное лицо, окаймленное рыжими бачками.

Он рассматривал меня с расстояния в три шага, как будто я был виден ему в увеличительное стекло, и говорил преувеличенно громко:

— Ясно, как в микроскоп. Эластический, упругий предмет на излете, под углом в тридцать градусов примерно двенадцать часов назад стучает по голове этого парня. При прямом попадании предмет свернул бы ему шею. В крайнем случае — хорошенькое сотрясение мозга.

— Простите, джентльмены, — произнес я. — Я упал на улице, и не двенадцать часов назад, а сию минуту. Кажется, мое ухо...

Я хотел дотронуться до больного уха, которое начинало опухать.

— Не трогать руками! — пробурчал доктор Флит, свирепо насупливая брови, и приказал аптекарю: — Сделайте подходящий туалет парню, Орфи. Ясно все, как в микроскоп.

— Подойди сюда, Сэм, — ласково позвал меня аптекарь.

Ему было лень перегибаться через прилавок. Я подошел к шкафам, и старый Орфи начал накладывать мне повязку из липкого пластыря. А доктор Флит продолжал разговор, прерванный моим неожиданным приходом:

— Так вот, друг Орфи, какие дела. Люди болеют либо из-за несоблюдения правил гигиены, либо в результате травмы при несчастном случае, либо от болезнетворных микробов. Объелся, опился, перегрелся на солнцепеке, обморозил ноги-руки — болен. Подрался или упал на улице, как вот наш Сэм, — болен. Попали в организм микробы, начали в нем размножаться — болен. Нет болезни без соответствующего микроба, Орфи, так доказано великими учеными Пастером и Кохом. А если некоторые позволяют себе сомневаться да еще ставить преступные опыты, то, знаете, друг Орфи...

Тут рука доктора Флита поднялась кверху как бы для удара:

— ...закон наказывает преступника. И, кажется, уже наказал. Правда, при этом рикошетом страдают и невинные, но, повидимому, таков закон природы...

Доктор Флит глубоко вздохнул. Орфи закончил перевязку и указал мне на зеркало, висевшее среди красноречивых реклам аптекарских фирм.

— Посмотри на себя, Сэм, — сказал он. — Совершенно незаметно...

И добавил улыбаясь:

— Сознайся, Сэм, что хватил лишнего. Ты благоухаешь, как померанцевое дерево в цвету. Рекомендую отоспаться...

Я хотел возразить старой обезьяне, что мне незачем отсыпаться, но это было бесполезно.

— У меня болит голова, — пробормотал я.

— Тогда возьми эти таблетки, Сэм, — предложил Орфи, вытаскивая стеклянную тубу в ярких этикетках.

— К чорту таблетки! — пресек намечавшуюся торговую сделку доктор Флит, с ожесточением вытирая пот с лица. — Их штампуют, как пепельницы. Против ожирения я съел

тонну таблеток, но меня раздувает, как видите... Поэтому берегите деньги, молодой человек. Кстати, у вас нет одышки, Пингль?

Этот вопрос доктора Флита был известен не только в Эшуорфе. Когда-то Флит напечатал в журнале «Ланцет» статью под зловещим заглавием «Одышка — бич человечества». С тех пор мысль об одышке медленно и верно сводила доктора с пути нормального мышления. Вопрос об одышке он задавал всем — пациентам и случайным собеседникам. Об одышке он спрашивал даже тех, кто обращался к нему за советом против застарелых мозолей на пятках.

— Нет, господин доктор, — ответил я учтиво.

— Странно, — пробормотал доктор Флит, прищуриваясь. — Впрочем, нет ценности, которая бы не переоценивалась. — Доктор перевел взор на аптекаря: — Не правда ли, Орфи?

Тот пожал плечами. В это время между шкафов открылась дверь и в ней показался Эд, сын аптекаря, в белом халате не первой свежести. Через плечо у него было перекиннуто полотенце. Он сразу узнал меня, несмотря на повязку.

— Сэм? Милый! А я в лаборатории вожусь с микстурами и вдруг слышу знакомый голос... Здравствуй. Что с тобой? Упал? Когда приехал? И знаешь новости?

— Ничего не знаю, — ответил я, пожимая влажную руку Эда. — Небольшое приключение помешало мне быть сейчас в Олдмаунте.

— Ты еще не видал отца? — воскликнул Эд. — Но ведь доктор Флит знает...

— Пока еще нет ничего достоверного, — пробурчал доктор. — Но есть слух, что в Олдмаунте производились вивисекции над животными, — доктор Флит предостерегающе поднял правую руку и добавил: — без разрешения властей...

— Это строго преследуется законом, — добавил Орфи, убирая с прилавка тубу с таблетками.

— Ну и что же? — произнес я, чувствуя, что голова моя начинает болеть сильнее.

— Боже мой, он не понимает! — завозился доктор Флит на табуретке, пытаясь сняться с якоря. — Ну, мне надо отправляться на визитацию. — Он сполз с табуретки и взял свой полосатый саквояж с инструментами. — А история коснется и вас, Пингль. Знайте, что опытами в замке занимался не кто иной, как сам лорд Паклингтон.

— Слушайте, слушайте! — быстро сказал Орфи, как будто доктор Флит выступал в парламенте.

— Ну так что ж из этого? — воскликнул я.

Доктор и аптекарь посмотрели на меня с сожалением.

— Опыты лорда были обставлены такой таинственностью, что о них никто не догадывался. А теперь завеса приподнята.

Доктор Флит покачал головой.

— И я не удивлюсь, если окажется, что лорд Паклингтон прodelывал опыты и над живыми людьми... Закон по-карает его... если уже не покарал.

Мне не понравился раздраженный тон доктора. Впрочем, все в Эшуорфе знали, что доктор Флит всегда находится в состоянии хронического раздражения. Ведь у него на руках две некрасивые дочери — Энни и Дженни, которых он никак не может выдать замуж. Поэтому спорить с доктором было бессмысленно. Все же я возразил:

— Человек науки должен иметь право свободно заниматься опытами.

Слова мои произвели эффект. Доктор Флит всплеснул руками.

— Ах, вот чему теперь учат в колледжах!

Старый Орфи сделал такую гримасу, что было противно смотреть на него. Он прикрикнул на Эда:

— Отправляйся работать! Опять у тебя не готовы микстуры для мистера Сэйтона и пилюли для отца-настоятеля? Ступай.

Эд медленно поплелся за аптечные шкафы. Видимо, Орфи держал его в строгости.

И тут мне захотелось отомстить за Эда. Я сказал:

— Знаете, джентльмены? Если бы для науки понадобился рискованный опыт, я бы предоставил себя в распоряжение...

Доктор Флит залился смехом:

— В распоряжение ученого лорда? Ха-ха-ха! Ой, Пингль, вы уморите нас с Орфи раньше, чем лорд уморит вас. Отправляйтесь домой и положите себе лед на голову. Действительно, у вас наблюдаются симптомы сотрясения мозга...

Я холодно приподнял шляпу:

— До свиданья.

— Один шиллинг, Сэм, — меланхолично напомнил мне Орфи про полоску пластыря.

Аптекарь хотел получить деньги за свой товар, и голос его приобрел оттенок поэтической взволнованности.

Монета, брошенная мною на прилавок, мягко звякнула. Доктор ласково посмотрел на монету.

— За диагноз и совет я пришлю вам счет на дом, Пингль, — заметил он деловито. Это было вполне естественно: доктор Флит хотел получить свою долю за оказание неотложной помощи ближнему.

III

Голова моя болела нестерпимо. Я решил не ехать в Олдмаунт и дожидаться отца дома.

Рядом с калиткой в садик отцовского дома на скамеечке сидела Мери, крохотная дочка наших соседей Уинтеров. Она укачивала тряпичную куклу и пела тоненьким жалобным голоском:

Когда маленькие плачут,
Значит, им больно.
Взрослые тети — от огорчения,
А дяди — от радости.

Белокурая крошка поздоровалась со мною.

— Дядя Сэм!.. Ой, вы подрались? Какой синяк! — Мери плутовато улыбнулась: — Я знаю... Пьяные всегда дерутся.

Сердце мое дрогнуло, и, помимо моей воли, я сказал гордо и решительно:

— Ты угадала. Я дрался на дуэли, и меня поколотили. Но ведь дяди не плачут от огорчения?

Калитка раскрылась. Эдит Уинтер, старшая сестра Мери, быстро подошла ко мне:

— Боже мой! Вы ранены, Сэм?

Темнопепельные кудряшки Эдит отливали бронзой на солнце. Глубокие глаза девочки смотрели на меня с тревогой.

— Очень опасно?

Я постарался улыбнуться, смотря на тонкий овал юного лица, о котором всегда помнил.

— Простите, Эдит. Я пошутил насчет дуэли. Только легкая царапина. Спешил к стоянке такси и упал около аптеки. Я хотел съездить в Олдмаунт повидать отца...

— О, я понимаю, Сэм, — сказала Эдит, становясь еще печальнее и серьезнее. — Вам надо успокоиться.

— Да, я решил вернуться домой и подождать отца...

На крыльце дома показалась Оливия. Она засуетилась, увидав повязку на моем ухе, и чуть не заплакала. Через несколько минут я сидел в старом отцовском кресле. Оливия хлопотала, приготавливая завтрак. Слышно было, как на кух-

не Эдит помогала ей. Девочка на минуту заглянула в комнату.

— Ах, Сэм, я видела, как вы пришли с пристани. А потом вы поспешили выйти из дома. И я поняла...

— Но что? Говорите, Эдит.

— Нет, нет, Сэм. Вам надо отдохнуть. Уснуть.

Я сделал нетерпеливое движение:

— Мне не надо отдыха. Говорите, что случилось?

Эдит вздохнула:

— Про лорда Паклингтона рассказывают ужасные вещи...

Вошедшая Оливия прервала Эдит:

— Никто еще толком ничего не знает. Эшуорф всегда был полон сплетнями. Милая Эдит, кажется, миссис Уинтер зовет тебя.

Оливия очень деликатно выпроводила Эдит и поставила горячий завтрак на стол.

— Кушай, Сэм, и ложись отдыхать. Расскажи, что с тобой произошло?

Добрая Оливия покачивала головой, слушая мой рассказ и наблюдая, как в детстве, чтобы я ел основательно.

— Усни, малыш, — тепло сказала Оливия. — Я приготовила тебе постель и грелку.

Я заснул в пустынном родном доме, усталый и взволнованный.

* * *

Проснувшись, я увидел отца, сидящего в кресле около моей постели. Абажур был низко надвинут на лампу. Она освещала бледные руки отца, сложенные на его угловатых коленях.

— Я ждал, когда ты проснешься, — тихо сказал отец. — Как ты чувствуешь себя, малыш?

— Отлично. Здравствуй, милый, — произнес я, делая попытку встать.

— Лежи, лежи, — приказал отец, протянув мне руку, которую я крепко пожал. — Уже поздно. Спи до утра. Мне хотелось только сказать, чтобы ты не беспокоился...

При этих словах я очень ясно вспомнил все события дня.

— А вот я и забеспокоился, — громко сказал я. — Подними абажур, чтобы я мог видеть тебя.

Свет упал на доброе лицо отца. Оно показалось мне осунувшимся и постаревшим. Отец ласково смотрел на меня.

— Ну, вот я. Видишь?

— Вижу и хочу знать, что случилось с тобой.

— Ты хочешь знать правду, Сэм?

— Да.

— Твое желание вполне законно. Дядя Реджи тоже настаивает, чтоб я рассказал тебе все, что мне известно.

И отец начал свой рассказ:

— Лорд Паклингтон имеет или, вернее, имел достаточно средств, чтобы делать все, что ему нравится...

Я перебил отца:

— Прости, ты говоришь: «имел средства». Что же, лорд разорился?

— Это было бы полбеде, Сэм. Наш лорд — последний в роде Паклингтонов, владельцев Олдмаунта. У него нет прямых наследников, потому что он холост. Он только обручен с леди Эвелин Харриет. Но свадьба вот уж три года как откладывается. Тут много причин, и не во всех ты, малыш, сможешь вполне разобраться. Люди еще мало знают об этом человеке, а люди аристократического круга, кажется, меньше всех. Он, если хочешь знать, всегда резко выделялся из своей среды...

По словам отца, лорд Паклингтон — крупный ученый и действительно в своем замке занимался опытами, кажется, по физиологии животных и растений. Может быть, его увлечение наукой заставляло откладывать свадьбу с леди Эвелин. Он часто путешествовал, и эти путешествия были, повидимому, связаны с его научными изысканиями. Предстоящая свадьба лорда не нравилась его кузену Мерлингу. Большой карьерист, мистер Мерлинг мог бы оказаться наследником лорда Паклингтона, обладателем Олдмаунта и майората, если бы лорд остался холостым и умер, не оставив после себя сына. Женитьба лорда расстраивала планы Мерлинга, так как если бы лорд женился и имел сына от леди Эвелин, то этот сын стал бы прямым наследником. Вероятно, и Мерлинг принимал со своей стороны все меры, чтобы расстроить свадьбу.

Между тем лорд Паклингтон сделал какое-то замечательное открытие. Какое, отец не знал. Но для проверки лорду необходимо было проделать опыты над людьми. Он потребовал от правительства или предоставить ему для опытов преступников, которым грозила смертная казнь, или разрешить нанимать людей за деньги. Хотя требование, составленное в соответствующих выражениях, и было послано втайне, однако каким-то образом об этом узнали в окрестностях Олдмаунта. Десятки людей из Уэс-

ли и Эшуорфа стали осаждать контору замка, предлагая себя для опытов.

— Они были готовы на все, — сказал отец. — Самые невероятные слухи распространялись среди жителей. Говорили, что лорду нужны человеческие ноги и руки, и будто бы дядя Реджи не в Галлиполи потерял свою руку, а просто продал ее лорду, да еще при моем посредничестве. Это глупые сплетни! Но надо понимать людей, Сэм. Те, что пришли, просто хотели заработать. Да, Сэм, мне пришлось перенести немало тяжелых часов в переговорах с этими бедняками. Как раз это совпало с локаутом в Уэсли. Но, клянусь, никто не был взят для опытов в замок, никто. Теперь ты можешь представить себе, что произошло, когда все это стало известным в кабинете министров. Мерлинг немедленно использовал момент. Кем-то был пущен слух, что лорд Паклингтон производил вивисекции над живыми людьми. Я готов поклясться перед судом, что это ложь...

— Но сам лорд должен был обличить клеветников! — воскликнул я.

— Ах, Сэм, ты совсем не знаешь лорда. Он считал ниже своего достоинства разговаривать с людьми, подобными Мерлингу. — Отец развел руками. — И вот вчера грянул гром. Мерлинг провел в парламенте закон, в силу которого наш лорд Паклингтон лишается своего высокого звания, майората и изгоняется из пределов королевства.

— Но это же чудовищно! Это несправедливо! — прошептал я, чувствуя, как жесткий, шершавый комок подкапывает к моему горлу, мешая говорить.

Отец подал мне воды в стакане.

— Я знал, что это расстроит тебя, малыш... Отложим разговор до завтра.

— Нет, нет... — пробормотал я, боясь расплакаться перед отцом, как девчонка. Это совсем не годилось для окончившего младшее отделение Дижана. — Говори все. Да говори же... Ну!

Отец улыбнулся.

— Если будешь капризничать, я потушу лампу и уйду.

Это бывало наказанием в дни моего раннего отрочества, когда я капризничал и не ложился спать. Теперь мы вспомнили про это, и я тоже улыбнулся.

— Прости. Но ты сообщил мне страшную новость. Это невозможно!..

— Парламент все может, — отозвался отец, стараясь придать своему голосу торжественность, но я уловил слабую нотку иронии, которой никогда раньше не замечал. —

«Они» провели закон, который действует только один раз и именно в отношении нашего лорда. Сегодня это стало известным в Олдмаунте. Завтра станет известным в Эшуорфе и во всем свете...

— Что же теперь с лордом Паклингтоном? — спросил я. Отец помедлил с ответом, потом печально прошептал:

— Бывший лорд несколько часов назад покинул Олдмаунт. Королевский стряпчий мистер Сэйтон наложил печати на личные комнаты Паклингтона. А завтра в замок прибудет новый лорд, законный наследник майората, бывший Мерлинг. Вот и все, малыш. Если б ты знал, как я устал от всего этого...

IV

Прошло несколько дней. Новый владелец замка вступил в права наследства, и отец вскоре сообщил мне еще более неприятную новость: продолжать ученье в Дижанском колледже я больше не мог. Мерлинг отказал отцу в выдаче пособия на мое образование. Это было страшным ударом. Мне нельзя было выйти на улицу. На меня чуть ли не показывали пальцами. Сверстники подсмеивались надо мной так, что щеки мои пылали от стыда и негодования.

— Надо, малыш, устраиваться, — сказал однажды дядюшка, когда я сидел у окна в самом мрачном настроении.

Непрестанно чиркая спичками и раскуривая трубку, которая упорно гасла, дядюшка разразился гневной речью против бывшего лорда:

— Ему и горя мало, что он посадил тебя на мель, малыш. А у меня с отцом твоим пороку нехватит, чтобы взять тебя на буксир и тянуть к тихой пристани. Почтенный благодетель исчез с горизонта. Сегодня в «Тигре» рассказывали, что он уже навсегда покончил счеты с жизнью. Ничего не имею против...

— Не говорите так о человеке, который помогал нам, — возразил я.

Дядюшка помахал своей единственной рукой, в которой держал трубку.

— Смотри жизни прямо в глаза, Сэм. Никогда не бойся правды. Тебе теперь надо расталкивать жизнь локтями — вот правда. Заставь потесниться почтенных толстяков, которые сидят в конторах Эшуорфа. Пусть дадут тебе место под солнцем. Диплом Дижана! Он что-нибудь да значит!

Да, надо было устраиваться. Но я скоро убедился, что ни диплом, ни похвальный отзыв колледжа сами по себе не обладают способностью доставлять к моему столу утрен-

ний кофе с легким завтраком, приличный обед и сытный ужин, равно как и пачку душистых сигарет, подметки для ботинок и тому подобные досадные, но необходимые мелочи, к которым я привык в пансионе Дижана и в доме друга моего Роберта.

В бесплодных поисках работы я обошел все учреждения Эшуорфа и Уэсли. Но в королевстве как будто был избыток лаборантов, секретарей и писмоводителей. Мне не находилось уголка под родным солнцем.

Часами я сидел дома усталый и взволнованный, предаваясь горестным размышлениям.

Надо на что-то решаться. Жить у отца и ждать, что заработок сам свалится с неба, невозможно. Бедный отец! Он униженно хлопотал перед мистером Сэйтоном, чтобы тот взял меня младшим клерком к себе. Но стряпчий только надул губы. Как? Иметь дело с парнем, которому покровительствовал бывший лорд, с позором изгнанный из Олдмаунта? Нет, он несогласен взять меня и за половинное жалованье. А я не знаю, как мне выкарабкаться из этого положения. Я не могу больше рассчитывать на помощь лорда, а на помощь отца и подавно. Он тратил на меня все, что имел. Теперь я обязан помогать ему.

У меня была слабая надежда, что ректор Дижана и корпорация преподавателей найдут средства для того, чтобы я продолжал образование в старшем отделении. Я написал ректору отчаянное письмо. Но не получил ответа.

В те времена нашим юношам и девушкам было нелегко найти достойное применение своим способностям и усердию. Деньги не валялись на улицах городов, но единственным занятием многих безработных было хождение по тротуарам в тщетной надежде найти хоть мелкую монету. Это казалось тогда все-таки более вероятным, чем найти работу через конторы по найму.

В уме я перебирал всевозможные комбинации, как бы устроиться. Раз пришло в голову, что Эд мог бы попросить старика Орфи взять меня в аптеку мыть бутылки. Но смешно дипломированному дижанцу сделаться аптечной судомойкой! Самое же главное препятствие к получению места у Орфи заключалось в том, что Эд сам мыл бутылки в аптеке своего отца. Он так усердно возился за аптечными шкафами, что вряд ли потерпел бы конкурента в своей микстурной кухне.

Мысли не давали мне покоя.

«Что я могу найти в этом городишке? Прожить здесь

всю жизнь с Орфи, Бриджем, доктором Флитом, с красносным дядюшкой?»

В уме я перебирал местных почтенных граждан. Викарий — преподобный Иеремия, сладкогласный проповедник, известный любитель вкусно покушать. Одноглазый почтмейстер Колли, обремененный многочисленным семейством. Судья Уислей, приятель стряпчего Сэйтона. Полковник Фредсон, прозванный «неутомимым поглотителем рома». Галерея эшуорфских типов проходила передо мной. Целая толпа почтмейстеров, аптекарей вылезала из камина, заполняла комнату. Они обступали меня, подмигивали и что-то насмешливо бормотали.

Мне сделалось страшно. Я очнулся.

Помню, подбежав к окну, я распахнул его. Темнело. В домиках Эшуорфа зажигались огни. Рядом в палисаднике миссис Уинтер громко кричала:

— Мери!.. Куда ты девалась, мерзкая девчонка? Где Эдит?

Послышался плаксивый голосок Мери:

— Я не зна-аю...

Единственное, что тогда удерживало меня в Эшуорфе, надо сознаться, была Эдит Уинтер.

Их домик стоял рядом с нашим. Отец Эдит служил на почте под начальством мистера Колли. Он страдал болезнью сердца и почти не показывался на людях. Изредка я видал его в садике при доме. Он сидел в плетеном кресле, уронив на колени худые руки, и печально смотрел на полоску океана, которая виднелась вдали. Эд рассказывал, что старый Уинтер копит деньги, чтобы уехать куда-то далеко на юг.

Помнится, однажды в воскресенье Оливия взяла меня в церковь. После обедни моя няня на церковном дворе разговаривала с женщинами. Все они почтительно замолчали, когда из церкви вышел настоятель отец Иеремия. Он шел вместе с миссис Уинтер и худенькой девочкой в круглой соломенной шляпе с двумя ленточками.

— Не падайте духом, дорогая миссис Уинтер, — мягко сказал настоятель. — Надо надеяться, что ваш муж поправится. Я уже сказал, чтобы доктор Флит обратил особое внимание на этого пациента. И вы не беспокойтесь о гонораре. Община возьмет все расходы на себя.

— Благодарю вас, отец-настоятель, — прошептала расстроенная миссис Уинтер. — Мне бывает так тяжело... Ведь у меня двое детей...

— Знаю. Долг наш — заботиться о детях. Мужайтесь.

Оливия потом сказала мне:

— Сэм, поздоровайся с Эдит. Разве ты не узнал ее?

Мы возвращались домой вчетвером. Оливия утешала миссис Уинтер, а я шел с Эдит впереди. Я понял, что ее отец лежит больной, и мне было ужасно жаль девочку. Я видел, что Эдит очень любит отца и тяжело переживает его нездоровье.

В тот день Оливия приготовила очень хороший обед и поручила мне отнести Уинтерам что-то вкусное.

— Ты сделаешь доброе дело, Сэм, если наведишь больного, — наставительно сказала Оливия, завязывая в салфетку блюда с кушаньями.

Я отправился к Уинтерам, и с этого дня началась моя дружба с ними, более тесная, нежели простое соседское знакомство. В тот день Эдит проводила меня до калитки и сказала:

— Вы такой добрый, Сэм! Я никогда, никогда этого не забуду.

Я ничего не ответил. Я был слишком растроган тем, что меня называли добрым.

Мы часто играли на площадке в крокет. Мне доставляло удовольствие проигрывать Эдит, и я радовался, когда она хлопала в ладоши, торжествуя победу. Мне нравился приятный характер этой кудрявой девочки. В прошлом году, приехав в Эшуорф, я не сразу узнал Эдит. Она выросла, выпрямилась, как-то по-особенному стала причесывать свои густые волосы, в глазах ее появился новый, чуть притаенный блеск, и это меня очаровало. Однажды, гуляя с Эдит, я попросил позволения писать ей. Она разрешила. Я написал из Дижана. Она ответила так мило, что я выучил это письмо наизусть и долго хранил его.

Теперь Эдит стала настоящей красавицей. Ее улыбка покоряла меня, и я часто ловил себя на том, что теряюсь перед этой тонколицей грациозной девочкой, не зная, что сказать. Вот что удерживало меня в Эшуорфе. К этому следует добавить, что совсем недавно я услышал слова дядюшки, когда он разговаривал на кухне с Оливией.

— Что касается меня, — ораторствовал дядюшка, — то я бы не стал мешать нашему парню расстаться на время с Эшуорфом. Надо рассуждать практически, как любит выражаться Том Бридж. Если на руках нет козырей, надо ходить с маленькой. Пусть Сэм побродит по белу свету. Смотришь, нападет на золотоносную жилу и вернется не с пустыми руками. Вот тогда, Оливия, и попируем на свадьбе...

— Скажете тоже, мистер Бранд, — возразила Оливия.

— А я серьезно, — ответил дядюшка, и слышно было, как он ожесточенно выколачивает свою бразильскую трубку о край кирпичного очага. — Чем кудрявая Эдит не невеста для нашего малыша? Через три года ей стукнет восемнадцать. К этому сроку малыш должен заработать деньги, и тогда им можно будет подумать о семейном гнездышке. Эх, Оливия, не успеем мы и оглянуться, как придется нам нянчить внучат!..

Дядюшка залился добродушным смехом.

Дальнейшего разговора я не слышал, но слова дядюшки глубоко запали в мою душу. Они были мне приятны!

Сейчас я вспомнил эти слова и отвлекся от тяжелых мыслей.

Вошла Оливия.

— Тебе письмо, Сэм.

Я разорвал конверт. В полусвете вечерней зари, стоя у окна, я прочитал строчки, написанные жестким почерком моего друга Роберта, и выронил на пол тяжелый, с золотым обрезом листок. Роберт писал:

«Уважаемый мистер Пингль! После всего, что стало известным относительно лица, которое покровительствовало Вам, я полагаю, Вы сами поймете, что следует пересмотреть некоторые личные отношения. Мои друзья также полагают, что вряд ли Вам будет удобно впредь встречаться с ними в стенах нашего колледжа. Попятным должно стать и то, что предполагаемая наша совместная поездка окончательно расстраивается. Примите уверения и пр. Р. Смолл».

Боже мой, как корректно!

Лицо мое горело, как от пощечины. Они не хотят иметь со мною ничего общего? Мое присутствие шокировало бы их? Тем лучше. Ах, как прав в своем возмущении дядюшка!

V

Эдит сидела рядом со мною в сквере у спуска Кинг-стрит к порту. Перед нашей скамьей, в рамке зелени, на клумбе дремали чахлые флоксы. Кусочек туманного океана виднелся внизу над выступами кирпичных домов с острыми черепичными крышами. Среди них возвышалось громоздкое здание эшуорфской конторы столичного банка «Мей и Литтл-юниор», служить в которой было мечтой многих эшуорфцев.

— Знаешь, Эдит, я уеду из Эшуорфа, — сказал я.

Я впервые сказал своей подруге «ты» и ждал, как она мне ответит.

— Это очень хорошо, Сэм, — ответила девочка и отвернулась. Губы ее задрожали, но голос оставался ровным. — Ты увидишь, как живут люди. Папа всегда говорил, что путешествия — самое интересное на свете. Если бы он был здоров, он бы уехал в Австралию... Ты выберешь, Сэм, самое лучшее для себя, — договорила Эдит.

— И для тебя, Эди, — тихо добавил я.

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Знаю, но пока лучше об этом не говорить. Ты такой хороший, Сэм! Мне сейчас очень-очень грустно, а без тебя будет еще грустней. Но делай, как лучше для тебя, Сэм, и, пожалуйста, не думай обо мне, не принимай меня в расчет. Дядюшка Реджи говорил, что надо воевать с жизнью. А ты сильный, Сэм. Ты сумеешь победить... Да, да, Сэм, поверь мне. Я знаю тебя лучше, чем ты сам!

Эдит мягко улыбнулась.

— Хочешь знать, о чем я думаю?

— Очень хочу, разумеется.

Она сказала серьезно:

— Я думаю, что дружба помогает людям в жизни. Это я прочитала вчера в одной книге, и это очень верно...

Потом мы спустились по Кинг-стрит к молу и долго смотрели на залив. Красивые парусные яхты мчались к мысу Джен и там ловко поворачивали, ловя ветер. Одна из них обогнала все остальные. Ее паруса блестели в лучах заходящего солнца.

— Как ловко управляется с парусами парень, — заметила Эдит, кивая на яхту, где чернела фигура толстого человека, сидевшего на корме.

— Это Боб, — отозвался я.

— Ну да, Боб Бердворф, — подтвердила Эдит. — Он скоро получит наследство, говорят.

Мне не понравилось, что Эдит так много внимания обращает на суденышко этого Боба, племянника господина Сэйтона. Но действительно, его яхта была прелестна.

— Может быть, мы вернемся домой? — предложил я Эдит.

— Да, Сэм. Здесь свежо, — покорно согласилась со мною она, хотя на берегу совсем не было свежо.

Когда я пришел домой, отец ужинал. На его безмолвный вопрос я мог только опустить голову.

— Ничего утешительного.

— Ешь, если голоден, — сказал отец.

После ужина он позвал меня в кабинет, где каждая мелочь, начиная с каминных щипцов в виде широких когтистых лап и кончая громадной пепельницей из панцыря гвинейской черепахи, была мне знакома с детства. Я видел блестящую седину на висках отца и добрый взгляд его усталых выцветающих глаз. Милый отец! Из старинного секретера он вынул два банковых билета и сказал тихим голосом, в котором звучала печаль:

— Дорогой малыш! Ты получил образование, как хотела твоя покойная мать... — При этих словах отец посмотрел на висевший в простенке большой портрет своей жены, так безвременно покинувшей нас, и приложил носовой платок к повлажневшим глазам.

Растроганный, я молчал. В эти минуты я памятью оживлял нежные черты мамы. Она так любила меня!

— Сын мой, тяжело говорить, но скажу, — продолжал отец, смотря на меня из-под густых седых бровей. У него был торжественный вид, и выражался он несколько старомодно: — От бывшего нашего лорда нет никаких вестей, и не исключена возможность, что его уже нет в живых. Но не смею осуждать судьбу, ибо знаю строгую мудрость законов земли и неба. Если тебе не суждено закончить образование, пусть будет так. Но мы все — и я, и дядюшка Реджи, и наша добрая Оливия — хотим, чтобы ты нашел свое счастье. Сегодня я имел долгую беседу с наставником нашим отцом Иеремией. Досточтимый служитель церкви вполне согласен с тем, что советовал раньше дядюшка Реджи...

— Знаю, — произнес я, опуская голову.

— Очень хорошо, что ты сознаешь наше положение, — вздохнул отец. — Ты сам должен отыскать свою судьбу. У моего малыша Сэма крепкие руки и светлая голова, напичканная разными премудростями, а сердце такое же доброе, как и у его покойной матери...

Мы оба снова посмотрели на портрет с грустью и благодарностью.

— У тебя, Сэм, есть желание работать, — продолжал отец. — Мы с Реджинальдом видели, как старался ты устроиться здесь, и решили... — С этими словами отец вручил мне два банковых билета: — Возьми, малыш. Эти деньги — все, что я имею, скудные остатки моих сбережений. Постарайся истратить их так, чтобы потом с благодарностью вспоминать о своих родителях. Помни, что родители всегда любят своих детей. Знай, что над бумагами лорда Паклингтона в конторе я просиживал по четыре часа

лишних ежедневно, а твоя добрая мать экономила по мелочам. Мы трудились, чтобы скопить хоть что-нибудь для тебя. — Отец взволнованно затряс головой и протянул мне руки: — Дорогой мой!..

Будучи не в силах говорить, я только склонился на грудь отца, долго целовал его сухие, запачканные чернилами руки и орошал их благодарными слезами.

— Ну, ну, малыш...

Отец ласково потрепал меня по плечу:

— Спрячь деньги... Свет велик, во владениях короля не заходит солнце, и Нептун покровительствует нашему флагу на морях. Устраивайся. А вернешься, будь уверен, ты найдешь в Эшуорфе попрежнему любящих тебя людей.

Чуть прищурившись, отец покосился на окно, через которое виднелся домик Уинтеров, и я понял, что отец знает о моей крошечной тайне.

Отец проговорил со мною до полуночи, сидя в кресле у любимого камина. В юности он путешествовал, и мне пришлось лишний раз выслушать историю, как в Новой Гвинее охотятся за черепахами.

Милый неудачник! До сих пор помню его ласковый взгляд, когда он поднимался по узкой винтовой лестнице к себе в спальню. На ступеньках он приостановился со свечой в руках. Из кухни несло сыростью. Свеча оплывала, и стеариновые сосульки падали на тяжелый медный подсвечник, дрожавший в руке отца. Перегнувшись через перила, отец кивнул мне.

— Не проспи, малыш. Старый Орфи поедет за скипидаром ровно в шесть и согласен захватить тебя. Ты попадешь в Уэсли на поезд семь семнадцать. Спокойной ночи.

Я плохо спал. Решено. Утром я уеду из Эшуорфа, потихоньку, чтобы никто и не заметил этого. Эдит я буду присылать письма...

Мне показалось, что за окнами начинается шторм. Но это только развратился дядюшка Реджи. Он бурно спорил о чем-то с Оливией, но внезапно смолк. У Оливии была своя манера управляться с нарушителями спокойствия в ее кухонном царстве. И вскоре я услышал смиренные шаги дядюшки и осторожный скрип двери его комнаты...

* * *

Утро сияло весенним очарованием.

Черепичные крыши эшуорфских домов, умытые свежей росой, ярко и разноцветно блистали на солнце. В туманной

лиловой дали под пышным пологом розовых облаков еще дремал величественный океан. Шоссе медленно извивалось вокруг холма. Старый Орфи не очень торопился, сидя в повозке, где глухо позвякивали оплетенные соломой аптечные бутылки. Костлявая лошадь мужественно преодолевала подъем на верхнее шоссе. Эшуорф медленно опускался. Зелень придорожных кустов ласкала мои взоры. Я мысленно прощался со всем, что мне было дорого здесь. Вот и поворот у моста.

Неожиданно я увидел Эдит. Она стояла на берегу ручья и махала мне рукой. Орфи предупредительно натянул вожжи, и девочка подбежала к остановившейся повозке, из которой я выпрыгнул.

— О, Эдит!

Мы пошли вперед по шоссе. Эдит протянула мне маленький букет горных фиалок:

— Счастливый путь, Сэм.

Глаза Эдит были похожи на темные влажные фиалки.

Я растроганно прошептал:

— Как хорошо, что ты пришла, Эдит!

— Мне хотелось пожать тебе руку на прощанье. Вот и все, — сказала она.

— До свиданья, Эди. Ты не забудешь меня?

— До свиданья, Сэм. Возвращайся... Я буду ждать...

Копыта лошади гулко простучали по деревянному мосту. Повозка завернула за холм, и я уже не видел Эдит.

Аптекарь меланхолично пошевелил вожжами.

— Не знал я раньше, что маленькая Уинтер любит утренние прогулки.

Я помолчал, дожидаясь, когда мысли старого Орфи перестанут касаться чужих дел, а потом равнодушно заметил:

— Какая теплая погода!

Но аптекарь был упрямым и любил соваться не в свои дела. Он долго ворчал:

— Не мог старина Пингль придумать чего-нибудь получше, чем отпускать парня от себя. Хм... Вот я... дальше Уесли не ездил и Эда никуда не пущу. Доктор Флит прав: даже в раю должна понадобится аптека. И на наш век хватит...

В непонятном раздражении аптекарь вдруг больно хлестнул лошадь, крикнув:

— Ну ты, инфузория!

Четвероногая «инфузория» нервно взмахнула хвостом и сразу прибавила рыси. Эшуорф остался позади.

Вторая тетрадь

I

Если подробно рассказывать о всех бедах, которые обрушивались на меня с того памятного очаровательного утра, когда я покинул Эшуорф в поисках постоянного куска хлеба, то понадобится чрезвычайно много времени, трудов и бумаги. Скажу только, что неудачи преследовали меня, отмечая безнадежность моей судьбы на этой планете. Казалось, весь свет сговорился доставлять мне лишь одни неприятности. Отцовские деньги таяли в моих руках, как снег на раскаленной плите. Мечты также превращались в неосязаемый пар. Я бежал от одних неудач и наталкивался на другие, еще более жестокие.

О порядках в конторах по найму я мог бы написать целую монографию — так хорошо я ознакомился с бесконечным ожиданием предложения и бешеным бегом по указанному адресу. А когда я влетал в какой-нибудь магазин, где требовался лифтер или посыльный, то заставлял там или толпу таких же, как я, или ответ: «Место только что занято».

Однажды мне как будто посчастливилось. Управляющему какого-то герцога требовалось пятнадцать молодых парней на один день. Об этом было напечатано объявление. Работа, как я узнал после, заключалась в том, что парни, обряженные в рыцарские доспехи четырнадцатого столетия, стояли на площадках парадной лестницы во время вечернего раута и отдавали честь приглашенным гостям. Нас собралось около тысячи. Давка была страшная. Сначала отобрали триста человек. Я нырнул в толпу и проскользнул во двор герцога триста первым. Вышел дворецкий и еще какие-то люди и выгнали обратно на улицу примерно две трети. Осталась сотня кандидатов в счастливицы, в том числе и я. Мы выстроились, как солдаты на смотре, в две линии. Все старались держаться бодро, выпячивали грудь и держали руки по швам. Дворецкий прошел мимо один раз, всматриваясь в наши лица, и ничего не сказал. Потом прошел вторично, глядясь в человека, как бы оценивая его, и, слегка ткнув пальцем, говорил:

— Да.

Мимо меня он прошел равнодушно, как мимо уличной урны для окурков. Я видел холодное бритое лицо с пуцзовым носом и навсегда запомнил его.

Пятнадцать счастливцев пошли в контору за дворецким, а остальных вежливо попросили убираться.

Отчаявшись найти работу по газетным объявлениям, я решил заходить во все подряд магазины, конторы, меняльные лавки, парикмахерские, мясные, зеленные и предлагать свои услуги. Предъявляемый диплом не производил на хозяев никакого впечатления, и мне вежливо отказывали. Впрочем, владелец табачной лавочки на углу Брайт-стрит и площади Пальмерстона, чистенький старичок в очках и старомодном полосатом жилете, заинтересовался моей особой, когда я представился ему и предъявил диплом.

— Очень рад, молодой человек, — произнес он, с любопытством рассматривая львиную голову на печати Дижанского колледжа. — А, знаете, лев мне не очень нравится. Нет в нем, я бы сказал, свирепости. А? Дижан? Очень хорошо...

Старичок был глух, и я кричал ему на ухо:

— Мне надо устроиться!..

Старичок испуганно посмотрел на меня.

— Устроиться? А ваша фамилия Пингль?

— Да. Я не мог продолжать образования...

— Постойте... — Тут старичок начал задумчиво чесать себе переносицу. — Ведь я где-то читал про вас... Вы тот самый?

— Простите, не понимаю...

Глазки старичка сияли любопытством.

— Ну, ну... Вы тот самый Пингль, которому помогал лорд Паклингтон...

— Совершенно верно! — закричал я, ожидая, что старичок сейчас же поставит меня за прилавок рядом с собою торговать «Западным сфинксом» и сигаретами.

Но неожиданно старый табачник затопал ногами.

— Прошу меня оставить в покое! Я, знаете, консерватор и не могу позволить, чтобы разные подобные... Ах, ах, молодой человек, стыдитесь...

Три дня, голодный, скитался я по докам. Шкипер «Камбалы», столкнувшийся со мною у пристани, оказался приятелем дядюшки по «Королевскому тигру» и узнал меня. Услышав про диплом, он только свистнул протяжным морским свистом.

— Несъедобный товар... Посмотри свет, малютка. Пусть обвеют тебя штормы и хорошенько просолят морские волны. Это говорю тебе я, прошлявшийся по морям двадцать

три года. Дядя у тебя, Пингль, хороший парень, и для него я готов помочь тебе. Слушай, нанимайся на корабль и поезжай куда глаза глядят, ни от какой работы не отказывайся. Нитка к нитке, а получается канат, понял? Как земляку устрою рекомендацию на угольщик бесплатно. Идет?

— Сделано, — ответил я, как говорили в Эшуорфе матросы.

Так начались мои странствования.

Пузатый черномазый угольщик, пропитанный нефтью и жирной вонючей пылью от верхушек мачт до самого киля, носил странное для океанского судна название — «Зеленый кот». Так как известно, что коты не плавают даже в прудах, то понятно, что угольщик имел обыкновение устраивать качку и при совершенном штиле. Почти весь экипаж угольщика состоял из китайцев, потому что работа на этом отвратительном судне была исключительно грязной. Может быть, шкипер хотел испытать меня и поэтому рекомендовал меня капитану «Зеленого кота». Капитан Джон Гревс не отличался многословием. Он сказал:

— Беру. Работать у котлов. Повиноваться. За проступки буду наказывать.

И вот с полудюжиной китайцев я зачислился в команду помощника кочегара. Я сделал это с удовольствием. Мне казалось, что я поступаю назло всем.

Плавание на запад во чреве грязного чудовища выматало из меня все внутренности. Сотоварищи по работе относились ко мне в первые дни с насмешливой подозрительностью. Но как только черная пыль одинаково покрыла толстым слоем наши лица, отношения сгладились. За работой я научился понимать несколько фраз по-китайски, и мне нравилось переговариваться с белозубым Ча и низкорослым силачом Та-ши. Ведь я говорил с людьми на языке, которому не учили в колледже.

Я сошел на берег Нового Света, потеряв в весе девять кило, грязный, как дьявол, но с деньгами в кармане. Можно было начинать сухопутную карьеру. Мысль о новом океанском рейде бросала меня в дрожь. Небоскребы напомнили мне эшуорфские скалы, а улицы казались похожими на ущелья. Я пробовал работать грузчиком, расклеивал театральные афиши, торговал газетами и шнурками для ботинок. Небольшая тарелка овсянки с куском хлеба начинала становиться моим ежедневным меню. И наконец мне повезло...

В Белл-Харбор я попал случайно. Железнодорожное полотно, ведущее туда из города, уложено на бетонных шпалах в уровень с водой, и мне казалось, что поезд мчится по волнам поперек залива Белл-Бай. Белл-Харбор — пригородная дачная местность на берегу океана. Окрашенные в веселые яркие цвета почти одинаковые домики вытянулись ровными линиями, все с террасами и полосатыми занавесками, с огороженными палисадниками, где недостаток деревьев возмещается пышными ослепительно зелеными, будто лакированными газонами и цветущими кустарниками. Вдоль берега тянется асфальтированная дорога, и все пространство между нею и океаном занято широким песчаным пляжем. Белл-Харбор считается прославленным местом морских купаний.

Внимание мое привлекла громадная вышка для прыжков в воду.

Джентльмен, уныло валявшийся на песке и куривший трубку, пробормотал:

— Ах, вы спрашиваете про эту вавилонскую башню? Ее построили для Блек Снэка... Что? Вы не знаете, кто такой Блек Снэк? — Джентльмен оживился и лег животом на горячий песок. — Хм, догадываюсь, вы — не здешний кролик. Ну, так к вашему сведению, наш Блек Снэк величайший в мире чемпион по фигурным прыжкам в воду. Послезавтра здесь назначены состязания с его участием. Сюда соберется сто тысяч зрителей любоваться этим отчаянным парнем.

— Интересно, — проговорил я, присаживаясь на корточки.

— Ну, платите десять центов или проваливайте, — неожиданно предложил мне джентльмен.

— За что же платить? — изумился я.

— Я уже занял своей персоной пространство в тридцать квадратных футов, видите? — сказал джентльмен и, перевернувшись на спину, раскинул руки и ноги так, что действительно занял некоторую часть пляжа. — С вечера сюда начнут собираться зрители, чтобы лучше видеть Снэка. А уж отсюда-то каждый, имеющий хоть один глаз, отлично увидит всю игру мускулов нашего любимца. Поэтому один фут моего пространства я пока ценю в десять центов. К вечеру цена повысится. Если вы займете местечко вон с той стороны и посидите так до захода солнца, вы сможете нажить пятьдесят процентов.

Этот хитроглазый детина явно издевался надо мной. Я молчал, придумывая месть. Вышка действительно была необычайно высока. Таких не строили у нас в Дижане, где я считался одним из первых пловцов.

— А все-таки мне думается, — проговорил я, с усмешкой поглядывая на джентльмена, — что ваш Снэк не сумеет сделать три витка и петлю в одно и то же время.

— Это сделано было только однажды после сотворения мира, — сказал джентльмен, — а именно дьяволом, когда он кубарем летел с неба в преисподнюю. Не говорите, кролик, о том, что выше вашего понимания...

— А вы лучше платите мне сейчас десять центов. Я покажу вам этот пустячный фокус, и можете предупредить публику, чтобы никто не беспокоился приезжать сюда послезавтра.

Я тоже издевался над собеседником.

— Плачу доллар, если это правда, — мрачно произнес он. — Но ты, негодяй, смеешься, и я сейчас изобью тебя так, что ты навсегда потеряешь вкус к насмешкам, кролик.

Он вскочил, и вид у него был довольно противный.

— Прыгай, кролик, — зашипел он, и тут по неуверенности, с которой он сохранял вертикальное положение, я понял, что джентльмен уже с утра основательно познакомился с виски. Он схватил меня за шиворот: — Я хочу посмотреть, как ты будешь делать три витка. Сам Снэк делает только два, чорт возьми!

Странный любитель спорта подтащил меня за шиворот к подножию вышки. Я вырвался и сжал кулаки.

— Иди и протри глаза, мокрая шляпа, и готовь деньги. Кролик побьет твою черную змею¹.

Но человек опять поймал меня.

— Полезай! Прыгай, или я тебя съем!

Он подтолкнул меня, и, чтобы не упасть, я ухватился за перекладину первого звена. Отсюда наверх вели узкие спортивные лестницы. Меня охватило привычное чувство гимнаста. Ведь в Дижане я славился тем, что при прыжках изобретал всевозможные головоломные комбинации. И теперь я придумывал фигурный прыжок, чтобы выиграть доллар. Ведь у меня в кармане не было ни цента.

Вышка была выстроена добротно и изящно и оканчивалась небольшой, открытой со всех сторон площадкой. В сторону океана с площадки вытягивалась длинная упругая, как стальная пружина, доска. Я разделся и выпрямился

---

¹ Игра слов. Б л е к С н э к — буквально: черная змея.

оглядевшись. Прямо передо мной была пустота — безоблачное небо и необъятное водное пространство. Подумалось — может быть, там, на другой стороне океана, на эшуорфском берегу сейчас стоит Эдит и смотрит сюда...

Два катера бороздили волны внизу и были похожи на крошечные пуговицы. Меня, вероятно, увидели, потому что к вышке плыли с обеих сторон купающиеся. На берегу быстро собирались зрители.

Прохладный ветер приятно обдул меня. Я ступил на доску. Она чуть скрипнула подо мной и стала плавно опускаться. Я никогда не страдал боязнью пространства и мог ходить по краям крутых обрывов, не испытывая головокружения. Такова сила привычки. Я взглянул вниз, не дойдя шага до края. Сверху было так ясно видно, что я различал блеск рыбьей чешуи в голубоватой, пронизанной солнцем воде.

Вдруг я увидел, что один пловец внизу, странно взмахнув руками, исчез с поверхности. Я видел, как он быстро погружался на дно. Человек тонул. Надо спасти его. Со всей силой мускулов я сделал необходимое движение, и в тот же миг доска подбросила меня вверх. Описывая длинную петлю, я делал витки вокруг своей оси, не предусмотренные никаким видом спорта, и наконец кое-как выпрямил руки, инстинктивно чувствуя, что сейчас врежусь в океанские волны.

Открыв в воде глаза, я увидел силуэт погружавшегося человека. Я подхватил его и всплыл с ним наверх.

Потом кто-то больно схватил меня за волосы... Очнулся я на берегу, окруженный толпой. Отхлебнув глоток виски из поднесенного мне плоского флакона, я окончательно пришел в себя.

Юркий человек в тигровых трусиках спрашивал меня:

— Ваше имя? Удивительный прыжок! Спасенного вами уже увезли в спасательном катере в город. Вы профессионал или дил?¹

Но в этот момент через толпу протискался низенький толстый человек, почти крича:

— Да где он? Покажите мне его!

Все почтительно расступились перед толстяком. Он остановился против меня, растопырив руки, потом мягко хлопнул пухлой рукой меня по плечу.

— За вас будут ставить сто против одного. О'кей...

Человек в тигровых трусиках вертелся около меня.

---

¹ Д и л — сокращенно: дилетант.

— Небольшое интервью. Для спортивного журнала. Где вы учились прыжкам?

Но толстяк величественно, одним движением мизинца левой руки заставил репортера стушеваться.

— Джентльмены, не мешайте молодому чемпиону одеться. Эй, достали его костюм?

Двое черномазых ребятишек, оказывается, уже успели забраться на вышку и достать мое платье. Я начал одеваться. Ребятишки возились в песке, разыскивая брошенную им монету.

Толстяк посмотрел на меня.

— Вы — мой!

Я искал свое драное кепи.

— Простите, не совсем понимаю...

— А зачем понимать? Вы — мой... Идемте.

У толстяка была удивительная манера разговаривать. Безотчетно повинаясь ей, я пошел вместе с ним по пляжу, сопровождаемый толпой. В Новом Свете взрослые любопытны больше, чем дети у нас в Эшуорфе. Толстяк, не обращая внимания на окружающих, повторил мягко и настойчиво:

— Я никому не уступлю вас. Вас ждет блестящая карьера. Вы будете купаться в золоте. Сделать четыре витка... И каких... Остолбенеть можно!

На дороге у пляжа стоял роскошный авто. Шофер почтительно открыл дверцу.

— Прошу, — любезно сказал толстяк, уступая мне честь войти первому.

Я ничем не рисковал, заняв место в авто. Все равно мне некуда было деваться. Когда мы отъехали от пляжа и приветственные крики провожавших замерли вдали, я вспомнил, что не получил выигранного доллара с хитроглазого парня, и мне стало досадно, как никогда.

— Ну, этого доллара я не прощу, — пробормотал я, занятый своей мыслью.

Толстяк засмеялся.

— Наконец я слышу от вас настоящие слова. Не следует прощать долгов даже в сумме одного доллара. Как только подпишете контракт, вы будете иметь их тысячи...

Я повернулся к нему:

— Вы закормили меня золотыми обещаниями. Вы кто? Дьявол?

Собеседник еще громче засмеялся.

— Нет. Я клоун. Каждый знает меня. Я — Клипс.

Известный изобретатель цирковых головоломных номеров и талантливейший артист клоунады Клипс предложил мне работать с ним в цирке «Колоссэум». В баре «Веселая мышь», куда мы приехали, Клипс угостил меня скромным завтраком и теперь занимался составлением какого-то очень сложного коктейля. Слуги поставили перед ним несколько бутылок, и он ловко наливал по ликерной рюмочке из каждой в общий бокал, мешал длинной серебряной ложкой и пил эту адскую смесь, закусывая какими-то хрустящими лепешками. Я предусмотрительно воздерживался от этого десерта и внимательно слушал, что говорил Клипс. Я недоумевал, почему этот выдумщик и очевидный старый алкоголик обратил на меня свое благосклонное внимание. Он махнул рукой, когда я заикнулся о колледже и дипломе.

— Мир устал удивляться этим словам. Я вас об имени даже не спрашиваю. Мне ваша психология не нужна. Я вижу одно: ваши мускулы просятся на арену.

После второго бокала он очень умело перешел на товарищеский тон.

— Из тебя выйдет бесподобный артист, — безбожно льстил мне клоун. — Надо выходить в люди, парень. И не будь я Клипс, если через месяц мы с тобой не станем загребать золото лопатой...

После этого предисловия Клипс открыл мне свою идею.

Он уже давно придумал смертельный номер программы под интригующим названием: «Человек легче воздуха», но никак не мог найти исполнителя для заглавной роли.

— Неужели даже Блек Снэк отказался помочь вам? — спросил я Клипса.

Тот чуть не подавился глотком горячительной смеси.

— Кто?

— Знаменитый фигурист-прыгун... Для него и вышка была выстроена, с которой я прыгнул.

— Ты что-то путаешь, мой друг, — ответил Клипс. — У нас нет спортсмена с такой змеиной фамилией. А вышка принадлежит местному спортивному обществу Белл-Харбора. Но не перебивай меня пустяками о несуществующем мистере Снэке.

— Простите, — пробормотал я, втайне испытывая горячее желание опять встретить хитроглазого парня, чтобы объясниться с ним начистоту. Мало того, что он не отдал мне проигрыша, он еще и ловко посмеялся надо мной.

Насколько я мог понять Клипса, номер заключался в фигурном прыжке через арену цирка «Колоссэум». Но все детали затеи мне стали ясны, когда на следующий день у директора цирка я собственными глазами увидел удивительную гимнастическую аппаратуру. Она поразила мое воображение, и я согласился исполнять роль «Человека легче воздуха».

Впрочем, не одно преклонение перед техническим совершенством аппаратуры Клипса заставило меня согласиться, а главным образом фраза, оброненная клоуном, когда мы беседовали уже более конкретно в баре на Семнадцатой улице:

— Каждый хочет кушать хлеб свой не всухую, а с маслом.

При общем сочувствии труппы и под руководством Клипса я в течение трех недель репетировал изумительную выдумку клоуна-изобретателя. Кормили меня прекрасно. Я даже отдохнул и поправился за это время, несмотря на усиленную тренировку. Я почти не думал о предстоящем дебюте, решив плыть по течению.

Наконец настал день первого представления. За кулисами меня одели в золотистый костюм, расшитый блестящим позументом, и под «Марш гладиаторов» вывели на арену. Клипс бесподобно подавал соответствующий конферанс, бросая такие веселые шуточки, что галерка покатывалась со смеху. Я галантно раскланялся, и Клипс уложил меня в разукрашенную люльку, шепнув:

— Больше бодрости, Сэм. Не обращай внимания на все эти глазающие рожи. Вообрази, что это обычная репетиция.

Музыка заиграла меланхолический вальс «Усни, мой котик, если хочешь...»

Лежа в люльке, я старался набраться хладнокровия. Но мрачные мысли будто нарочно лезли мне в голову. Почему-то я вспомнил, что надо написать Эдит, если... если сегодня все сойдет благополучно. Ах, если я останусь жив!.. Зачем я связался с этим Клипсом? Мною вдруг овладело желание выскочить из люльки и убежать с арены. Но было уже поздно.

А Клипс в это время ходил вокруг люльки, смешно дергая ногами, будто они у него были без суставов, подыгрывал оркестру на банджо и гнусаво мурлыкал:

Усни, мой котик, если хочешь,
И маме нежно улыбнись.
А завтра, лишь настанет утро,
Ты обязательно проснись...

На минорном, задумчивом аккорде музыка смолкла. Скрипачи и альтисты опустили смычки и сняли сурдины со струн. Трубачи получили возможность перевести дыхание. А литавристы и барабанщики начали выбивать такую дьявольскую дробь, что «Колоссэум» замер. Клипс прищурился на меня, высоко подняв левую нарисованную бровь, что означало: «Осторожность и внимание».

И если представить себе, что люлька, в которой я лежал, на самом деле была ложкой мощной катапульты, то читатель легко поймет все остальное.

Я глубоко вздохнул и поймал взгляд Клипса, как бы говоря: «Приготовился».

Клипс отбросил банджо и эффектно дал сигнал машинистам за кулисами, выстрелив вверх из оглушительного пистолета. Оркестр ударил аккордом такой силы, что, казалось, рушились стены. Пружина катапульты распрямилась, и я стремглав взлетел под самый купол цирка. Слабонервные леди, вероятно, произительно взвизгнули, но я ничего не слышал.

По крутой траектории я уже падал вниз.

Сила пружины катапульты, рассчитанная на вес моего тела в костюме, с математической точностью заставляла меня попадать в определенный участок арены. А на этом месте стоял небольшой бак, сделанный из прозрачной пластмассы и наполненный солевым раствором определенной концентрации. Летя сверху вниз головой, я непременно должен был попасть в этот бак. Коснувшись поверхности раствора, я должен был сделать мгновенный поворот так, чтобы оказаться сидящим в баке. Фокус заключался в том, что всю живую силу падения поглощал мой активный поворот в жидкой среде. На репетициях я проделывал все это превосходно.

И теперь я проделал на глазах зрителей этот головоломный номер. Соленая вода неприятно щипала губы. Клипс подал мне руку, и я выпрыгнул на песок.

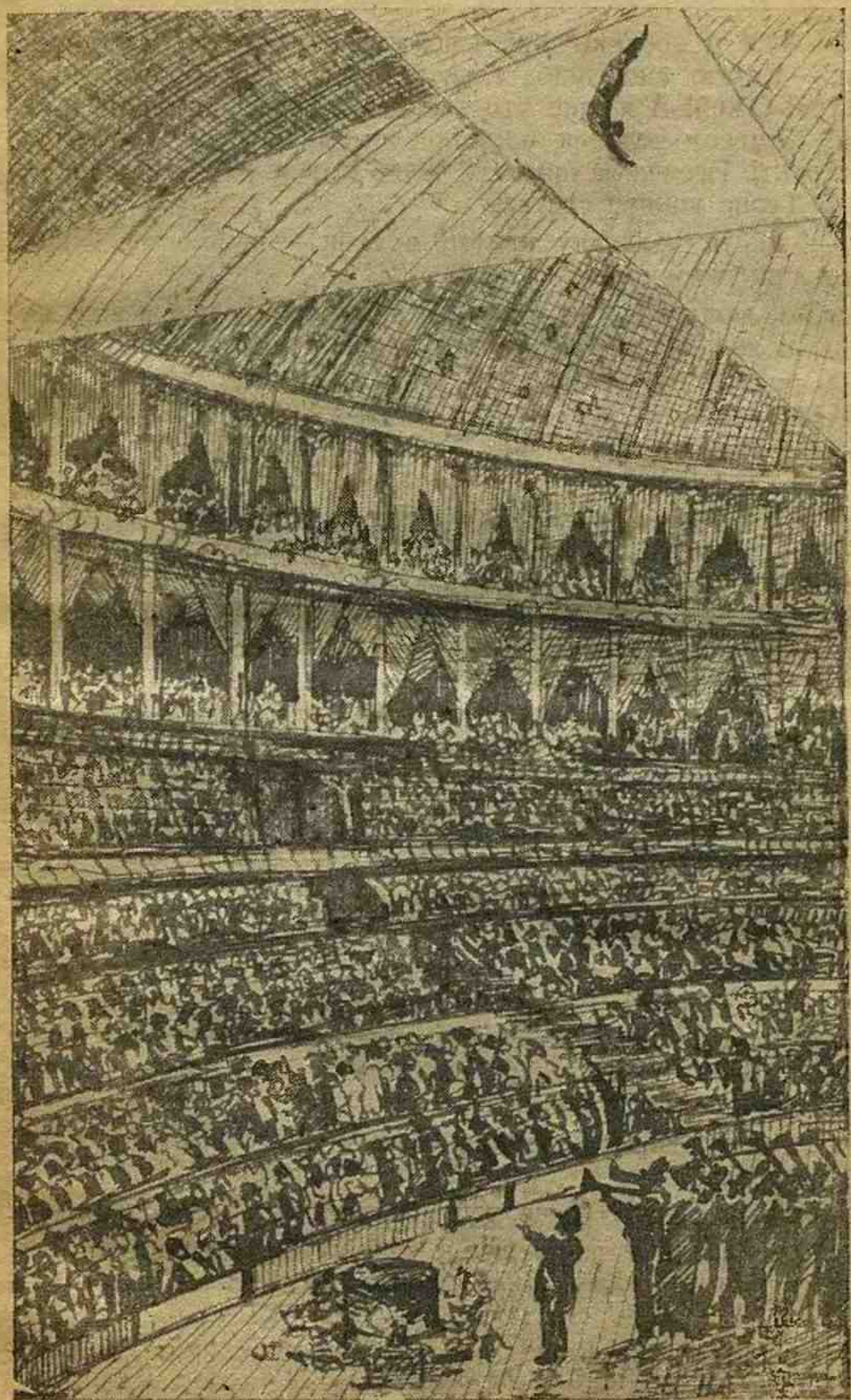
Громадные прожекторы освещали меня всеми цветами радуги. Восторженный рев зрителей заглушал триумфальную музыку.

— Раскланивайся же, чертенок! — прошипел Клипс, больно сжимая мою руку.

Но я хотел бы провалиться сквозь землю.

В уборной на меня набросили мохнатую простыню, и массажист занялся растиранием моего уставшего от нервного напряжения тела.

Пружина распрямилась, и я стремглав полетел
под купол цирка.

— Все в восхищении! — вбежал в уборную сам директор. — Какую снотсшибательную прессу мы будем иметь завтра! О'кей! А в зале что творится! Тридцать шесть истерик! Семьсот человек охрипли, вызывая вас! Предлагаю контракт! Тысяча за прыжок! Фикс в неделю — сколько хотите! Турне вокруг света...

— Дайте мальчику притти в себя, — взмолился Клипе, с восхищением глядя на меня.

«Эти люди доконают меня, — подумалось мне в этот момент, и леденящая внутренняя дрожь пробежала по всему телу. — Рано или поздно я сломаю себе шею. Правда, каждый раз проверяют пружину и подбрасывают сначала мешок с балластом, но... но если... тогда я не увижу Эдит, не вернусь в Эшуорф...»

Безотчетный страх, охвативший меня недавно на арене, всецело овладел моей душой. Отделаться от этой своры дельцов было не так-то просто, но, к счастью, я вспомнил джентльмена с трубкой и его манеру разговаривать.

— Немного терпения, — сказал я. — Вы будете наживать на мне сто на сто. Платите за сегодняшний прыжок. Нет, не чеком, а наличными.

Директор выбросил на столик деньги.

Я даже не посмотрел на них.

— А теперь дайте мне успокоиться, — попросил я усталым голосом.

В двери ломились репортеры, фотографы. Клипе и директор замахали руками:

— Чемпион не может принять вас, джентльмены.

Комната опустела. Я быстро оделся, предварительно повернув ключ в двери, сунул деньги в карман и выглянул в окно. Водосточная труба спускалась вниз рядом. До нее можно было достать рукой.

Гримировальным карандашом на обороте афиши я крупно написал:

«Милый Клипе! Я не хочу больше рисковать жизнью».

Этот плакат я прикрепил к зеркалу на столике и осторожно раскрыл раму. Двор внизу, на мое счастье, был пуст.

Испытывая радостное чувство освобождения, я перешагнул через подоконник и уцепился за трубу.

Третья тетрадь

I

Я сошел на берег в Калькутте. Над головой стояло индийское солнце, яростное и обжигающее.

Судьба забросила меня сюда после странствий в качестве третьестепенного актера эстрады.

Последний этап моих скитаний была Африка, где я подвизался с одним веселым предпринимателем, странствуя по ярмарочным балаганам в окрестностях Кейптауна. Очень естественно я там изображал сомнамбулу и позволял партнеру протыкать мне щеки тонкими вязальными иглами, что тот проделывал очень ловко. При этом партнер уверял публику:

— Леди и джентльмены! Перед вами всемирно известный Пэм Сингль, находящийся в полной каталепсии.

Закрыв глаза, я и не думал спать. Мне было стыдно заниматься пустяками, и я помышлял о другом, более достойном занятии. Я попал в какое-то чортово колесо, которое катило меня, по всей вероятности, в пропасть. Но я во-время получил дельный совет.

В ярмарочном зверинце работал укротитель, долговязый верзила, именовавшийся на афишах «Повелитель гиен». Вид у него был свирепый, он проделывал массу фокусов, от созерцания которых у зрителей мороз пробегал по спинам. Он умел глотать шпаги, зажигал керосин во рту, пуская на два фута вверх огненный фонтан, и вступал в единоборство с черным гималайским медведем. Но за кулисами это был на редкость тихий и скромный парень. Он и натолкнул меня на мысль поехать в Индию.

— Там вы устроитесь лучше, Сэм. Я свыкся с этими бурами и африканскими метисами, тут и умру. А у вас жизнь впереди. У вас — диплом. Он только там произведет впечатление, а не здесь, на краю света.

«Повелитель гиен» познакомил меня с агентом фирмы, которая поставляла в зверинцы обезьян с острова Мадагаскар. И с юга Африки мы с ним поехали на север. В каюте парохода агент спал без просыпу, а храпел так, что к нам заглянул помощник капитана.

— Вы, кажется, везете с собою ручного бегемота?

На острове Маврикия я расстался с попутчиком. Ему предстояла пересадка и еще два дня пути до Таматавы, порта на восточном берегу Мадагаскара.

Я в одиночестве пересекал Индийский океан, в ду-

мах своих сравнивая двух людей — Клипса и «Повелителя гиен».

Первый часто повторял философическую мысль:

— Чем больше рискуешь жизнью, тем больше тебе платят.

А «Повелитель гиен», дружелюбно пожав мне руку, на прощанье сказал:

— Счастливого пути, Сэм. Желаю вам встретить в жизни риск, при котором вы не будете думать об оплате.

Да, разные бывают люди на свете...

На площади, около калькуттской пристани, меня оглушил шум и гам большого города. Грохот трамваев, гудки авто, крики носильщиков и продавцов, пронзительные звуки флейт факиров и завывания нищих совершенно ошеломили меня. За время путешествия по океану я привык к тишине.

Мрачный и растерянный, я стоял, изучая рекламы отелей и раздумывая, куда направить путь. Надо было экономить скудные средства, которые у меня остались от океанского путешествия. Весь мой скромный багаж состоял из дорожного мешка и не представлял особой ценности.

Несколько комиссионеров вертелись около меня с предложением услуг. Они были чрезвычайно назойливы, и я искренне обрадовался, когда какой-то небрежно одетый человек сказал им:

— А ну отвяжитесь от сагиба!

К моему удивлению, люди повиновались и покорно отошли.

— Путешествие, кажется, утомило вас? — спросил человек.

У меня не было особой охоты разговаривать с первым встречным. Но человек сам, кажется, не любил надоедать, он только просто заметил:

— Если у вас в этом аду нет ни родных, ни знакомых, то идите — Дели-род, сто один, контора «Хелли и сын». Они занимаются разными комиссионными делами. Молодой Хелли на первых порах устроит вас куда-нибудь. Только торгуйтесь с ним, как на базаре. Он любит сорвать лишнее с новичка.

Поблагодарив, я зашагал к Дели-род. Жара истомила меня, и я обрадовался, когда очутился в сравнительно прохладном кабинете владельца комиссионной конторы. Под потолком мягко гудел вентилятор. Приспущенные шторы смягчали яркий свет с улицы, и я не сразу заметил толсто-

го моложавого блондина в золотых очках, который важно восседал в громадном кожаном кресле за обширным письменным столом. Блондин протянул мне руку через стол.

— Простите, мистер Пингль, не могу подняться вам навстречу. Проклятая жара расплавляет мозги. К тому же у меня разыгрался приступ подагры. Садитесь... Давно в Индии?

— Только что прибыл.

— Откуда?

— Из Кейптауна. Предприятие, в котором я служил...

— Лопнуло? Понимаю. Значит, желание найти место под индийским благословенным солнцем привело вас сюда?

— Вы правы, мистер Хелли.

Блондин мечтательно поднял глаза к небу.

— Да, погоня за куском хлеба бросает людей по свету, как самум песчинки в Сахаре. Вас прельстили поэмы о нашей жемчужине Востока? Да, здесь наживают состояния. Надо быть энергичным, крепким... — Хелли критически осмотрел мой туалет и продолжал, увлекаясь собственным красноречием: — Основатель нашей фирмы Джонатан Хелли Самый Старший прибыл в Калькутту сто шесть лет назад, имея в кармане три шиллинга и справку от приходского священника о непоколебимости в вере. Последнее оказалось главным, и Джонатан...

Я не особенно был склонен выслушивать историю о непоколебимом предке и быстро вынул из кармана бумажник и дижанский диплом.

— Вот, мистер Хелли. Немного денег и справка...

Хелли вежливо отодвинул от себя бумажник и взял диплом. Прочитав несколько строк, он расплылся в любезной улыбке.

— Дижан? О, узнаю знаменитого золотогривого льва. Вы окончили младшее отделение? Замечательно! Два моих кузена тоже когда-то учились там. Прекрасное образование. История... Юриспруденция... Прекрасно... Ха, даже ботаника и химия... Ну, это не так важно. Итак, что бы вы желали?

— Устроиться.

Я сказал, что хотел бы продолжать образование, но надо зарабатывать деньги. Сказал, что хотел бы приложить свои знания к полезному делу. Об арене в тот момент я вспоминал с отвращением.

— Устроиться? — переспросил Хелли. — Ах, как просто! Это мне нравится. Но вы задаете мне невыполнимую зада-

чу. Свободных мест нет. То есть они существуют, их много, но... но они для вас неподходящи...

— Не совсем понимаю, мистер Хелли.

— Вижу, что совсем не понимаете. Здесь очень сложные взаимоотношения. Место, которое может занимать туземец или полутуземец, не должен занимать европеец, а тем более наш соотечественник. Вы откуда родом?

— Из Эшуорфа.

— Боже, из Эшуорфа!.. Тем более. В глазах окружающих каждый из нас должен являть собою истинного джентльмена, быть респектабельным, всегда чисто выбритым, безукоризненно одетым, с местным населением держаться сухо, твердо, без фамильярностей. Надеюсь, вы усвоили это еще в колледже? Тогда вы можете рассчитывать на успех.

Мне показалось, что Хелли заговаривает мне зубы, и я произнес именно сухо и твердо:

— Мистер Хелли, я хотел бы перейти ближе к делу...

Хелли кивнул головой.

— Наша контора располагает неограниченными возможностями. — Взяв со стола длинную книгу с надписью «Регистр», он начал ее перелистывать: — Садовник, портье... Видите? Портье... Не могу же я вас поставить портье... Ха, майор Севедж ищет повара... Ясно, что я к нему пошлю китайца — они отличные повара... ах, вот... но... — Он медленно положил книгу на стол и любезно произнес: — Двадцать пять...

С изумлением я посмотрел на Хелли.

— Что?

Очаровательная улыбка озарила его пухлое лицо.

— Двадцать пять процентов с вашего будущего жалованья будет поступать в пользу нашей конторы еженедельно в течение года. За комиссию, переговоры, рекомендацию...

Я вспомнил дельный совет торговаться и произнес, смягчая сухость тона легкой улыбкой:

— Десять в течение трех месяцев.

Хелли возразил, и мы начали торговаться. Я не уступал, надеясь, что мы не сойдемся и сейчас же расстанемся. Ведь эта контора не единственная здесь. Но Хелли приводил десятки доводов, угостил меня водой со льдом, делал арифметические выкладки и все в таком любезном тоне, что я махнул рукой:

— Десять и четыре.

Хелли рассмеялся.

— Вы, мистер Пингль, прирожденный коммерсант. Очень приятно иметь деловые переговоры с таким джентльменом. Разрешите поздравить... Вы уже поступили на службу...

— Но я никогда не служил поваром! — воскликнул я.

— Боже, за кого вы меня принимаете? — всплеснул пухлыми руками Хелли. — Вы поступили не к майору Севеджу. Между нами говоря, он старый брюзга и у него не уживаются даже китайцы. Нет, вы сейчас направляетесь к мистеру Поллоку, владельцу табачной фабрики. Он нуждается в дельном молодом человеке, которого он мог бы посылать совершенно доверительно на свои плантации. Вы будете очарованы должностью...

Ласкающим движением Хелли нажал кнопку. Где-то звякнул сигнал, и молодой индус в белой куртке вырос у двери.

— Али, проводи сагиба Пингля к сагибу Брайту, — приказал слуге Хелли, слегка сдвинув брови. Потом любезно обратился ко мне: — Старший клерк сейчас оформит нашу сделку, я распоряжусь по телефону. До свидания, мистер Пингль. Надеюсь, что в самом непродолжительном времени вы снова навестите меня и сообщите, как вам понравилось у мистера Поллока...

О, я был неопытен тогда и совсем не искушен в людях. Мистера Хелли я подозревал только в излишне предупредительном отношении ко мне. Сделка была оформлена мистером Брайтом, сухим корректным клерком, причем мне пришлось уплатить аванс за неделю вперед. С рекомендательным письмом от конторы «Хелли и сын» я направился к табачной фабрике Поллока.

Улицы, по которым я пробирался, были грязны и отвратительны — узкие щели между рядами двухэтажных домов. Я перепрыгивал через лужи помоев. Тротуаров тут не было и в помине. С балконов свешивалось какое-то тряпье. Голые бронзовые ребятишки возились в пыли, играя в несложную игру, состоявшую в перекидывании черепков. Дети всегда и везде одинаковы. Женщины с разноцветными повязками на черных прямых волосах что-то кричали ребятишкам гортанными голосами. Полуголые мужчины молча сидели у стен на корточках и не замечали меня.

Несколько кирпичных зданий, окруженных заббором, представляли собой фабрику. Я прошел мимо открытых сараев, где индусские мальчики и девочки перебирали вязанки табака. Мне указали на дом в глубине двора. Там перед террасой двое слуг держали под уздцы великолеп-

ного стрейного жеребца светлокаштановой масти. Я подошел к террасе, когда на ней появился высокий худощавый человек, затянутый в щегольской костюм для верховой езды. Он застегивал кнопки на лайковой перчатке, держа подмышкой стэк с серебряной ручкой.

Это был сам Поллок. Прочитав письмо, он сначала небрежно взглянул на меня, потом тонкая усмешка пробежала по его безукоризненно выбритому лицу.

— Вы будете служить вторым клерком, Пингль, на плантациях Вахраджа. Отправляйтесь в контору.

Слуги подвели жеребца. Сделав изящное движение стэком, Поллок ловко вскочил в седло и красивой рысью поехал по двору к воротам.

Признаться, я с завистью смотрел вслед удалявшемуся всаднику.

В конторе фабрики десятков клерков усердно трудился над бухгалтерскими книгами. От директора конторы, маленького лысого старика мистера Кесса, я узнал все, что меня интересовало.

— Сегодня вечером отсюда едет Джим Харл, — сказал Кесс, щуря на меня подслеповатые глаза. — Он давно служит в Вахрадже. Поезжайте вместе. Он где-то здесь, поищите его сами...

Не успел я выйти от Кесса, как раздался пронзительный звук колокольчика, и вся контора пришла в радостное оживление. Задвигались стулья, захлопывались ящики столов, раздался громкий говор клерков. Рядом из зала вышли машинистки. Слышались их веселые отрывочные восклицания.

Рыжеватый малый запер ящик под пюпитром, надел соломенную шляпу и в этот момент обернулся в мою сторону.

— Алло, — сделал он приветственный жест рукой. — Вы как будто новенький? Давайте знакомиться. Харл...

— Джим Харл? — спросил я, пожимая руку. — Я вас ищу. Я назначен клерком на плантацию...

В двух словах мы выяснили все.

— А теперь давайте скорее уносить отсюда ноги, чтоб не попасться на глаза Кессу, — заторопил меня Джим. — Я еще не закончил хвостика одной бумаги, и старик может меня задержать. А я голоден, как тигр перед заходом солнца. У вас тоже очень алчный взгляд. Я знаю, где хорошо кормят. Есть один очень приличный и дешевый пансион. После мы вернемся, выслушаем напутственную проповедь Кесса и отправимся на вокзал.

По дороге в пансион и за обедом Джим засыпал меня вопросами:

— Как вы попали к Поллоку? Через Хелли? Это ужасный жулик. Его агенты, вербуя клиентов, разыгрывают из себя незаинтересованных и даже предупреждают, что надо торговаться о процентах. Сколько он сорвал с вас?

— Десять на четыре месяца.

— С него вполне хватило бы шести. В год это составляет два на сто, нормальная рента. Вы еще неопытны, Пингль, — серьезно сказал Джим. — Доверьтесь мне. Вам надо освоиться с местными нравами и обычаями. Иначе вы прогадаете...

А я думал о Хелли и его хитроумной системе уловления клиентов.

II

И вот я живу в Вахрадже, затеряншемся в джунглях Среднего Пенджаба. Несколько бедных деревень скопилось на берегу реки, а вокруг расстилаются крохотные крестьянские поля и обширные плантации мистера Поллока. С террасы бунгало, в котором живем мы с Джимом, видны хижины ближайшей деревни Ранбир. Здесь чрезвычайно сложны земельные отношения. Земля принадлежит радже Данби-Ганджу, живущему среди богатого фруктового сада в двухэтажном доме, причудливо украшенном резьбой по дереву и камню. Раджа имеет дворню и управляющего по имени Сэт-Нагр, который ездит на пони по деревням и собирает налоги. Поллок арендует плантации через доверенного Уолсона, командующего целым штатом надсмотрщиков над рабочими плантаций и складов.

— За каким дьяволом принесло вас, Пингль, в эти проклятые места? — спросил однажды вечером Джим Харл, валяясь в гамаке и куря папиросу за папиросой, чтобы отогнать комаров, налетавших с реки. — Какое крушение претерпели вы в жизни?

Я рассказал ему о родном городе, не углубляясь в детали моей биографии.

— Так, — пробормотал Джим. — Ну, уж клерком-то в табачной конторе вы могли бы устроиться и в метрополии. Другое дело я, мне туда нельзя и носа показывать. Небольшое недоразумение с полицией, и мне пришлось отчаливать...

— Я все-таки надеюсь на лучшее, — сказал я, прислушиваясь к монотонному пению, доносившемуся из деревни.

— Вам пока не остается ничего иного, Пингль, — ото-

звался Джим. — Но почва для надежд быстро истощается. Круг замыкается, и часто хочется подыскать хороший гвоздь в стене, чтобы повеситься на собственных подтяжках.

— Джим, вы пессимист, — поморщился я.

— Судите сами. В Краунтоне я оставил мать и сестренку, думая помогать им. Но вот уже четыре года, как я не могу выкроить пенни из того, что зарабатываю. Жизнь дорога, но я не вхожу в сделку с подрядчиком. Если я потеряю остатки честности, душа моя сделается окончательно нищей. Меня пока еще бодрит табак, который здесь ничего не стоит, вы понимаете...

Очень зло Джим рассказывал о Поллоке.

— А он красовался на своем Толли, когда вы с ним познакомились? Это его, обычный моцион. Жизнь Поллока так приятна, что ему не хочется расставаться с нею раньше времени. Он боится излишнего похудания так же, как и ожирения. Седину считает ужасным предвестником старости, к табачному дыму относится с отвращением, а сам на сигаретах нажил состояние. Каждое утро меряет себе температуру. Доктор обедает у него по субботам и прописывает диету на неделю вперед.

Потом Джим критически коснулся привычек управляющего плантациями мистера Уолсона.

— Если хотите сделаться разбойником в смокинге, то слепо выполняйте все, что он прикажет. И если вас тут не схватит холера или не изуродует, как меня, Желтый Джек¹, то вы сможете наловить здесь золотой рыбки и отправиться под старость жарить и кушать ее в Эшуорф...

Джим рассказал мне много любопытного об этом куске земного шара, где живет четыреста миллионов людей, принадлежащих к восьмистам национальностей и говорящих на сотнях различных языков.

— Учитесь говорить на урду, Пингль, — настаивал Джим. — Это настоящий «французский язык» Индостана, в него входит много персидских и арабских слов. Название языка произошло от «Урду-э-му-элле» — так называется старинный базар близ королевского дворца в Дели. В праздничные ярмарки туда собираются продавцы и покупатели со всех концов Индии. Там и выработался, я думаю, этот язык. Как дипломаты всех стран понимают по-французски, так и здесь на урду каждый житель Индии поймет вас. Хотите, я буду помогать вам?

---

¹ Желтый Джек — название тропической лихорадки.

Я мог только поблагодарить Джима и, к моему удовольствию, вскоре стал делать успехи, давая приказания слугам:

— Чаа-бана-о. (Приготовь чаю.) Пани лилана-ла-о. (Принеси воды.)

Все служащие на плантациях хорошо знали по три, пять местных языков, не считая урду. Надсмотрщики из местных служили мистеру Уолсону агентурой по различным спекуляциям с товарами, приобретаемыми через деревенских ростовщиков. Всему этому не обучали в Дижане, и для меня было новостью, что в деревнях существуют «ка-мня» — крестьяне, задолжавшие ростовщику и навек закабаленные им с женами и детьми, то есть настоящие рабы в полном смысле этого слова.

III

Мистер Уолсон, управляющий, толстенный, на коротких ножках, изнывал от жары и спасался от нее сода-виски, сидя под манговым деревом, где было немного прохладней.

— Меня радует, Пингль, что вы проявляете интерес к языкам, — говорил мистер Уолсон, глядя на меня поверх очков. — Знание языков расширяет кругозор человека. Вам станет легче работать. Признаться, я не люблю людей, которые едят, как львы, а работают, как козлы.

— Мистер Харл учит меня урду, — сказал я.

— Прекрасно. За достаточное знание каждого из местных языков я буду прибавлять вам десять процентов к вашему жалованью, после того как проэкзаменую вас лично. На этот счет у меня есть общее распоряжение мистера Поллока. Практикуйтесь в языках на плантациях... Ах, да... Ведь вы у нас ученый, окончили колледж, знаете ботанику... — Уолсон улыбался, но без всякого ехидства. — Знаете, Пингль, и для вас и для дела будет полезно, если вы отправитесь на сорок первый участок, где раньше крестьяне сеяли баджру¹, и посмотрите, что там происходит с нашим табаком. Между прочим, я позвал вас к себе и за этим. Мне бы хотелось сделать вас впоследствии заведующим одной из плантаций. Отправляйтесь завтра с восходом солнца. Я знаю, в чем там дело. Но вы посмотрите сами...

---

¹ Баджра — род ячменя.

Бесконечные ряды табака тянулись по участку. Это был один из дорогих египетских сортов. Обнаженные, дочерна загоревшие на солнце рабочие, ухаживая за табаком, окучивали грядки и выпалывали сорняки.

Надсмотрщик, проверявший прополку, дотронулся до своего лба и груди в знак приветствия и показал мне на один ряд табака:

— Нига-бимар-наба, сагиб. (Посмотри, растения хворают, господин.)

Действительно, растения сорок первого участка представляли собою печальное зрелище. На участке номер сорок два, рядом, табак цвел, и приятный аромат распространялся оттуда по накаленному воздуху. А здесь растения были словно угнетены. Они еле достигали половины нормального роста, хотя табличка на грядке свидетельствовала, что посадка на участках тридцать восемь—сорок шесть была произведена одновременно. Лишь на редких экземплярах были заметны слабо распускающиеся цветы.

— Посмотри, сагиб, — сказал надсмотрщик и, сорвав несколько листьев, подал мне.

Я начал их рассматривать. Надсмотрщик показал мне, на что надо обратить внимание. Средняя жилка листа, повидимому, задерживалась в своем развитии. Вследствие такого замедления роста весь лист принял морщинистый, уродливый вид. На других листьях отчетливо выступали одиночные, двойные и тройные темно окрашенные кольца и причудливые узоры; повидимому, эта своеобразная расцветка свидетельствовала о болезни растения, как сыпь на коже ребенка свидетельствует, что он болен корью или скарлатиной.

Да, растения серьезно болели. Надсмотрщик обратил мое внимание на стебли. Они отличались ненормальным одеревенением. Острым ножом надсмотрщик разрезал вдоль один верхушечный стебель, и я увидал темные, почти черные, как бы мертвые полосы больной ткани растения.

Медленно проходили мы вдоль грядок, и всюду я видел эту печальную картину болезни и отмирания. Целые листья на некоторых экземплярах пожелтели, сморщились, бессильно склоняясь к земле. Они были мертвы, как будто какой-то внутренний огонь обжег их. Некоторые растения целиком погибли.

— Не растет табак. Плохой табак. Хозяину убыток, — сказал надсмотрщик, с сожалением покачивая головой.

Я набрал в корзинку целую коллекцию больных расте-

Я начал рассматривать листья.

ний и листьев, отметил в блокноте номера грядок, где свыше трех с половиной тысяч кустов были поражены неизвестной мне болезнью, и отправился с докладом к мистеру Уолсону.

По дороге я раздумывал о виденном.

Из уроков ботаники я помнил несколько интересных вещей. Если бы, например, все семена от одного экземпляра обыкновенной белены развились и стали расти свободно, не стесняемые внешними условиями, то через пять лет вся суша нашей планеты была бы покрыта кустами этого растения. Каждый может проверить это, сделав вычисление на клочке бумаги. Расчет очень прост. Один экземпляр белены дает примерно десять тысяч семян в год. Через пять лет, при условии, что все они будут давать такое же потомство, получится десять тысяч биллионов кустов белены. Поверхность суши нашей планеты равняется ста тридцати шести биллионам квадратных метров, а на одном квадратном метре может уместиться не более семидесяти двух кустов этого растения.

Припомнилось мне, что по латуку можно определять страны света. Латук — растение-компас. Он имеет такой вид, словно его нарочно приготовили для гербария, сложив между двумя листами бумаги для засушивания. Плоскость

листьев растущего латука всегда расположена по меридиану с севера на юг.

Но о болезнях растений на уроках ботаники нам не говорили. Понятно, что я с большим интересом ждал, что скажет мне мистер Уолсон на мой доклад.

— А у вас в колледже этого не учили? И вы не знаете, что это такое? Так вот, Пингль: сорок первый участок поражен мозаикой. Рабочие не смеют срезать листья здоровых растений теми же ножницами, которыми они режут больной табак. А они делают по-своему, лишь только зазеваается надсмотрщик.

— Но при чем тут ножницы?.. — спросил было я.

Уолсон прервал меня:

— Сок больных мозаикой растений заразителен. Ножницы переносят с больных на здоровые растения вирус табачной мозаики. Что такое вирус, кажется, никто толком не знает. Это ученое название. По-латыни вирус значит яд — вообще всякое заразное начало. Открыл вирус табачной мозаики мистер Ивановский, в далекой России, — вот, что мне известно. Имя его хорошо знают в лабораториях Индии, где изучается эта проклятая штука, приносящая громадные убытки табачным плантациям. Посудите сами. От этой мозаики снижаются и урожай и качество табака. Приходится больные листья относить в брак, негодный для производства.

— Ах, вот как! — отозвался я, пораженный словами Уолсона.

— Да. Если вы, Пингль, не очень хотите скучать в конторе за счетами, то присматривайтесь к тому, что делается на плантации. Ваш приятель Харл предпочитает высиживать свои часы за пюпитром. Пусть так. А мне понравилось ваше поведение сегодня на плантации. Мне уже сообщили об этом. Поэтому сейчас же берите три десятка людей, отправляйтесь на участок. Пусть люди под вашим наблюдением вырвут все зараженные растения и при вас сожгут их. Заразу надо уничтожить с корнем. Сделайте серьезное замечание надсмотрщикам. Взыскания на виновных я наложу сам. Кроме того, я напишу мистеру Поллоку. Он сообщит об этом в вирусную лабораторию в Калькутте.

IV

В полдень все живое на плантациях спасалось от немилосердного индийского солнца. Деревья не давали тени, так как лучи падали перпендикулярно к поверхности земли. Я лежал под крышей чаупаля, легкой открытой беседки,

выстроенной на опушке пальмовой рощи, и дожидался, когда солнце основательно перешагнет за зенит.

Рабочие закончили перепашку злополучного участка и теперь возвращались к чаупалу на отдых. Я успел познакомиться со многими из них, и они охотно рассказывали мне свои новости. На-днях в окрестные деревни должны прибыть два уважаемых брамина из Бенареса. Крестьяне собираются строить на берегу реки храм господину Ханну-Манн — богу с обезьяньей головой. В Ранбир приехал муккудам — агент по вербовке рабочих на фабрику, но ранбирские крестьяне довольны заработком на плантациях и не хотят бросать работу у мистера Уолсона.

Мне нравились эти люди. И я не совсем понимал Джима Харла с его пессимистическим отношением к здешней жизни.

Я смотрел на дорогу, тянущуюся вблизи за изгородью. Вот по направлению к Ранбиру верхом на пони проехал Сэт-Нагр, в черном длинном кафтане и широких красных шальварах, перетянутых шелковым оранжевым поясом с потемневшей золотой бахромой. На голове этого управляющего раджи красовался полосатый тюрбан, а на пальцах блестяли толстые серебряные кольца. Короткие ноги в желтых бутсах торчали в стороны. Каблуками Сэт-Нагр колотил сытые бока своего рыжего пони.

Вот смуглая женщина идет за водой, и за ее платье уцепились двое ревущих малышей.

А вот еще какой-то всадник. Что за чорт, да это Джим Харл! Почему он не в конторе, а здесь, на плантации, в такое неурочное время? Очевидно, он ищет меня. Не случилось ли с ним какой-нибудь неприятности?

Мистер Уолсон называл Харла моим приятелем. Так и было на самом деле. Я успел привязаться к этому подвижному, острому на язык человеку. Кроме того, я жалел его. Джим не ладил с Уолсоном, и настроение его, и без того невеселое, в последнее время стало совсем мрачным.

— Вы стали любимчиком Уолсона, — с оттенком иронии сказал мне Джим после моей первой поездки на плантации, когда мы с ним сидели на террасе бунгало, глядя, как закатное солнце золотит верхушки пальм. — И я не завидую вам, Пингль. Будь я на вашем месте, я бы постарался поскорее выбраться из этой трущобы. Мне очень противно здесь. Уолсон относится ко мне несправедливо. Он грубиян, и его тон выводит меня из себя. Он когда-нибудь так разозлит меня, что я не выдержу и отвечу ему как следует.

Зная подобные настроения Джима, я беспокоился за своего вспыльчивого и самолюбивого товарища. Увы, я еще очень плохо разбирался в людях.

И сейчас я с тревогой глядел на подходившего Джима.

— Что с вами? У вас такой расстроенный вид...

— Я ухожу отсюда, — объявил Харл. — Вконец разругался с Уолсоном. За мое правильное замечание о ходе работ он назвал меня мальчишкой и неучем.

Меня охватило возмущение. Со мною Уолсон всегда был вежлив. Очевидно, на него действовал мой диплом. Но если Джиму Харлу не пришлось серьезно учиться, это не значит, что самодовольный, жирный Уолсон может его презирать.

— Это безобразие, Харл, я вполне вас понимаю. Но куда же вы пойдете?

— Куда глаза глядят. Хватит с меня. Я беру расчет. Я крупно поговорил с Уолсоном. Только мне хочется, чтоб он почувствовал это. Хорошо, если бы я ушел не один. Если вы мой друг, вы поддержите меня.

Мне было жаль Харла. Он выглядел таким беднягой. Да и грубость управляющего возмущала меня.

Я молча пожал руку Джиму.

* * *

Наутро я заявил мистеру Уолсону, что беру расчет. Толстяк удивился, пожал плечами и сдержанно сказал:

— Пожалуйста...

Вечером я сообщил обо всем Харлу. Джим бурно благодарил меня.

— Вы — истинный друг, Пингль, я не ошибся в вас. Вы молодец. Завтра мы отправимся вместе искать счастья.

Но утром я не застал Харла в его бунгало. Рабочие сказали, что он ушел в Ранбир. Я с чемоданом направился туда же, рассчитывая встретить его на шоссе у остановки почтового авто. Долго я поджидал его там и начал сильно беспокоиться. Наконец Харл появился без всякого багажа, довольный, улыбающийся.

— Я спешил предупредить вас, Пингль, — сказал он самым любезным тоном, — что автомобиль запаздывает на два часа. Мне об этом сказал Сэт-Нагр. Кстати, знаете, я помирился с этим Уолсоном. Он так упрашивал меня, предложил мне место заведующего, и я остался. Вам придется путешествовать в одиночестве...

Я посмотрел на этого бестию с усмешкой.

— Вы ловко устранили конкурента по службе, Харл.

Теперь я вижу вас насквозь. Душа у вас поистине нищая и поражена вирусом двуличия.

Парень пытался возразить. Я сухо прервал его.

— Мне скучно, сэр. Я потерял интерес к разговорам с вами.

Я отвернулся. Харл зашагал к плантациям Вахраджа.

V

Я не стал дожидаться авто и не вернулся в город. Я двинулся пешком на восток, к Бирме, чтобы ближе узнать настоящую жизнь. Меня не пугали джунгли и тигры. В Вахрадже я видел людей жаднее и хитрее тигров.

Люди Востока относились ко мне несбычайно гостеприимно, лишь только убеждались, что я не сборщик налогов. Я вспоминаю небольшое поле, засеянное ячменем, с несколькими стройными пальмами, задумчиво застывшими на фоне тропического леса. Здесь стояла живописная хижина. Я попросил напиться. Индус-хозяин ласково сказал: — Сейчас я угощу тебя.

Он показал на вершину пальмы, где виднелись крупные, величиной с суповую чашку, темные орехи.

Я подумал: как он достанет их с такой высоты?

Но человек слегка свистнул, и с кровли хижины на землю спрыгнула большая длинноносая обезьяна. Человек сделал рукой повелительный жест, что-то сказал. Обезьяна с быстротой молнии вскарабкалась по гладкому, слегка наклоненному стволу.

— Сейчас мы будем лакомиться, — произнес человек улыбаясь.

Я поднял вверх голову и наблюдал, что станет делать эта прирученная, выдрессированная обезьяна. Но она, к моему удивлению и к удивлению хозяина, и не думала заниматься сбором орехов. Она мирно уселась на верхушке и занялась вылавливанием блох, не обращая на нас никакого внимания.

— Это с ней бывает, — как бы извиняясь, сказал человек и громко окликнул обезьяну: — Батту... Батту... скорее!

Обезьяна была погружена в свое приятное занятие. Она ловко вылавливала блох, раскусывала их острыми зубами и выплевывала на нас.

Как ни кричал хозяин, все было бесполезно. Я решил спугнуть Батту и, сдернув шляпу с головы, высоко подбросил ее в воздух. Батту заинтересовалась и оскалила зубы.

как бы в улыбке. Тогда я стал повторять прием с шляпой. Батту смотрела, смотрела и вдруг, быстро встав, сорвала громадный орех и с силой подбросила его вверх. Я еле успел отскочить от этого снаряда, который мог раздробить голову. Хозяин кинулся под защиту хижины.

А Батту вспомнила о своих обязанностях и тотчас же спустилась с другим орехом, который положила у порога хижины.

Хозяин шилом просверлил дыру в скорлупе, вылил прохладное сладкое молоко в чашку и дал мне напиться. Затем он начал заколачивать в отверстие ореха деревянный клин, пока не расколол скорлупу на две половинки. Там оказалось вкусное белое ядро. Я с наслаждением лакомился этим тропическим блюдом. Батту получила также свою порцию, с которой отправилась на крышу хижины.

* * *

Много раз я изумлялся, как щедро иногда судьба изливает на одного человека целую уйму разнообразных происшествий, оставляя других людей влачить скучное и неинтересное существование. Цирковые полеты и путешествия в джунглях, однако, оказались совершеннейшими пустяками в сравнении с тем, что меня ожидало впереди.

Путешествуя пешком, я иногда находил приют в деревенских хижинах, выучился спать на голой земле и довольствоваться куском майсовой лепешки на ужин. Приходилось мне ночевать и под открытым небом.

Однажды, заблудившись и не найдя деревни, к которой мне указали путь, я, вконец измученный, упал на каменистую тропу и лежал, боясь осознать свою трагическую беспомощность. Воды в тыквенной фляжке было всего два глотка. Огромный голубой муравей, вращая мутными бирюзовыми глазами, подбирался ко мне по тугой высохшей земле, чтобы ужалить меня в лицо. Задыхаясь, я поднял кулак и расплющил насекомое. Это напомнило мне, что я человек.

Темнело. Под папоротниками хитро шуршали гады. В лесу на горе мяукали барсы. Я пополз в сторону, наткнулся на ручей, утолил жажду. Ночь пришлось провести на дереве, чтобы обезопасить себя от неприятной встречи. Сон освежил меня и хотя желудок мой был пуст так же, как и дорожный мешок, я собрал остаток сил и вышел на дорогу.

На широкой поляне, к которой привела меня дорога, показалось селение из тростниковых хижин. Насвистывая

марш дижанских футболистов, бодро, как мне казалось, вошел я в селение и заглянул в крайнюю хижину. Старый индус, похожий на скелет, сидел у очага и дрожал в лихорадке. Грязные узловатые ноги его походили на палки, ветхая повязка — дхоти — прикрывала его бедра.

— Мир дому твоему, хозяин, — приветствовал я старика на языке урду.

Старик что-то ответил и закашлялся.

«Наверное, у бедняги воспаление легких. Ему не до меня», подумал я и отправился в следующую хижину.

Там на растрепанных циновках лежало несколько человек, и все они кашляли. В третьей хижине тоже сидели и лежали кашляющие люди. Женщина подавала пашу воды одному из лежавших и испуганно спросила, когда я просунул голову в хижину:

— Что надобно этому человеку?

Я вошел в хижину и спросил у женщины:

— Где это они простудились? Месяц Фаалкуи давно кончился, с ним и холодные дожди, а у людей здесь воспаление легких. Надо делать теплые компрессы.

В колледже я слышал кое-что о лечении компрессами. Сейчас мне было жалко этих несчастных, которые так тяжело дышали, захлебываясь мокротой. Вот бы сюда нашего доктора Флита! Он знает, как воевать с бичом человечества — одышкой.

Женщина, сидевшая на корточках, закивала головой.

— О, молодой сагиб, сразу видно, что ты добрый человек. А старый доктор не стал с нами и разговаривать. Утром он приехал к нам из форта, а как увидал, что Сахавет, мой муж, кашляет, то опрометью выскочил из хижины, прыгнул на лошадь и ускакал. А ты, юноша, имеешь доброе сердце. Да продлит бог дни жизни твоей!

Сахавет, лежавший на циновке, тяжело дыша, с трудом повернул ко мне голову и хрипло добавил:

— Пусть он лучше увеличит количество рупий в кошельке странника. Уходи от нас, юноша, не смотри, как мы будем умирать.

В этой хижине нечего было думать об отдыхе и съестном. И в четвертой я наткнулся на ту же картину: все население хижины — мужчины, женщины и дети — лежало и кашляло. Я решил, что это какая-то туберкулезная деревня и что лучше не оставаться среди чахоточных, а идти дальше, разыскать блокхауз и попросить пристанища. Путешествие порядком утомило меня, и я уже помышлял свернуть

— Уходи от нас, юноша, не смотри, как мы будем умирать.

к побережью и устроиться опять где-нибудь на плантациях! Место клерка все-таки давало кусок хлеба и кров.

И вот незадачливый бродяга покинул селение. Солнце стояло еще высоко, и можно было добраться до блокхауза, как мне объяснили, еще засветло. Но не прошел я и мили от селения, как навстречу из-за кустов показались два солдата в форме наших колониальных войск с ружьями, направленными прямо на меня.

— Назад!

— Что такое? — взмолился я, поднимая руки вверх. — Сдаюсь...

— Назад! — последовал неумолимый ответ. — Иначе стреляем...

Легкий свист пули, пролетевшей над моей головой, не позволил мне рассуждать дальше. Я бросился обратно, не разбирая дороги. Меня опередила стрела с привязанной запиской и плавно опустилась на пыльную, выжженную солнцем траву. Оторвав записку, я прочитал написанные карандашом строки, которые заставили похолодеть во мне всю кровь: «В Набухатре чума. Переход зоны желтых флажков запрещается под страхом смерти. Начальник кордона Боро».

В нескольких сотнях ярдов у опушки леса стояли еще патрульные солдаты и что-то кричали мне, махая руками. Я

сделал шаг вперед, двое выстрелили. В полном отчаянии, подавленный неожиданностью, поплелся я обратно в Набухатру. Пуля или чума — все равно конец. Но страшнее оставаться совсем одному. Не рискуя войти в хижины, откуда все время раздавался хриплый, лающий кашель, я опустился на пыльную дорогу и так сидел не менее часа, закрыв глаза. Мне было противно смотреть на этот отвратительный мир. Я слышал, как вдали несколько раз стреляли, но не шевелился. Пусть в меня ударит пуля...

Потом послышались чьи-то шаги.

— Совсем не остроумно располагаться посредине дороги, — сказал спокойный голос около меня, и я открыл глаза.

Человек в белом пробковом шлеме и темных очках, одетый в просторную блузу, с двумя сумками через плечо, стоял и внимательно рассматривал меня.

— Разве я мешаю вам? — спросил я, стараясь придать словам как можно больше дерзости.

— В селении — чума. Не рекомендую дышать пылью, — не обращая внимания на тон моего вопроса, ответил человек. — Вставайте, перейдем в более укромное место. — Он слегка усмехнулся: — Не упрямытесь, слушайтесь старших...

Это было сказано так доброжелательно, что я повиновался.

— Неприятная история, — сказал человек, вытирая лицо платком, когда мы устроились в тени низкого каменного забора. — Вероятно, вы пробирались в Гендж, но заблудились, а кордон напугал вас. Ну, встряхнитесь и отвечайте. Дураки пригрозили подстрелить вас?

— Да.

— Ну, делать нечего. Придется дожидаться неизбежного. Когда в зоне желтых флажков все вымрут, солдаты обольют Набухатру нефтью и сожгут.

Вдали прокатился выстрел.

— Это кордон бьет собак, которые бегут с чумной стороны.

— А люди?

— Лежат больные или сидят смирно, как мы с вами.

— А потом что? — спросил я.

— Потом вспашут землю, затравят сусликов в их норах и засыпят все хлорной известью. Через год можно опять селиться на этом месте...

Отчаяние овладело мною. Все кончено — мы оцеплены. Здесь нас растерзают чумные дьяволы — микробы, более ужасные, чем тигры и барсы. А за желтыми флажками

ждут пули. Отсюда никто не будет выпущен живым, от чумы спасенья нет.

Исподлобья я взглянул на своего собеседника. Бритое лицо его, прорезанное небольшими морщинками, было удивительно спокойно, серые острые глаза внимательно смотрели на меня.

— Вы, кажется, изучаете мою физиономию? — сделал я попытку улыбнуться. Мне не хотелось, чтобы этот кандидат в мертвецы заметил, что я боюсь чумы.

— Вы правы, — услышал я ответ. — Если не ошибаюсь, вы бывали в Белл-Харборе?

— Только один раз, — пробормотал я.

— Простите, что я так назойлив, — продолжал человек. — Скажите, это не вы однажды бросились с вышки спасать утопающего?

Приключение в Белл-Харборе очень живо припомнилось мне, и я сказал:

— Каждый на моем месте поступил бы так же. Я прыгнул, когда увидал, что купальщик идет ко дну. Но кого я спас, я так и не видал.

Человек встал и пожал мне руку.

— Позвольте поблагодарить вас. Значит, спасли меня вы. Спасательный катер принял меня из ваших рук и быстро отвез в город.

— Очень рад видеть вас в добром здравии, — сказал я, отвечая на рукопожатие. — Жаль, что мы встретились в такой момент...

— Не будем предаваться мрачным мыслям. Я — биолог, и природа для меня не так страшна и таинственна, как для других. Моя фамилия Мильройс, к вашим услугам.

— Меня зовут Сэмюэль Пингль, — поклонился я со всей учтивостью, приличествующей дижанцам.

— Очень хорошо, Пингль, — произнес Мильройс задумчиво, потом быстро добавил: — Ну, давайте сначала закусим, а потом обдумаем положение.

Мильройс вынул из сумки сухари и консервы.

— Если в воду добавить несколько капель рома, то это совсем хорошо, — сказал он, наливая ром в маленький стакан из дорожного флакона. — Сначала выпейте вот это, а потом кушайте, Пингль.

Он прислушался к кашлю, доносившемуся из хижин.

— Классическая легочная чума... Вызывается особым микробом. Переносится через блох, живущих на грызунах, чаще на крысах, сурках, тушканчиках. Здесь занимаются охотой силками. Какой-нибудь местный охотник освежевал

добычу и развесил шкурки, а они были заражены, и вот результат.

Ром Мильройса оказался из крепких сортов. На сердце у меня стало немного легче, и я попробовал пошутить:

— Вы, кажется, в хороших отношениях с чумой, мистер Мильройс?

Биолог задумчиво посмотрел на кончики своих пальцев.

— В здешних краях встречается два вида чумы. Одна называется «ваба» и косит всех без разбора. Другая — «мари». От нее тоже умирают, но не так быстро, как от вабы... Почему вы не едите, Пингль?

Кусок сандвича не лез мне в горло. Слова Мильройса бросали меня то в жар, то в озноб. Усилием воли я старался успокоиться. Ведь вот человек передо мной говорит о чуме совершенно спокойно.

— Теперь слушайте внимательно, Пингль. Я много лет изучаю чуму и уже давно привил себе противоядие, которое делает меня неуязвимым и против вабы и против мари. Услуга за услугу. Мне хочется помочь вам. Но сейчас со мной только противоядие против вабы. Если вы еще не заразились ею, то можно надеяться, что после прививки она не посмеет вас тронуть. Если же сейчас вокруг нас мари, то... — Мильройс пытливо посмотрел на меня: — то наука бессильна помочь вам.

— Значит, и против вабы не наверняка? — прошептал я. — Но, мистер Мильройс, мне очень хочется жить...

— Дайте мне вашу руку, Пингль, и отвернитесь. Не смотрите, что я буду делать, — сказал Мильройс.

Через минуту я почувствовал укол в левое предплечье и услышал вопрос биолога:

— Ну как, Пингль?

— Очень приятно, — пробормотал я, чувствуя странное раздражение.

— Не лихорадит?

— Нет, нет, — шептал я. Зубы мои стучали сами собою, а челюсти сводило неприятной судорогой.

Мильройс взял меня за руку и пощупал пульс.

— Встряхнитесь, Пингль. Это небольшое нервное возбуждение скоро пройдет. Давайте я вам помогу передвигаться, чтобы сесть удобнее...

Мы пересели на камни под деревья.

— Пойду на разведку, — сказал Мильройс. — А вы постарайтесь быть спокойным.

Я обрадовался, когда он ушел. Этот говорун раздражал меня.

Поднялась багровая луна. За дальними кустами завывали шакалы. С другого края поляны, у опушки леса, слышались свистки и оклики солдат. Раздалось несколько раскатистых выстрелов. Неужели Мильройса убили около желтых флажков? Вероятно, он хотел убежать из этого очага смерти...

Позже на фоне бледносинего предутреннего неба появилась фигура склонившегося надо мной китайца, который пытливо смотрел на меня. Потом китаец исчез, и мне приветливо улыбнулся мистер Уолсон.

Я открыл глаза, передо мной стоял Мильройс и спрашивал меня:

— Вы не кашляете, Пингль? Это хорошо. Если захочется кашлять, то ложитесь лицом вниз. Так будет легче.

Луна багровела на верхушках сумрачного леса. Бесстрастную тишину тропической ночи нарушали кашель больных и редкие выстрелы.

Мильройс прислушался.

— Они уже прикончили всех собак и убили одну женщину. Теперь стреляют на всякий случай. Меня они знают. Но все-таки, наверное, опасаются, что мы будем пытаться уйти отсюда. Конечно, с нашей стороны было бы нехорошо бежать. Зачем делиться с посторонними возмездием, которое заслужено только нами?

Эти слова взбесили меня.

— Я не заслужил ничем никакого возмездия. Говорите только за себя. Если хотите знать, мистер Мильройс, я ни за что не уехал бы из дому. Но надо жить...

Солнце взошло. Меня мучила адская жажда. Запас воды в наших флягах был давно выпит. Вода в хижинах была заражена, а чистый колодец находился за желтыми флажками. Мильройс сказал:

— Если вы наглотаетесь пыли, будет плохо. Надо дышать медленно и только носом. Это предохраняет...

Он надел мне на нос и рот марлевую маску. Мне было все равно, и я позволил ему завязать концы марли у меня на затылке.

Камни накаливались на солнце. Мы сидели у покосившегося забора и молчали, осторожно втягивая ноздрями терпкий воздух. К нашему счастью, ветра не было. По забору суетливо ползали усатые серые букашки, похожие на моль. Юркие ящерицы замирали на горячих камнях и беззаботно мигали своими бисерными глазками. Они были счастливы под солнцем. Чума не тронет эту мелочь вселенной.

— Надо бороться с истощением организма, — произнес Мильройс.

Словно сквозь туманный тюль я увидел, как он ловко накрыл ладонью одну из ящериц, поймал ее и съел. Подкрепившись, стал еще более разговорчивым:

— В Набухатре девятнадцать хижин. В одиннадцати, кажется, все уже успокоились. Нам предстоит ждать еще сутки...

День тянулся бесконечно. Безмолвие, неумолимое, как судьба, опускалось на это затерянное проклятое селение медленно и властно. Кашель в хижинах постепенно замирал. Мильройс ушел посмотреть, что делается в деревне. Я не верил в его прививки и думал, что он там и свалится. Но он вернулся.

— Алло, Пингль, вы живы? Ну, слушайте. Старый Мухам в крайней хижине все еще не умирает, я только что от него. Мы можем надеяться...

— Кажется, этот кошмар бесконечен, — еле шевеля губами, прошептал я. — Ваба или мари? Чет или нечет? Игра на жизнь или на смерть?

В совершеннейшем безумии я закрыл глаза.

На пороге хижины, в лучах заходящего солнца, сидел седобородый голый индус и усердно играл на пискливой флейте. Иногда он кашлял и сплевывал на песок. Из-под лилового камня медленно выползли две длинные полосатые змеи с узорчатыми плоскими головами, разогнали веселых ящериц и прошуршали мимо меня к старику. Они встали перед ним на хвосты, изогнулись и начали плавно раскачиваться, раздувая расписные шеи.

Но, может быть, это мне только казалось в жутком полусне?

Кончилась еще одна беспокойная ночь. Звезды растаяли в пунцовом отсвете зари. Обжигающее равнодушное солнце снова медленно поднималось над безмолвным селением мертвецов. Я не кашлял. Пить хотелось до судорог. Мильройс, разбудивший меня, стоял спокойный и подтянутый, будто собрался в поход.

— Поздравляю, Пингль. В Набухатре была ваба, и все вымерли. Вы остались целы благодаря прививке. Теперь нам надо уйти отсюда... — Он поднял руку. — Ветер с гор, чистый... Отлично. Мы подожжем селитряный тростник, сложенный у деревенского чаупаля. Надо будет пройти через огонь. Индусы говорят, что смерть не властна над тем, что очищено огнем... Попробуем, Пингль?

Мильройс, вероятно, тоже бредил, но я не возражал

против очередного безумия. Он долго возился около связок тростника и каких-то трав, и наконец смрадное, тусклое пламя взвилось вверх. Густой дым заволок солнце. Мильройс взял меня за руку, и мы вошли в дым. Огонь лизнул мне лицо, опалил наши волосы и одежду. У меня кружилась голова. Инстинктивно задержав дыхание, я подумал: «Упасть — сгореть...»

Действительно, в этом аду мне казалось, что лучше упасть и сгореть, чем опять выходить в ужасный зачумленный мир.

Но Мильройс сильной рукой поддержал меня под локоть и быстро провел сквозь огонь на другую сторону костра, разгоравшегося громадным пожаром. Влажный свежий воздух удивительной прохладой обласкал меня. В прозрачном хрустале нежного утра за синеватой каймой леса я увидел блистательные снеговые вершины, слабо вскрикнул от необычайного восторга и упал без сознания.

Четвертая тетрадь

1

Вероятно, я слишком долго лежал на тростниковой жесткой циновке. Страшно болела спина, а шевелиться было так мучительно, что я даже не мог приподнять веки. Во рту чувствовалась отвратительная горечь. Плутующее размалеванное лицо Клипса плавало в фиолетовой мгле, освещенное прожектором из-за невидимой кулисы, и улыбалось.

— Сделай прыжок, Пингль, и ты снова станешь чемпионом...

— Не хочу! — закричал я.

И в ту же секунду сильные руки энергично приподняли мою голову.

— Сделайте же глоток, Пингль. Пейте, говорят вам. Это вкусно...

Стуча зубами о край металлической ложки, я проглотил теплую жидкость, пахнущую миндалем и шафраном. Лицо Клипса растаяло...

— Откройте глаза, Пингль! — опять приказал властный голос.

Через распахнутую дверь видны далекие изумрудные горы. Койка, на которой я лежу, придвинута к стене бунгало, а рядом стоят Мильройс и высокая девушка в белом халате.

— Как живем, Пингль? — спросил Мильройс, дотрагиваясь до моей руки, лежавшей потерх покрывала.

— Хорошо, — пробормотал я, еще не зная, сновидение ли это, или действительность. — Что со мной? Чума?

— Нет, всего только реакция на прививку против вабы и мари. Вам удалось выкарабкаться, Пингль. Через два дня будете здоровы и можете путешествовать по любым Набухатрам, если захотите. — Мильройс улыбнулся и обратился к девушке: — А может быть, Пингль погостит у нас? Как вы думаете, Лиз?

— У нас совсем неплохо, профессор, — мягко ответила Лиз.

— Вы будете жить здесь, Пингль, — сказал Мильройс. — Слуга Хо присмотрит за вами, пока вы еще нездоровы...

— Благодарю вас, профессор, — мог только вымолвить я.

Таково было мое пробуждение на научной станции профессора Мильройса, куда он привез меня из Набухатры.

Милый и чрезвычайно вежливый китаец Хо, принесший мне прекрасный завтрак, был очень приятно изумлен, когда я сказал ему несколько фраз на его родном языке, и с этого момента я сразу завоевал его доверие.

Два дня он не отходил от меня, ухаживая, как за ребенком, и от него я узнал некоторые подробности.

Станция расположена на берегу реки к северу от Рангуна, как раз на дороге, ведущей к этому порту, что на берегу Бенгальского залива, к западу от границы Таи. Мильройса здесь зовут «змеиным профессором», потому что он целыми днями возится в лаборатории с ядовитыми змеями, и считают очень богатым человеком.

На третий день я почувствовал себя совершенно здоровым и мог несколько ближе познакомиться с научной станцией.

Она состояла из одного каменного дома, где помещались лаборатория и комнаты профессора, и из нескольких бунгало, в которых жили его ассистентка мисс Лиз, туземец-шофер и несколько служителей-китайцев. За высокими стенами был разбит обширный тропический парк, где профессор разводил всевозможные породы змей.

— Я изучаю змеиные яды, Пингль, — сказал Мильройс, вводя меня в парк. — Мне думается, что их можно использовать для лечения некоторых заразных болезней. Но главное, змеиные яды, которые мы здесь собираем, нужны для

изготовления противоядий против укусов этих гадов, которых вы видите перед собою...

Мы проходили по дорожкам между рядами клеток с мелкими решетками, где жили змеи.

— Ведь в Индии от укусов змей погибает не одна тысяча людей, а в Бразилии, скажем, ядовитые змеи кусают около двадцати четырех тысяч человек в год. Правда, лучшая профилактика — это массовое истребление змей, но когда человек уже укушен, его надо спасти прививкой...

Парк «змеино-го профессора» поразил меня. Часть его была разделана под культурный ботанический сад, с дорожками, клумбами и водоемами, из которых вода переливалась приятно журчащими водопадами. Здесь Лиз показала мне множество цветов и растений, о которых я только слыхивал на уроках ботаники. Ананасы и бананы я видел раньше, но только сейчас узнал, что листья ананаса дают отличное волокно, пригодное для тканей, и что куртка повара Хо, например, сшита из «ананасного полотна».

Мне очень понравилось «дерево путешественников». В парке была целая аллея таких деревьев. Верхушка этого высокого дерева представляет собой огромный веер из длинных двурядных листьев, похожих на пальмовые. Но это не пальма, а дерево семейства банановых. Воздух парка был напоен сильным ароматом, как в парфюмерном магазине. Буйно росли высокие тропические травы — среди них инбирь, кардамон, ваниль. Огромные причудливые орхидеи изменяли фантастическими очертаниями цветов, пахнущих, как тысячи откупоренных флаконов с лучшими духами. Ваниль оказалась тоже из семейства орхидных. Этого я не знал. Интересно было мне увидеть, что плоды шоколадного дерева растут прямо из ствола, а не на ветках. Это небольшое дерево с цельнокрайними темнозелеными листьями. Зрелые плоды, красного и оранжевого цвета, немного больше огурца. В сочной мякоти плода содержатся многочисленные семена. Они-то и есть какао, из которого готовятся какао-масло, порошок какао и шоколад. Еще до Колумба жители Центральной Америки готовили из этих семян питательный напиток и называли его «чоколатл». Отсюда и название «шоколад».

Часть парка сохранялась в первобытной неприкосновенности дикого тропического леса. Здесь было очень много пальм и ни одного хвойного растения. Пальмы — источник благосостояния туземцев. Пальмы дают пищу — финики и кокосовые орехи, и строительный материал, и волокна. В индийской поэме «Брахарадж» перечислено свыше трех-

сот пятидесяти способов использования пальм для блага человека. Я видел пандусовые пальмы с воздушными корнями, мускатники, магнолии, многочисленные виды лавров, агавы и юкки. Длинные побеги лиан, протянутые от дерева к дереву, образовывали непроходимые чащи, в которых раздавались крики прыгающих по ветвям обезьян и пение самых разнообразных птиц.

Особо сильное впечатление произвел на меня бенгальский баньян, из семейства фикусовых. Птицы разносят семена баньяна и оставляют их на ветвях деревьев. И вот сначала баньян начинает расти высоко на другом дереве, не касаясь земли, подобно тому, как иногда на развалинах вырастает березка или осинка. Позднее баньян из своего ствола выпускает длинные воздушные корни. Они, изгибаясь, свешиваются сверху, как толстые змеи. Коснувшись земли, они прочно укрепляются в ней и превращаются в мощные колонны, подпирающие колоссальную шатровую крону баньяна. Первоначальное дерево, давшее семечку баньяна приют, уже сгнило, и остается гигантское произведение флоры, под которым свободно могут расположиться несколько высоких хижин — бунгало.

Ничто, на первый взгляд, не говорило о смертельных опасностях, таящихся здесь. В этой прекрасной тишине было интересно созерцать величественную красоту деревьев, роскошь трав и цветов.

Но среди них находились огороженные змеятники, где жили всевозможные виды змей. Те, которые могли лазать по деревьям, находились в запертых клетках. Остальные ползали за изгородями, и их можно было свободно наблюдать.

Мильройс предложил мне служить сторожем в парке. Я согласился. Он сам несколько раз показал мне, как надо обращаться с пресмыкающимися.

Он, мисс Лиз и я надевали высокие резиновые сапоги и вооружались особыми палками с расщепом на конце. Профессор, как азартный охотник, залезал в заросшие травой дебри. Надо было выискивать норы, шаря под камнями, и выманивать змей наружу. Расщепом палки голова гада прижимается к земле, и, покуда он извивается, надо крепко взять его за загривок и стряхнуть в брезентовый мешок. Профессор проделывал все это очень ловко. Мисс Лиз не отставала от него. Мне тоже не хотелось показать себя трусишкой. И профессору понравилось, что с первого же сеанса ловли змей, плодившихся в парке на свободе, я не обнаружил страха.

Мне удалось поймать двух красноватых змеек, и я усердно старался вытащить из-под камня третью.

— Пингль, вы набрели на гнездо делиофиса, — сказала, приблизившись ко мне, мисс Лиз.

— Не совсем понимаю вас, — почтительно ответил я, смотря в блестящие черные глаза Лиз.

— Но это же делиофисы, — улыбнулась Лиз почти ласково. — И вы не боитесь?

— Бояться? Страх, по-моему, пережиток, мешающий людям расправляться с природой, — скромно ответил я, повторив слова, когда-то слышанные мною от «Повелителя гиен».

II

Лиз помогла мне освоиться с моей необычной должностью. Маленький подвижной китаец Ли чистил по утрам дорожки в парке, потом мы отбирали змей того сорта, какой заказывал профессор, и несли эти сокровища, шипевшие в закрытых корзинах, в лабораторию. Там, насколько я мог понять, Мильройс и Лиз собирали яды и как-то их обрабатывали. Во всяком случае, из Рангуна каждую неделю приезжал небольшой грузовой автомобиль и увозил аккуратно упакованные ящики с ампулами. На ящиках были написаны адреса получателей — американских фирм по изготовлению лечебных препаратов.

Как-то раз я принес в лабораторию полную корзину змей лахезис. Профессор милостиво кивнул мне.

— Только сейчас был разговор о вас, Пингль. Я говорил мисс Лиз о вас как о смышленном и смелом человеке.

Девушка исследовала пинцетом пасть какого-то гаденыша, которого держала в левой руке.

— Не находите ли вы, Пингль, что вам следует несколько ближе ознакомиться с обитателями парка? — спросила она.

— С большим удовольствием! — горячо ответил я.

— Она даст вам несколько уроков змееведения, Пингль, — сказал профессор. — В школе графства вас, вероятно, на уроках биологии занимали разговорами о жуках и бабочках? — усмехнулся он.

— Я окончил младшее отделение в Дижане, — с достоинством произнес я.

— Тем лучше, — одобрил профессор. — Хотя и там, думаю, вы мало что слышали о змеях.

На следующее утро Лиз пришла в парк и спросила:

— Клетки готовы, Пингль?

— О да, мисс. Доброе утро.

— Сегодня у нас первый урок, — строго сказала девушка. — Пройдемте в южную часть парка.

Мы шли по широким песчаным дорожкам, залитым солнечным светом. Тугие листья кактусов лениво лежали на горячих скалах, покрытых голубыми и розовыми лишайниками. Лиз остановилась около камня, оплетенного тонколиственными лианами.

— Нам придется выбрать из парка всех взрослых муссуран. Они так размножились, что скоро съедят всех наших лахезис. Я покажу вам, как обращаться с муссуран. Они не ядовиты, но могут укусить. Выделения их железок годятся как растворитель для других концентрированных ядов.

Лиз деловито надела толстые змеиловые перчатки и быстро столкнула с места камень. Под ним зашипели притаившиеся гады.

Часа полтора мы охотились по парку, хватая коричневатых, белопузых муссуран и сажая их в тростниковые клетки. Потом отдали их Ли уничтожить.

— Запоминайте названия змей, Пингль, — говорила Лиз. — Приглядывайтесь к их привычкам. Действительно, жаль, что в колледжах не преподают науку о змеях...

Да, профессор верно заметил, что на уроках с нами говорили о бабочках и жуках. Я еще помнил кое-что о жужелицах, истребляющих гусениц, и о жуках плавунцах, питающихся личинками комаров. Знал, что жук карапузик истребляет личинки мух, а жук щелкун замечателен тем, что если его положить на спинку, то он ухитрится подпрыгнуть и опять встать на все свои шесть лап. Слышал о жучках — точильщиках древесины и жуках-притворяшках, в минуту опасности свертывающихся в незаметный комочек.

Но змеи... Чем больше я слушал уроки Лиз, тем сильнее восхищался научной работой змееведов. Лиз была настоящей и терпеливой учительницей, и я снова чувствовал себя эшуорфским школьником.

Вот желтая тоненькая змейка клубком свернулась на песке. Лиз слегка подразнила ее стеклянной палочкой, и гад раскрыл рот, где среди мелких зубов, раздвоенный язычок дрожит, словно паутинка на сквозняке. Лукавые глазки змееныша наливаются притаенной злостью. Лиз говорит:

— Повторим главное, Пингль. Научное название змей вообще?

— Офидиа.

— Правильно. Они представляют собою...

— Отряд класса рептилий, или пресмыкающихся.

— Правильно. Типа хордовых. Для змей характерно отсутствие ног. Они делятся на несколько семейств: удавы, ужеобразные, гадюковые. Какая перед нами змея? Ну, Пингль...

Конфузаясь и запинаясь, словно первоклассник, я ответил:

— Это молодая «кошачья» змея, семейства ужеобразных. У них неподвижна и направлена вертикально вперед нижняя челюсть. По форме же и положению зубов «кошачьи» змеи принадлежат к группе заднебороздчатых...

— Хорошо, — одобрила Лиз. Взяв змееныша, она палочкой раскрыла ему рот. — Смотрите внимательно, Пингль. Эта группа змей называется еще «подозрительно ядовитыми». Видите проток верхнегубной железы? Выделения ее ядовиты, но зубы у «кошачьей» змеи и у всей этой группы расположены очень далеко, и практически укусить ими нельзя. Разве только если засунуть змее мизинец в рот.

Я счел возможным заметить вслух:

— Вряд ли это кому понадобится...

Месяца через полтора занятий Лиз благосклонно сказала:

— Вы сделали отличные успехи. Я рада буду сообщить об этом профессору.

В парке «змеиного профессора» я понял, как много дает непосредственное наблюдение над животными. Змеи... Их, по словам Лиз, тысячи полторы видов. Они представляют собой ветвь ящериц, на протяжении миллионов лет жизни нашей планеты приспособившихся к ползанию на брюхе и заглатыванию крупной добычи целиком. Поэтому у них атрофировались ненужные при ползании конечности. А для заглатывания крупной добычи выработалось характерное приспособление. У змей подвижны не только челюсти, но и остальные кости нижней части черепа. Вот почему змеи могут так широко разевать пасть, которая кажется при этом непомерно огромной по сравнению с их головой.

Очень интересно, что у змей веки неподвижны. Они прозрачны, сращены друг с другом и прикрывают змеиные глаза наподобие часовых стеклышек. Может быть, это придает змеиному взгляду особый, отератительный оттенок?

Я так сжился с офидиями, что даже если видел во сне полчища удавов, то ничуть не страшился, а вступал с ними в драку. Я разбирался в коварных привычках карликовых удавов, которые подкарауливают людей в песках пустынь. Узнал повадки змей-«стрел», которые взбираются на ветви деревьев, а оттуда взвиваются и летят на жертву, будто пущенные из туго натянутого лука. Научился наблюдать коралловых аспидов, пышно расписанных кобр и траурных ехидн, этих опаснейших врагов человека. Ни один щито-мюрдник не мог укрыться от меня в траве, а ползание гремучников я умел различать за сорок футов.

Однажды повар Хо пожаловался, что маисовые мыши поселились в кухонном складе и портят ему продукты. Профессор распорядился доставить из парка десяток змей ииг-шу. Ли вытряхнул их из корзины перед кухней. Они были тощи и похожи на поясные ремни, эти полутораметровые ииг-шу. Оглядевшись, они чинно поползли к бунгалу, где хранились наши продовольственные припасы, довольно ловко взобрались по лестницам и скоро успокоились на чердаке, как будто всегда там жили.

Ночью я прошелся по парку посмотреть, все ли в порядке, и китайцы позвали меня к кухне. Глухая возня слышалась там. Это ииг-шу, бесподобные мышееды, насыщались, уничтожая мелких грызунов.

— Ни одна кошка не может сравниться с ииг-шу, — заметил профессор, поднимаясь утром со мной на чердак. — Полюбуйтесь, Пингль...

На чердаке лежали вытянувшись ииг-шу. Но это не были прежние тощие, худосочные змееныши. Лежали толстые существа, набившие себя мышами досыта, и блаженно спали. Нет в мире силы, способной разбудить ииг-шу, после того как она насытится. Надо дожидаться, пока ииг-шу не переварит съеденного. Тогда она проснется, и ее можно нести на новое мышьеиное место. Там, где побывали ииг-шу, мыши не рискнут показаться по крайней мере полгода.

Ли собирал сонных тварей в корзину, а Хо рассказывал профессору, как служил раньше у французского миссионера в Камбодже и как маисовые мыши устроили нашествие на бунгало святого отца. Они съели у него все запасы, всю библиотеку, всю обувь и обгрызли ножки у кровати, а миссионер провисел неделю в гамаке, изнывая от голода и любуясь, что предельывали в его доме эти маисовые дьяволята.

— Вот что бывает, — заметил профессор, — если нет

под руками ииг-шу или, в крайнем случае, хорошего кота.

Отзыв Лиз о моих успехах привел к тому, что профессор заявил мне:

— Надо будет найти другого сторожа, а вас, Пингль, я буду постепенно приучать к работе в лаборатории.

С некоторым трепетом я надел белый лабораторный халат.

— Из вас выйдет дельный лаборант, Пингль, — заметил профессор, — если вы будете держаться драгоценного правила: «Чистота и аккуратность прежде всего». Я сам буду учить вас. Может случиться, что вы ничего не потеряете в сравнении со старшим отделением Дижана...

Мильройс относился ко мне, как и все на станции, очень доброжелательно и начал понемногу приучать меня к лабораторной технике. Я узнал, что все змеиные яды делятся по своему действию на организм человека на два вида: одни яды парализуют нервную систему, а другие вызывают гангрену тканей.

Силу яда в лаборатории проверяли на морских свинках. Кроме этой работы, профессор отдельно занимался в своем кабинете, и на моей обязанности было готовить ему чистые пробирки и колбы.

Я уже выучился составлять несложные растворы и не мог дожидаться дня, когда будет нанят новый сторож и профессор окончательно переведет меня в лабораторию.

III

Все шло прекрасно. Несчастье свалилось на меня неожиданно, когда надо мною расстилалась благодать безоблачного неба.

Из парка стали пропадать самые редкие экземпляры змей — двухфутовые джирры. Мильройс скупал их у туземцев по нескольку пайс за штуку и выпускал в парк. Джирры, как известно, водятся в кустарниках на восточных склонах Гималаев. Профессор никак не мог собраться сам в такую дальнюю экспедицию, а туземцы, очевидно, ухитрялись каждую неделю бегать за этими змеями туда и обратно, что было, если вдуматься, чрезвычайно загадочно. Поэтому Мильройс особенно дорожил джиррами. Высушенный яд джирр, как и змей лахезис, мог сохраняться больше двадцати лет и не терять своих смертоносных свойств — убивать в срок от пяти до семи часов. Противоядия, которые готовил из них Мильройс, спасали челове-

ка от верной смерти. Поэтому «змеиный профессор» буквально дрожал над этими исчадиями природы. И вот джирры начали таинственно пропадать, будто проваливаясь сквозь землю. Я обшаривал все известные мне в парке норы и трещины. Может быть, джирры прорыли подземные ходы? Но это, как утверждала Лиз, было не в привычках джирр. Тщательно я осмотрел всю ограду. Рассыпал на дорожках свежий песок, думая увидеть наутро по следам, куда уползают наши пленники. Ничего. Я доложил профессору обо всем этом. К моему удивлению, Мильройс рассвирепел. Он так кричал на меня, будто подозревал, что я тайком жарю его змей себе на ужин или солю их прозapas, как эшуорфские хозяйки солят миног.

Огорченный, я обратился к Лиз. Она посоветовала мне понаблюдать за китайцами, но для меня они были вне всяких подозрений.

Вор! Это стало для меня ясным, когда двенадцать самых крупных джирр исчезли из парка в одну теплую безлунную ночь. При первых лучах восходящего солнца я увидел на свежем песке одной из крайних дорожек парка отпечатки босой ступни.

«Ага, — подумал я. — Ну, об этом я не стану сейчас докладывать сердитому профессору и его ассистентке, а подкараулю, поймаю и приведу жулика за шиворот. Пусть «змеиный профессор» узнает, кто питается его ядовитой дичью».

Выйдя из парка, я обследовал каждый дюйм местности у той стены, через которую, по моим предположениям, мог забираться неизвестный вор. Невдалеке проходила дорога на Рангун. Уединенная, глухая тропинка извивалась от дороги в сторону и упиралась почти прямо в стену парка. Это становилось интересным.

Вечером, когда станция потружилась в сон, я приготовил толстую бамбуковую палку, надел мягкие резиновые сапоги, в которых мне приходилось лазать по бассейнам, вылавливая водоплавающих змей, проверил электрический фонарь, сунул в карман кастет, взятый у Хо, и, заперев ворота и калитку, решил выяснить тайну.

Всю ночь я честно караулил, не смыкая глаз, и так бесшумно обходил парк около стен, что мне мог позавидовать африканский бумсланг — самая хитрая змея на свете. Но ничего не случилось. Утром я пересчитал джирр. Все они оказались налицо. Так четыре ночи подряд дежурил я в парке, предвкушая, как обломаю палку на спине вора, но тот не появлялся.

На пятую ночь я услышал еле заметный осторожный шорох, совсем не похожий на шелест щитомордника или побрякивание гремучки. Змеи спали, и им незачем было возиться в кустах.

Мягко, словно котенок, ступая в резиновых сапогах, я успел подкрасться к восточной стене как раз вовремя. Тень человека с мешком за плечами карабкалась на стену, но я поймал босую ногу вора и сдернул его обратно в парк.

— Лежи, сатана, и не двигайся! — прошептал я. — Раньше чем наделать тебе синяков, мне хочется полюбоваться на твою физиономию.

— Простите меня ради всего святого, — услышал я в темноте плачущий голос. — Клянусь вам, что я не ел четыре дня...

При свете фонаря я увидел смущенное лицо белого. Я сам сначала смутился, но, взглядевшись пристальней в черты лица вора, я почувствовал еще больший приступ бешенства.

— Не рассказывайте сказок, — прошипел я, скрипя зубами. — Меня не касается, что вы кушали на прошлой неделе. Каким образом и зачем вы очутились здесь?

Вор молчал, тяжело вздыхая, как бы в раскаянии.

— Как вы ухитрились воровать джирр? Кто вы такой?

— Не все ли равно, кто, — ответил вор. — Отпустите меня. Я сумею быть благодарным.

Я тихо засмеялся.

— Как бы не так! Вы опять попадаетесь мне на дороге, чорт бы вас взял! Мне отлично знакома ваша безобразная физиономия.

— Будто бы?

— Да. Вы проиграли мне в Белл-Харборе пари и позорно сбежали, не заплатив доллара. Но я нашел вас на краю света, и теперь мы рассчитаемся.

Да, это был тот самый джентльмен, который кормил меня баснями о чемпионе Блек Снэке. Сейчас он взмолился смиренным голосом:

— Уберите ваши колени с моей груди. Я с трудом держиваю сто фунтов вашего веса...

— Как вы воровали джирр? — настаивал я, придавливая вора. — Покажите перчатки.

— Я хватал их без перчаток, клянусь...

— Так вам и поверили, — отозвался я, зная привычки ядовитых джирр.

— Я все расскажу вам, честное слово. Только не мните меня, — пробормотал вор.

— Лежи, сатана, и не двигайся! — прошептал я.

— Отдайте оружие, — потребовал я.

— Вот мое оружие...

При свете фонаря я увидел десять голых пальцев вора. Тогда я великодушно разрешил:

— Встаньте и рассказывайте. Не делайте лишних движений, а то я застрелю вас.

Вор забормотал извинения.

История становилась слишком интересной, чтобы сразу поднимать тревогу. Было любопытно познакомиться со смельчаком, который додумался красть ядовитых змей и рисковал босоногим бродить по нашему парку, да еще ночью.

Пыхтя и отдуваясь, вор сел на скамью. Мешок с джиррами мирно лежал у наших ног. На всякий случай я не выпускал палки из рук.

— Не умею я рассказывать, — сумрачно начал вор осторожным шопотом, словно боясь, что нас подслушают. — Зовут меня Вандок. Сейчас я без работы и ворую с голоду.

— А раньше? — спросил я.

— Что раньше? Всю жизнь я прожил, шатаюсь по белу свету. Были веселые денечки, когда меня носило под тропиками от Панамы до Занзибара и Центральной Африки. Я охотился на львов в Угого и за гориллами на Целебесе. Судьба кидала меня из Нью-Йорка в Макао и обратно. После Белл-Харбора я кинул якорь в Рангуне. О причинах скитаний позвольте умолчать. Но, как говорит индусская пословица, «для мудреца достаточно намека». Кстати, нет ли у вас в кармане хоть корки хлеба? За четыре дня я забыл его вкус... Нет? Ладно. Так вот, если у здорового, сильного человека в этом мире нет работы, то он способен заняться изучением змеиных привычек, лишь бы это дало ему возможность ежедневно иметь горячую пищу. А случилось это так. В прошлом году я таскал чемоданы каким-то геологам королевской экспедиции в Гималаях и там заметил, что эти проклятые джирры по ночам прячутся под кустарниками и тихо спят, как все мирные существа. В темноте они, оказывается, незлобивы, как овечки, и совсем не кусаются. Геологи уехали через Бомбей в королевство, а меня оставили бродить по улицам. Для безработного улицы всех городов одинаковы, и мне немало пришлось испытать. Я учился парикмахерскому искусству и практиковался на голове хозяина, пока случайно не отхватил ему четверть уха. Понятно, потом я целый день отлеживался на свалках за городом, выплевывая изо рта зубную крошку. Служил у торговца маслом и учился персидскому языку. Судьба вела

со мной очень ехидную игру. Но зачем я вам все это рассказываю? Сытый голодного не понимает. Что может понимать торговец керосином в аромате мускуса? Спасибо хоть за то, что вы не проломили мне головы у забора. А теперь зовите людей и запирайте меня где-нибудь до утра. Только сначала покормите, а утром можете отправлять к судье. Что ж, неудача! Пошел глупец охотиться, а его самого подстрелили. Я устал от такой собачьей жизни. Лучше повеситься, чем отыгрываться.

Невольно проникаясь сочувствием, я сказал этому мудрецу:

— Я верю тому, что вижу, а не тому, что слышу. Покажите мне ваши фокусы.

Вандок, оказалось, не солгал. Действительно, привычки джирр он знал отлично. Злобные днем, они с заходом солнца делались добродушными и мирно спали. Вандок при мне шарил голыми руками в кустах и собирал злобных джирр, будто грибы, спокойно засовывая их в мешок, как новорожденных щенят. Да, каждый зарабатывает себе хлеб так, как его к тому принуждает судьба.

Брезентовый мешок Вандока наполнился, как тугая наволочка, набитая маисовой соломой.

— А теперь, любезный, вытряхивайте добычу на землю, — сухо сказал я Вандоку. — Я прощаю вам доллар и прибавляю половину рупии. — Я достал из кармана монету. — Проваливайте отсюда с условием, что я вас больше никогда не увижу в парке.

— Ну нет, — усмехнулся Вандок. — «Змеинный профессор» не разорится от нескольких пайс, которые он переплачивает мне на джиррах. А из вашего грошового жалованья я не возьму ничего. Пока для меня не настанут лучшие времена, я буду лазать сюда...

Он произнес это скромно, почти застенчиво, и мне стало жаль парня.

Если я не трону его добычи, он завтра сам или через подставных мальчишек продаст профессору содержимое мешка, отправится в харчевню и поест впервые за четыре дня. Если же я подниму тревогу, ему не миновать тюрьмы.

Я был судьбой Вандока. Надо было решать задачу. Отпустить его? Но если этот дьявол будет продолжать свои визиты, мой хозяин начнет штрафовать меня за пропажу вверенного мне имущества.

— Вы не пожалеете, добрый человек, если еще когда-нибудь побеседуете со мной, — прервал мои размышления Вандок прежним печальным тоном. — Честное слово, эти

гады сейчас — все мое пропитание. Позвольте мне не лишаться его. Право, для профессора тут ущерб невелик... Как только я устроюсь на работу, я прекращу это занятие.

В ту минуту я пережил очень много. Я с обостренной ясностью вспомнил, как сам страдал от голода, подобно этому бродяге. И я слабодушно сдался на просьбы хитроглазого проходимца.

— Оставляйте себе десяток джирр, — сказал я Вандоку, потушив фонарь. — Торгуйте ими, и желаю вам приятного аппетита, когда вы завтра начнете кушать похлебку. Только уговор: не тревожьте джирр чаще одного раза в неделю.

— Благодарю вас, — радостно забормотал Вандок, развязывая мешок.

Он быстро управился с джиррами. Было слышно, как шлепались о землю змеи, забрасываемые им в дальний газон.

— Было очень приятно возобновить старинное знакомство с вами, — уже более свободно сказал Вандок, взваливая отощавший мешок на спину. — Я оставил себе восемь экземпляров. Этого мне пока хватит. Разрешите навестить парк в среду, а то в четверг начнется полнолуние.

— Проваливайте, — прошипел я, — можете являться и в полнолуние. По средам я буду спать с часу до двух ночи. Но вообще постарайтесь убраться поскорее из наших окрестностей навсегда.

— Как вы великодушны! — промямлил Вандок и исчез.

Я слышал его быстрые шаги, легкий прыжок, и все стихло.

Безмолвное очарование тропической ночи сгустилось вокруг меня. Но на душе у меня было смутно. Я жалел Вандока и был недоволен собой.

IV

— А не приходила вам мысль, мисс Лиз, что джирры поедаются какими-нибудь животными? — спросил Мильройс ассистентку, когда я днем доложил ему о недостатке джирр. — Все-таки мы еще очень мало знаем о поведении пресмыкающихся. Что думаете вы, Пингль?

— Следовало бы дать мне Ли в помощь, — ответил я. — Вдвоем нам будет легче уследить, куда исчезают джирры.

— Вы недооцениваете своих способностей, Пингль. Я уверен, что вы поймаете беглянок. Но не станем беспокоиться о пустяках. На-днях сюда приезжает мой племян-

ник доктор Рольс, и он уладит дело. А вы, Пингль, будьте добры, приготовьте раствор вот по этой формуле...

На лабораторном столе лежала записка. Я удивился, зачем профессору понадобилось записывать формулу: обычно я составлял растворы с его слов.

— И поторапливайтесь, Пингль, — строго сказал Мильройс. Обратившись к Лиз, работавшей тут же, он продолжал прерванный моим приходом разговор: — Вы будете, Лиз, совершенно очарованы моим племянником. Чрезвычайно талантливый человек. Несколько лет он прожил на Яве, написал книгу о насекомоядных растениях. Теперь надолго едет в Австралию изучать флору ее южного побережья. Он хочет воспользоваться некоторыми моими советами. Ведь я, кажется, неплохой организатор...

— О да! — невольно вырвалось у меня.

Мильройс медленно повернул голову в мою сторону:

— Ах, Пингль, вы еще здесь? А я полагал, что раствор уже готов. Так вот, Лиз, мы воспользуемся коротким визитом Рольса и проверим тот опыт, о котором я вам говорил. А кстати и разберемся в джиррах. Он должен отлично знать. Ведь он...

Раствор как раз был к этому моменту готов.

— Исполнено, профессор, — сказал я.

Лиз с недовольством посмотрела на меня.

— Как вы меня испугали, Пингль!

— Благодарю вас, Пингль, — сказал профессор. — Я сам профильтрую раствор.

Мне оставалось откланяться и покинуть лабораторию.

Через несколько дней как-то утром Ли сказал мне:

— Ночью приехал племянник хозяина.

Мне очень хотелось посмотреть на гостя, но как раз в парке было очень много работы, и мне никак не удавалось увидеть приезжего.

Дня через два Лиз приказала перенести несколько клеток на солнечную сторону, и я с китайцами трудился в поте лица. Перетаскивая клетку, я увидел через калитку незнакомого человека, разговаривающего с Лиз на террасе дома. Человек сидел на перилах спиной ко мне, сильно жестикулировал и рассказывал, повидимому, что-то очень смешное, потому что Лиз хохотала так, что ее смех доносился до меня.

— Боже мой... Да перестаньте, Рольс! Вы уморите меня, Рольс!

Очевидно, это и был молодой племянник профессора. Несомненно, что мой хозяин очень любил Рольса, потому

что Хо на кухне стряпал самые изысканные блюда и когда нес мимо моего бунгало три прибора в столовую профессора, то подмигивал мне:

— После обеда я принесу вам еще чего-нибудь вкусенького.

В лаборатории Лиз занималась одна. Профессор с племянником сидели запершись в личном кабинете Мильройса и занимались до глубокой ночи. Я видел освещенное окно кабинета, когда коротал часы ночного дежурства в парке. Для занятий профессора требовалось очень много материала, то из вивариев, то из склада, и я буквально разрывался на части. Бедная Лиз тоже измучилась. Наконец она с облегчением сказала:

— Рольс уехал сегодня рано утром. Какой обаятельный человек, не правда ли, Пингль?

— К сожалению, меня не представили мистеру Рольсу. Я его видел на террасе...

Лиз вся вспыхнула.

— Видели? О, это очаровательный собеседник. Какой замечательный человек!

Она задумалась, и лицо ее сделалось печальным.

— Жаль, что мистер Рольс так скоро уехал, — искренне сказал я.

Когда в полдень я вернулся в лабораторию, меня встретила встревоженная Лиз.

— Ради бога, не шумите, Пингль. Говорите шопотом. Ходите на цыпочках...

— Что случилось? — прошептал я.

— Профессор Мильройс заболел...

— Что с ним? Укус змеи?

— Нет. Желтая лихорадка... Жестокий приступ... Лежит без сознания...

Слезы выступили у меня на глазах.

— Какое несчастье! Надо доктора... Привезти из Рангуна?

— Авто вернется оттуда только к вечеру, — печально сказала Лиз.

— Тогда я побегу в деревню и найму лошадь, — горячо предложил я.

Лиз нервно передернула плечами.

— Ах, Пингль, профессор знает отличное средство против Желтого Джека. Я только что сделала ему первый укол. Через час сделаю второй. Наверно, дело ограничится двумя-тремя приступами, не более. Ведь я тут до вас перенеслась, кажется, всеми видами лихорадок, и профессор

вылечил меня. У него свои взгляды на болезни, и он отлично управляется с ними.

Мильройс хворал долго, и все на станции как бы погрузилось в траур. Лиз была печальна, и я часто видел слезы на ее похудевшем лице. Теперь она работала в лаборатории одна. Вечером привозили почту, ее разбирала Лиз и несла в кабинет к больному профессору. Она же и кормила его, с вечера давая подробные наставления Хо, что следует приготовить.

На мои вопросы о состоянии здоровья профессора Лиз только покачивала головой, и я сам болел душой за человека, который, повидимому, находился между жизнью и смертью.

— Профессор выздоравливает! — однажды радостно сказала мне Лиз, прибежав утром в парк. — Он прислал вам записку, вот она.

С радостью я прочитал слова, написанные уже знакомым мне почерком:

«Дорогой Пингль! Лихорадка порядком помучила меня, но теперь я поправляюсь. Надеюсь скоро увидеть вас. Очень интересуюсь вашей работой. Прочитайте книгу, которую вам даст Лиз. Учитесь, если не хотите век прожить сторожем».

— Книга у вас на террасе. Изучайте ее. Начинайте готовиться к научной работе, Пингль, — добавила Лиз и поспешила в лабораторию.

Меня охватило нетерпение узнать, что за книгу рекомендовал мне профессор, и я помчался к своему бунгалу, где и увидел на столе книгу «Биологические загадки». С первой же страницы она увлекла меня. В Дижане нас приучали делать короткие конспекты из прочитанных книг, выписывая наиболее интересные места. Ведь многое забывается, а коротенькая строчка записи часто возобновляет в памяти содержание целой книги.

И я стал выписывать кое-что из «Биологических загадок». Книга касалась причин возникновения болезней растений, животных и человека. Сейчас припоминаю, что я записывал тогда.

«Видимые в микроскоп микробы, возбудители заразных болезней, — это загадка, раскрытая пока лишь наполовину».

«Существуют также заразные болезни, которые вызываются не микробами, а вирусами. От них человечество заболевает в пять раз чаще, чем от микробов».

«Что такое вирус? Вирусом называется вообще всякое заразное начало. Биологическую загадку представляют так

называемые фильтрующиеся вирусы, вирусы в собственном смысле слова. Эти заразные начала — вирусы — способны проходить через такие фильтры, через которые не могут пройти даже под большим давлением микробы».

«В 1892 году русский ученый Ивановский взял сок из табачных листьев, больных мозаичной болезнью. Этот сок даже в ничтожных количествах был способен заражать здоровые растения. Ивановский хотел дознаться, что же представляет собой возбудитель табачной мозаики. Может быть, это микроб? Тогда интересно было бы рассмотреть его под микроскопом и изучить его свойства в лаборатории, получить его в чистом виде».

«Микроскоп не обнаружил микроба мозаики. Ивановский взял заразный сок табачных листьев и пропустил его через фильтр с такими крошечными отверстиями, что через них не мог пройти ни один, даже самый ничтожный по размерам микроб. И оказалось, что такой счищенный от всякого присутствия микробов сок полностью сохранял свою способность заражать здоровые растения табака мозаичной болезнью».

«Только через семь лет, в 1899 году, ученые поняли, что вирусы представляют совершенно новое явление. И с этого времени начались открытия, одно удивительнее другого».

«В садах Турции еще с 1555 года разводили очень красивые тюльпаны с крапинками и причудливыми полосами на лепестках. Считалось, что это сортовые признаки. И таких тюльпанных сортов на протяжении столетий было выведено тысячи. Но оказалось, что крапчатость тюльпанов есть не что иное, как проявление вирусной болезни. В 1928 году это было доказано с несомненностью».

«Вирусы являются возбудителями многих, часто очень тяжелых заболеваний. Корь, оспа, например, вызываются вирусами. Оспа овец, чума свиней, ящур рогатого скота, анемия лошадей, энцефалит лисиц и других пушных зверей вызываются вирусом. Оспа зеркального карпа, гнильца пчел, болезни шелковичного червя — от вирусов. Вирусы же поражают и громадное количество растений. И зерновые, и овощи, и технические культуры, и плодовые деревья — все они страдают от различных вирусных заболеваний».

Я сам видел мозаичную болезнь табака и знаю, какой вред и убыток она приносит. Вирусы — страшные враги. Но что такое они?

«Вирусы невидимы. Их действия облечены таинственностью. Сущность их неизвестна...» говорилось в книге.

Работа над этой книгой увлекла меня. А за это время змеи муссуран, длинные полосатые твари, опять размножились, и надо было очищать от них парк. Как то, вылавливая их, я услышал громкий голос Лиз:

— Дайте срочную телеграмму доктору Рольсу!

Она отдавала приказание одному из слуг, отправлявшемуся в Рангун в неурочное время.

— Скажите на телеграфе, чтобы не перепутали адреса. Запомните его: Рольс — Мацатлан.

Слово «Мацатлан» почему-то крепко врезалось в мою память. Я запомнил его. А лучше бы не запоминал: оно привело меня к необычайным приключениям.

В ту же ночь я дежурил в парке. Видел ярко освещенное окно кабинета, где работал Мильройс. Летучие мыши с пискom носились около окна. Но профессора, видимо, мало беспокоили эти летающие пiskyны. Его силуэт в позе углубившегося в чтение человека отчетливо был виден на занавеске.

Ночь прошла спокойно, как и предыдущие. Джирры оказались в целости и даже начали откладывать в песок яйца. Как только у джирр выведутся змееныши, Вандок может воровать их сколько угодно. Станция перестанет скупать джирр. Своих хватит.

Но Вандок не появлялся. Вероятно, он побаивался встречи со мной.

V

Лиз отметила мои успехи.

— Сегодня я разговаривала с профессором о вас, — сказала она, навестив меня в ларке. — Вы приобрели некоторые познания по змееведению, и скоро мы окончательно переведем вас в лабораторию.

— Как здоровье профессора? — спросил я.

— Он скоро выйдет. У него после болезни ослабло зрение. Он не переносит солнца и вынужден заниматься при лампе. Сколько раз я просила его поберечь зрение! Ведь я могла бы читать ему вслух. Но он и слышать об этом не хочет. И читает у себя по вечерам.

— Он очень поздно занимается. Сидит в кабинете до за-ри, — сказал я. — Окно его освещено. Видно, как он сидит и читает.

— Ах, вы это заметили? — живо спросила Лиз.

— Ну да, — подтвердил я.

Мне было очень жаль, что профессор не показывается. Утешением были краткие записки от него, которые Лиз

иногда мне передавала. Он, очевидно, поправлялся. И каждый раз, дежуря ночью в парке, я видел на шторе окна силуэт Мильройса, склонившегося над столом и погруженного в чтение.

Он сидел неподвижно. А я думал: «Вот как человек умеет работать. Все на свете забывает для науки».

Я часто размышлял о Мильройсе. Он относился ко мне со своеобразной отзывчивостью, дал мне хорошее место... Будучи больным, он находил время следить за моей работой, но очень мало разговаривал со мною, и мне казалось, что он постоянно наблюдает за мной издали, хотя проще было бы прямо подойти ко мне. Но, видимо, в его характере было делать добро людям таким образом. Да и слишком занят он был, чтобы каждый день разговаривать со сторожем своего парка.

В одну из ночей Вандок влез в парк за джиррами.

— С благополучным прибытием, — раздраженным тоном приветствовал я вора, когда ровно через час после полуночи он перелез через стену.

— Благодарю вас, Пингль, — вежливо ответил Вандок.

— Вы знаете мое имя? — изумился я.

— Что ж удивительного в том, что я знаю «Человека легче воздуха»? На последний доллар тогда я купил место в «Колоссэуме» и сразу узнал вас. Сказать по правде, вы имели очень растерянный вид, когда лежали в люльке.

Он быстро и бесшумно шарил в кустах.

— Послушайте, куда девались джирры, Пингль? — довольно фамильярно прошептал он мне. — И вообще... кажется, вы нарочно набросали сюда ехидн?

— Я только что хотел предупредить вас, Вандок, что джирры теперь ночуют у южной стены.

— Ваши слова помогут мне ускорить неприятную операцию поисков дичи, — любезно поблагодарил Вандок, перепрыгивая через канаву. Он быстро стал наполнять мешок.

— Не больше пяти штук, — предупредил я его, зажигая фонарь. — Покажите, сколько вы собираетесь тащить?

Вандок раскрыл мешок.

— Пять ровно. Все налицо. Но я бросаю это занятие. Профессор ваш болен, а эта старая дева Лиз не нуждается в змеином товаре. Хоть бы вы похлопотали за меня, друг, и помогли безработному. Кстати, чем хворает ваш Мильройс?

— У него была лихорадка, но теперь он поправляется, хотя и не выходит из своей комнаты.

— Бедняга, — пробормотал Вандок и попросил разреше-

ния закурить: — Всего несколько затяжек. Привык к трубке, отбивает аппетит. — Он осторожно чиркнул зажигалкой и пыхнул крепким табачным дымом. — Как же это угораздило профессора схватить Желтого Джека? Давно?

— В день отъезда племянника. Но что вы меня спрашиваете? — обозлился я. — Вам пора в обратный путь.

— Какой вы добрый, Пингль, и какой нервный, — просто и мягко ответил Вандок. — Вашей услуги в прошлый раз я не забуду никогда. Но довершите начатое... Я знал племянника Мильройса, но давно потерял его из виду. Это замечательный человек.

— Да, — подтвердил я. — Он известный ученый, написал книгу, жил на Яве...

— Ну да, тот самый. Он добрый и отзывчивый. Ах, Пингль, если бы... Ведь я давно хочу начать честную жизнь. Если бы я знал, что племянник Мильройса здесь, я бы открыто пришел к нему, рассказал все, и он бы взял меня к себе на работу.

— Доктор Рольс сейчас в Мацатлане, — ответил я. — Это, кажется, в Австралии...

— Совершенно верно, в Австралии, недалеко от Южного полюса, — странным голосом проговорил Вандок. — Ну, до свиданья, Пингль, спасибо за сочувствие. Может быть, и я скоро уеду в Мацатлан.

Он быстро вспрыгнул на забор и скрылся.

Отходя от стены, я споткнулся обо что-то и чуть не упал. Это валялся мешок с джиррами. Вандок забыл свою добычу.

Пятая тетрадь

I

Утром я пришел в лабораторию и поздоровался с Лиз.

— Профессор просил передать вам эту записку, Пингль, — сказала она приветливо.

— Благодарю вас, мисс Элизабет. Как здоровье нашего доброго профессора? — спросил я, беря записку.

— Сейчас я нашла его почти здоровым. Впрочем, читайте...

В записке я нашел следующее:

«Пингль. Все-таки я недоволен вами. Вчера вы небрежно приготовили растворы. Жалею, что я еще настолько слаб, что не могу выходить на воздух и в лабораторию. Извольте

сейчас же заново профильтровать растворы. Кроме того, вы очень долго возитесь с чтением пособия, которое я послал вам. К тому времени, когда я увижу вас, вы должны быть хоть немного подготовлены теоретически».

— Я огорчен этой запиской, — сказал я, чувствуя себя взволнованным. — Нельзя ли мне повидать профессора? Я бы рассказал ему...

— Нет, нет, — возразила Лиз. — Сейчас нельзя. Вы хотите рассказать ему о своей работе? Он сам скоро узнает, как вы у него работаете...

Мне показалось, что она слегка подчеркнула последние слова. Почему-то мне в ту минуту вспомнились хитрые глаза Вандока и его визит в парк этой ночью. Надо развязаться с этим парнем. Хотя я и жалел его, но поступки Вандока были странны и глубоко мне несимпатичны.

— Меня интересует, почему профессор дал мне книгу о вирусах, — проговорил я полувопросительно. — Ведь это мало касается змей...

Лиз снисходительно улыбнулась.

— Это только вам кажется. Змеи вовсе не являются в отношении вирусов исключением. Змеи тоже могут болеть. И, представьте, вирусными болезнями, притом очень заразительными. И если население парка начнет гибнуть, это — убыток для нашей станции. Я высказываю только предположение, но думаю, что профессор хочет заняться этим вопросом и ему нужны понимающие дело помощники...

— О, тогда все понятно! — радостно сказал я. — Теперь у меня к вам просьба, мисс Элизабет. Я приготовил небольшой конспект. Передайте его профессору. Нас так учили в школе: не полагаться целиком на память, а записывать главное из прочитанного.

Лиз взяла блокнот с моими записями и с интересом перелистала его.

— Обязательно передам, — произнесла она. — Этим вы доставите профессору большое удовольствие. Он так хорошо к вам относится, — заметила она при этом.

Она прочитала вслух из моего блокнота:

— «Вирусы — агенты болезни и смерти — нападают на самые разнообразные живые существа, начиная от бактерий и кончая человеком». Да, — сказала Лиз, — и бактерии страдают от вирусов. Вирусы могут уничтожать бактерии. Ведь вирусы чрезвычайно малы по размерам. Гораздо меньше микробов.

— Самые маленькие существа на свете, — вставил я.

Лиз покачала головой:

— Не совсем так. Вирусы могут оказаться не существами, а веществом со свойствами существа. Это еще загадочнее. Во всяком случае, изучение их представляет величайший интерес. Ведь с вирусами, ясно, теснейшим образом связано решение основных проблем биологии — о происхождении жизни, о границе между живым и мертвым в природе...

— А если откроют, что вирусы не существа? — спросил я, заинтересованный тонкостями биологии.

— Если вирусы окажутся органическим веществом, то химия рано или поздно будет в состоянии искусственно готовить их в лаборатории, а потом искусственно готовить и противоядия против них...

— Вот оно что... — пробормотал я, окончательно пораженный.

— Да, да, — кивнула головою Лиз. — Мы можем сейчас и говорить и работать. Готовьте-ка раствор марганцевокислого калия...

Я занялся раствором. Лиз сказала:

— Подумайте, Пингль, что может получиться с искусственными вирусами дальше. Если химия синтезирует в пробирке вирус, вещество с некоторыми свойствами живого существа (а иначе это не вирус), значит, человек получит искусственно созданный элемент жизни. Тогда мы вплотную подойдем к решению вопроса о происхождении жизни. Понимаете, Пингль?

— Ах, мисс Элизабет, — произнес я, — это все так интересно! Я никогда не расстанусь с профессором и с вами...

— Вы так думаете, Пингль? — как-то странно протянула Лиз. — Очень хорошо. Только будьте внимательны. Смотрите, вы льете раствор мимо воронки.

II

Добросовестно поработав в лаборатории три часа, я отправился отдыхать в бунгало в самом восторженном настроении. Радужные мечты кружили мне голову. Действительно, надо учиться у профессора. Он скорее выведет меня в люди, чем Клипс или какой-нибудь Уолсон. Наконец-то, после всяких Хелли, Поллоков и неудачников Харлов, я попал на настоящего человека. А потом... можно выписать сюда Эдит, и тогда...

Сумерек здесь не бывало. Солнце садилось за джунгли, и темнота наступала сразу. Сегодня я резонно ожидал, что

ночью Вандок обязательно вернется если не за джиррами, то за мешком. Голод не тетка, и Вандок попытается набрать новую порцию ядовитых тварей. Надо постараться, чтобы его визит сегодня был последним. Надо быть сухим, жестким и даже припугнуть его.

Я не ошибся. Действительно, Вандок в обычный час после полуночи, когда спряталась первая четверть луны, перелез через стену и очутился в моих руках.

— Вот ваш мешок, Вандок, — серьезно произнес я. — В нем дюжина самых лучших джирр. Вчерашних я выкинул — вы не умеете выбирать со вкусом. И... убирайтесь к чорту.

— Какая муха укусила моего друга Пингля? — насмешливо спросил Вандок, раскуривая трубку. — И почему вы воображаете, что я сейчас интересуюсь джиррами? Нет, Пингль, вот уже три дня я хожу к обедне в Рангунский собор и слушаю проповеди архиепископа. Он окончательно наставил меня на истинный путь. Хочу сделаться праведником, Пингль. Воровство — самый страшный грех, и раскаяние мне необходимо. Иначе я погибну.

— Кто вам мешает каяться? — тоже усмехнулся я. — И, пожалуйста, не кричите так громко. Профессор услышит.

Вандок затянулся так сильно, что огонек трубки, вспыхнув, осветил его нос.

— Как раз мистер Мильройс мне и нужен. Я пролью перед ним горькие слезы раскаяния и вымолю у него прощение. Иначе мне не попасть в рай...

— Вы пьяны, Вандок?

— Ошибаетесь. Никогда в жизни я не был более трезв, чем сию минуту, Пингль. Ведите меня к профессору!

— Вы сошли с ума!

— Ну, хорошо, я могу пойти на уступки. Вы только подведете меня к окну кабинета Мильройса, и я полюбуюсь на освещенную штору. Мне хочется взглянуть хотя бы на тень этого почтенного ученого. Это придаст мне силы исправиться. Я мог бы проделать это и без вашей помощи, но мне неприятно объясняться с китайцами, которые шляются по двору.

Нахал вывел меня из терпения.

— Убирайтесь отсюда, Вандок!

Вандок молча выбил табак из трубки и слегка присвистнул.

— Отлично, друг. Но мне ничего не стоит сообщить завтра мистеру Мильройсу, как вы обманули его доверие.

— Обманул?

— Конечно. Ведь вы помогали мне воровать джирр из парка. Он простит заблудшую душу грешника, но не простит юношу, который обязан ему, которому он верил. Выбирайте: или вы покажете мне окно кабинета, или завтра профессор все узнает.

— Вы хитрый дьявол, Вандок, — произнес я после молчания, обдумав положение. — Хорошо, я проведу вас к окну, но при условии, что вы никогда больше не появитесь на станции.

Вандок со вздохом согласился. Он взвалил мешок на плечи и пошел за мною. Я открыл боковую калитку, и мы вошли во двор. На змеиной станции все давно спали, только окно профессорского кабинета было освещено. Мильройс читал за столом, и мы видели его силуэт на шторе.

— Теперь уходите, — прошептал я.

Но, к моему ужасу, Вандок бросил мешок с джиррами на землю, быстро и бесшумно, словно пантера, вскарабкался на карниз, открыл окно и распахнул штору. Я вскрикнул, лишь только взглянул в окно.

В комнате никого не было. На письменном столе показывалось искусно сделанное соломенное чучело, тень от которого я принимал за силуэт Мильройса. Небольшая лампа с рефлектором освещала чучело сзади.

— Как вам это нравится? — засмеялся Вандок.

Но в то же мгновение раздался выстрел. Пуля ударила в раму. Вандок спрыгнул на землю и не успел сделать шага, как был сшиблен с ног Хо. Из бунгало прибежали китайцы с фонарями.

— В данной ситуации сопротивление бесполезно, — произнес Вандок, лежа на земле. — Прикажете, чтобы меня оставили в покое. Все это чистое недоразумение...

Передо мной стояла Лиз. Я никогда не думал, что она могла быть такой разгневанной. Она дрожала от бешенства, и ее слова обрушивались на меня, потрясающие и убедительные:

— Какой вы двуличный, Пингль! Мы давно догадались...

«Змеиный профессор» и его ассистентка действительно оказались хитрее самого Вандока.

— Мы переметили хвосты у джирр, которые покупались у туземцев. Ха-ха! Недурно вы придумали! Продать, украсть и опять продать... Все сейчас видели, как вы крались с этим вором по двору и разговаривали с ним... Вот и мешок!

— Простите, мисс Элизабет... — сказал я, но Лиз не дала мне говорить.

— Профессор давно убедился в вашей нечестной игре, Пингль. Он давно понял, что подставные туземцы продают ему джирр, у него же украденных, и что без вашей помощи вор не мог бы получить змей.

— Но выслушайте меня...

— Молчите, низкий человек! Профессор не мог перенести такой подлости со стороны человека, которого он спас от чумы. Ему было бы тяжело сейчас видеть ваш позор. Он предвидел, что мы все изобличим вас, и уехал вместе с доктором Рольсом...

Тщетно я пытался оправдаться.

— Разрешите сказать мне, уважаемая мисс Элизабет, — с достоинством произнес Вандок. Китайцы крепко держали вора. Руки его были связаны. — Напрасно вы обвиняете этого парня в преступлении, которого он не совершал и, насколько я могу понять, не имел оснований совершить. Я просто заблудился ночью, увидел огонек и пришел сюда. Кто-то окликнул меня из окна. Мне показалось, что по двору бегают собаки. Испугавшись, я вскочил на карниз. Но появился этот молодой человек, закричал и, кажется, выстрелил в меня... А потом эти люди... У меня больное сердце... Мне вредно волнение. Развяжите мне руки, чорт возьми, я совсем не собираюсь бежать...

— Вы говорите неправду! — бешено крикнула Лиз. — Кто вы такой, что бродите ночью по станции профессора Мильройса? Действительно, надо завести собак и всем нам вооружиться. Недоставало, чтобы мы не имели покоя даже в собственных усадьбах... А что у вас в мешке? Там джирры!

— Не трогайте мешка, миледи! Это моя собственность. Там нет ваших джирр. И не пытайтесь открыть мешок. Все равно не откроете. Замок с секретом. А если вы взрежете его, то я привлеку вас к ответственности за порчу моего имущества и предъявлю иск, если недосчитаюсь там пятидесяти двух золотых монет, принадлежащих мне...

Вандок произнес это веско и спокойно. Лиз приказала развязать ему руки.

— Теперь откройте ваш мешок сами.

— Нет, миледи, — поклонился Вандок. — Вы обвинили меня в преступлении. Я готов дать ответ на суде. Там я докажу мою невиновность... Где прикажете провести время до утра?

III

Наступило утро. Хо просунул голову в бунгало, где я дремал в гамаке.

— Вас обоих свезут в Рангун, — скороговоркой прошептал китаец. — Ли заправляет машину. Сейчас с деревенского поста придет полицейский. Он представит вас в суд. Подите попросите прощенья у мисс Элизабет. Вернется профессор — она заступится за вас. А тот вор не хочет расставаться со своим мешком...

— Я ни в чем не виноват, Хо, — коротко сказал я.

Через пять минут я постучал в дверь лаборатории. Лиз сидела за столом в окружении пробирок.

— Мисс Элизабет, — произнес я, — простите меня.

Она посмотрела на меня так, как будто я был сделан из бутылочного стекла. Ее взгляд не задержался на мне.

— Вы видите, я занята.

Она сурово смотрела на колбу, под которой лапчатым цветком распластался радужный венчик спиртовой горелки.

— Клянусь, я отберу сейчас у вора все украденное, — пробормотал я, обескураженный ледяным приемом.

Лиз не отвечала, занятая пробирками. Минут через пять она, не смотря на меня, произнесла:

— Вы еще здесь? Принесите ключи от парка и от клеток и дожидайтесь, когда за вами придет полицейский.

— Вы гоните меня?

— Профессор не захочет вас больше видеть. Он никогда не простит вас.

Лиз взглянула на меня внимательно, как бывало прежде на уроках в парке, но это было мгновением.

— И я не прощу вас, — с горечью сказала она.

— Я виноват, но не настолько, как вы думаете! — воскликнул я в отчаянии.

Стараясь говорить спокойно, я рассказал Лиз, как поймал Вандока и как пожалел его. Но Лиз холодно покачала головой.

— И все-таки я не прощу вас. Я видела раньше в вас человека нашего круга, понимаете? Поверьте, я не стала бы тратить времени на уроки, если бы вы были лишь бродягой, как этот... Вандок. А вы не ценили этого.

Глаза девушки сверкнули недобрым блеском.

— Прощайте, — пробормотал я и повернулся к двери, видя, что разговаривать бесполезно.

В последний раз прошел я по парку, остановившись на минуту у изгороди, за которой росли низкие гималайские кустарники.

«Прощайте и вы, красотки», подумал я, бросая печальный взгляд на пресмыкающихся, доставивших мне столько огорчений. А джирры равнодушно грелись на солнце.

Я отдал ключи от парка Ли и медленно поплелся к бунгалу. Отчаяние меня грызло. Я был подавлен стыдом и позором. Вся низость моего легкомысленного поведения предстала предо мною во всей своей обличающей правде. Слезы выступили у меня на глазах. О, если бы увидеть профессора, рассказать ему все и вымолить себе прощение!

Так сидел я в оцепенении, пока не пришел полисмен и не приказал мне собирать пожитки. Китайцы привели Вандока. Полисмен первый уселся в авто.

— Ну-ка, ребята, садитесь, — сказал он. — Да не вздумайте бежать по дороге. Буду стрелять.

Шофер завел мотор. Из лаборатории выбежала Лиз.

— Передайте это письмо судье, — сказала она полисмену, вручая ему толстый конверт.

На меня она даже не взглянула. Полисмен важно спрятав конверт за отворот рукава и крикнул:

— Ехать!

Вандок с невозмутимым видом приподнял над головой рваную шляпу:

— До свиданья, миледи. Передайте привет профессору.

Он сидел рядом со мной, крепко держа в руках мешок. Тут я мог рассмотреть Вандока. Ведь все это время я видел его только по ночам. Он ничуть не постарел с тех пор, как мы встретились в Белл-Харборе; пожалуй, выглядел даже лучше и уж во всяком случае не походил на голодающего.

— Вам везет, Пингль, — процедил он сквозь зубы. — Вы только свидетель. А я не виноват...

— Не смейте разговаривать! — прервал его полисмен.

— Я и не разговариваю, — усмехнулся Вандок. — Я только высказываю вслух мысль, что в толстых конвертах, направляемых судьям, могут содержаться очень веские доказательства... Впрочем, молчу, сержант.

Я тоже молчал и думал о словах Лиз. Если профессор уехал с доктором Рольсом, то зачем Лиз обманывала меня соломенным чучелом? Я ничего не понимал.

Авто не отличалось быстроходностью. На шоссе по направлению к городу навстречу нам попадались скрипучие повозки, запряженные лопоухими осликами. Смуглые, оливковые люди в широченных соломенных шляпах несли на коромыслах пустые корзины. Плоды своих трудов они оста-

вили на базарах Рангуна. На берегу реки, под тенью манговых деревьев наше авто останавливалось. Шофер наливал свежую воду в радиатор.

Бритый факир у края дороги учил своего помощника, рябого чернобрового парня, играть на флейте. Голые ребятишки сидели вокруг на корточках и внимательно смотрели, как ученик перебирал пальцами отверстия флейты. На плече у слепого нищего сидела голубая обезьянка и протягивала смешную лапку за подаванием.

Человек с зеленой повязкой на голове, прислонившись к стволу дерева, набивал желтым табаком длинную тонкую трубку и внимательно смотрел на меня и Вандока. Очень медленно он закурил трубку. Вандок взглянул на человека и почесал у себя за ухом.

— Не вешай носа, Пингль, — осторожно, чтобы не услышал полисмен, шепнул Вандок. — Я здорово проведу судью.

Человек в зеленой повязке отвязал гнедую тонконогую лошадь, вскочил на нее и тронул поводья. Лошадь взяла с места и запылила по шоссе к городу.

IV

На Востоке не любят долго держать людей в ожидании суда. Авто остановилось перед небольшим зданием. Мы высадились, а шофер повез посылки в торговую контору порта, обещав заехать обратно за полисменом. Итак, Вандок и я предстали пред судьей. Однако меня не обвиняли. Вандок оказался прав, словно знал содержание письма Лиз.

Судья, плохо выбритый и, очевидно, недостаточно выспавшийся, хмуро выслушал полисмена и обратил свой безразличный взгляд на Вандока.

— Кажется, я уже выслал вас в прошлом году? Или не вас? Но все равно. Бродяги всегда подозрительны, а те, которые, спасаясь от несуществующих собак, лезут ночью в чужие окна, доставляют правосудию одно беспокойство. Но вы обвиняетесь в краже змей. Очень хорошо. Если бы вы украли всех змей на свете, человечество было бы в крупном выигрыше. Ужасно противные существа...

— Змеи принадлежат профессору Мильройсу, — доложил полисмен.

— А, так, значит, змеи составляют частную собственность? Ну, это другое дело. Что это за змеи?

Полисмен разинул рот, желая ответить. Но Вандок словно дожидался этого вопроса. Не мешкая ни секунды,

Что тут произошло!..

он тут же опорожнил свой брезентовый мешок прямо на стол перед строгим судьей.

— Вот они, ваша милость... Первосортные джирры...

Что тут произошло, боже мой! Жаль, что со мной не было киноаппарата!

Джирры заинтересовались новой обстановкой и зашипели, радуясь дневному свету. От их ночного добродушия не осталось и следа. Они моментально поползли по столу, полезли в судейские папки, зарывались в бумаги, тыкались в чернильницу, две обвили вокруг подсвечников. Три ряда любопытствующих бездельников, сидевших на скамейках для публики, исчезли, как по волшебству, дав друг друга и воля:

— Джирры!

Судья подскочил в кресле и визгливо закричал:

— Полисмен! Бейте их по головам!

Полисмен понял приказание буквально, выхватил резиновую дубинку и бросился за публикой. Это был для него самый благоприятный предлог удрать от джирр.

— Осел! Не их!.. — взвыл судья, ловко выпрыгивая в окно.

За ним опрометью последовал плешистый секретарь, унося одну джирру, уцепившуюся за его краги. Если сказать правду, когда десятка три здоровенных толстых змей

начнут хозяйничать на вашем письменном столе, вы, я уверен, не задумаетесь и сейчас же прошибете лбом оконное стекло.

— Ну вот мы и одни, Пингль, — усмехнулся Вандок. — Торопитесь, пока судья не пришел в себя после испуга.

— А вы нахал, Вандок, — заметил я. — Уговорились на десятке, а вы украли чуть не полсотни...

— Простите великодушно, — ответил Вандок, и голос его приобрел оттенок иронии. — Ведь я посетил парк действительно в последний раз. Но сейчас не время для пререканий. Смело выходите из здания, поворачивайте направо, встретите человека на гнедой лошади, скажите ему: «Бычий Глаз»¹, и он убережет вас от лишних неприятностей.

— Не хочу я ваших услуг! — почти крикнул я.

Да, я был зол, и, вероятно, щеки мои от злости раздувались, как у взбесившейся кобры.

— А мне жаль расставаться с вами, — сказал Вандок.

Я повернулся к нему спиной и ушел из опустевшего суда, не думая о будущем и не желая вспоминать прошлое.

Всадник с зеленой повязкой на голове верхом на гнедой лошади словно дожидался меня в сотне шагов от суда.

Я прошел было мимо него, но вдруг меня охватило любопытство, и, обернувшись, я сказал:

— Бычий Глаз.

— Садись ко мне, — услышал я в ответ.

Я уцепился позади всадника, тот дал шпоры. Лошадь помчалась.

— Мальчику вреден здешний климат, — говорил через час Бычий Глаз в портовом трактире сидевшему там за бутылкой виски толстому коренастому шкиперу. Я доедал похлебку, усталый от переживаний.

— Слышишь, что про тебя говорят? — пробасил шкипер. — Да, солнце здесь злое...

— Я был бы вам очень благодарен, капитан...

— Э, да ты совсем сухопутная крыса, если до сих пор не научился отличать нашивок шкипера от капитанских! А я-то думал взять тебя к себе на «Литанию» — пошляться по океану. Ну, перекину тебя до Гоиконга, а там пробирайся дальше.

Я заикнулся о Вандоке, но оба собеседника сделали вид, будто совсем не поняли меня.

---

¹ «Бычий Глаз» — на языке карточных игроков означает туз бубен.

Ночью на шлюпке меня подвезли к какому-то грузовому океанскому пароходу. Толстый шкипер крикнул мне с палубы:

— Ползи, мальчик! Нашему коку требуется парень чистить коренья.

Шестая тетрадь

I

На пути я успел выучиться кухонной работе и, приехав в Гонконг, с помощью добродушного кока устроился лакеем на «Гриверзе» — пароходе, делавшем срочные рейсы в Сан-Франциско. Но мне опять не повезло. По несчастной случайности, на третьи сутки плавания, подавая за обедом в ресторане жаркое, я ухитрился налить горячего соуса за жилет какому-то аргентинскому министру. Этого не случилось бы, если б накануне в трюме я не наслушался страшных рассказов о плавающих минах. Как раз в момент подачи жаркого мне показалось, что «Гриверз» наскочил на мину. Но оказалось, что просто ресторанный джаз ударил «Каирский марш».

В наказание меня перевели из ресторанного зала на кухню регулировать вентиль подачи кипятка в баки судомоек. А когда на горизонте показались берега Калифорнии, помощник шефа, вздохнув, очень миролюбиво заметил мне:

— Расстанемся, Сэм!

И мы расстались.

Фриско¹ встретил меня дружелюбно. Я не имел актерских талантов, и пробираться отсюда в столицу кино Голливуд для меня не было смысла. Однако пловучий консервный завод охотно приютил меня. «Буксус» — так называлось огромное судно-завод — выезжал в океан недели на две и там охотился за тюной — очень вкусной рыбой, несравнимой ни с форелью, ни с лососем. Меня приставили к одному из шести колоссальных баков, доверху наполненных живыми сардинками. Выбрасывая из баков за борт потоки сардинок, «Буксус» ими подманивал к себе стада тюн, и, когда эта дичь начинала резвиться вокруг судна, начиналась ловля. Тюну невозможно поймать никакой сетью. Она идет только на сардинку. Поэтому с бортов

---

¹ Фриско — сокращенное название Сан-Франциско.

«Буксуса» к самой воде спускались узкие сходни, и на них располагались опытные удильщики. Одна удочка на двоих, а третий — с сачком для подхвата тюны. Рыба жадно хватала сардинку, насаженную на крючок. Удильщики вытягивали добычу вверх, бросали в большие бочки, а оттуда тюна сейчас же шла на разделку. Менее чем через час мясо пойманной тюны было уже сдобрено специями и опускалось в ледник запаянным в консервные банки. Я у бака с сардинками переставал бросать приманку и сверху смотрел, как быстро управлялись удильщики, моментально снимая тюну, насаживая сардинку, забрасывая удочку в воду, сейчас же вытаскивая ее обратно и снимая прожорливую тюну.

Удильщики получали плату сдельно. Работа была утомительной и опасной. Иногда появлялись акулы, сами пожирали сардины и распугивали тюну. Тогда с «Буксуса» в них стреляли, судно меняло место стоянки, и охота начиналась снова. Раздавался крик:

— Эй, у баков! Сардину за левый борт!

Но акулы, страшные хищники водных пространств, океанские тигры, часто не переставали преследовать «Буксус», осторожно, не показываясь на поверхности. Тогда ловля становилась еще опаснее: акула могла отхватить ступню удильщику, если он зазеваается и сходни при волне зачерпнут воду.

Однажды мы увидели огромную акулу. Она качалась на спокойной поверхности океана, будто мертвая. Молодой, но бывалый матрос Тильбой уверял, что она живая, что будто бы акулы умеют гипнотизировать сами себя и их носит по океану в штиль целый день. Только вечерняя прохлада приводит их в себя, и тогда они становятся особенно злобными и прожорливыми.

По ночам мне снилась ловля, и я часто просыпался. Мне казалось, что Тильбой кричит у меня над ухом:

— Эй, у баков! За правый борт!..

Если я находился на работе у левого борта, то по этому сигналу надо было быстро перебежать через пасть бака по узкой скользкой доске и черпаками выбрасывать сардинки в океан.

Я не любил этих перебежек. Тильбой всех пугал рассказом об одном поваренке, который в прошлый рейс исчез неизвестно куда. Думали, что он свалился за борт. И только на обратном пути в порт, когда бак с сардинами вычерпали до дна, нашли там утонувшего поваренка. Вероятно, баловался, бегая по доске, и свалился.

С «Буксусом» я свылся, весь провонял сардинками, вы-

учился болтаться в шторм, не ощущая приступов морской болезни, и в волну при качке бегал по палубе, не держась за поручни.

С четвертой ловли «Буксус» возвращался, отягощенный туюной. Мы держали обратный курс на Тодос-Сантос, расположенный как раз под тропиком Рака. Владельцы пловучего завода, получив с «Буксуса» радостную радиogramму об удачной ловле, вероятно, уже подсчитывали барыши в своих конторах. В тени порожних баков на палубе матросы «Буксуса» резались в карты и в кости. Мне, кажется, впервые повезло. Я играл с Тильбоем в кости и пять раз подряд выбросил по две шестерки. В азарте Тильбой удваивал ставки, но они неизменно попадали мне в карман. Взбешенный Тильбой взял кости у другого матроса, но от этого счастье не повернулось носом к Тильбою. Он проиграл мне свою прекрасную куртку и под общий смех надел на себя мою старую и дырявую. Сердце мое дрожало от ощущения победы, но я старался быть холодным, как лед.

— Будем бросать кости до самого Фриско! — зарычал Тильбой. — Я отыграюсь, хотя бы пришлось прозакладывать душу дьяволу...

Тут же он поставил на кон пестрый бисерный кошелек и проиграл его мне.

— Я хочу знать, как ты плутуешь, Сэм! — рычал неудачливый игрок, и лицо его наливалось кровью.

— Он играет честно, — вступились за меня матросы, стоявшие кругом и наблюдавшие за поединком.

Вахтенный смотрел в бинокль. «Буксус» дал короткий гудок.

— Вот и мыс Святого Луки, — сказал кто-то.

Все повернули головы к правому борту. Мы шли мимо южной оконечности Калифорнии.

— Ну, твоя очередь, Сэм, — сказал Тильбой, передавая мне рожок с игральными костями. Я протянул руку...

И в тот же момент палуба «Буксуса» встала дыбом, на меня полетела доска с бака, но концом с размаху ударила Тильбоя в лицо. Кто-то с разинутым ртом и выпученными глазами перелетел через меня. Я зачем-то схватил рожок и прыгнул с ним в воду.

— Напоролись на мину! — услышал я отчаянный вопль.

«Буксус» с развороченным носом, высоко подняв корму, под которой продолжали бешено крутиться винты, быстро погружался в воду. С кормы и левого борта в океан бросались люди. Кто-то догадался спустить несколько шлюпок

В тот же момент палуба стала дыбом.

и бросить дюжину спасательных кругов. Я отплыл дальше, чтобы не попасть в водоворот над погружавшимся «Буксусом». Когда вода проникла в котлы, раздался страшный взрыв, и судно, окутанное клубами пара и дыма, переломилось пополам. На волнах плавали люди, табуретки, доски, обломки такелажа. Около шлюпок шла борьба. Люди дрались за место на шлюпке. Многие при этом, обессилев, тонули. Я отплыл, лег на воду и обдумал положение: если мной не полакомится акула, то я, экономя силы, смогу добраться до берега... И я поплыл на запад.

Прилив подтянул меня к берегу и выбросил на поросший мелкими кактусами песок в десяти милях от Санто-Хосе, близ входа в Калифорнийский залив.

Рыбаки, нашедшие меня здесь, дали мне возможность выспаться, закутавшись в парус, разделили со мной свою скромную еду и отказались принять монету в уплату за гостеприимство. Они говорили по-испански, и я понял только поразившее меня слово «Мацатлан».

Наконец я сообразил, что на противоположном берегу залива расположен мексиканский город Мацатлан. Пришлось мне поругать себя за плохое знание географии. Мацатлан-то оказывался в Мексике, а не в Австралии. И тут я вспомнил о Рольсе. Ведь он живет в Мацатлане. Может быть, сейчас там еще находится и дядя его, профессор

Мильройс... О, мне обязательно надо лично все, все рассказать профессору!

Много передумал я, смотря на смутные очертания Мацатлана, рисовавшиеся вдали.

А что, если я там встречу и Вандока? Он хотел отправиться к Рольсу... Вандок ведь тоже неплохой человек. Он взял всю вину на себя и устроил мой отъезд из Рангуна так, что он не стоил мне ни пайсы. И в то же время он обязан мне, так как я ведь помогал ему таскать джирр из парка.

Выходило так, что в Мацатлане должны находиться люди, которые могли помочь мне. По правде говоря, я почему-то больше всего рассчитывал на Вандока. Этот бродяга придумал бы, как помочь мне, вернее, чем консервная фирма, которая еще, чего доброго, начнет обвинять команду «Буксуса» в том, что судно напоролось на мину из-за ротодействия людей.

На борту шхуны «Ревилья» судьба в лице рыбака Квартаро и его трех сыновей перебросила меня в Мацатлан.

II

Мексиканское солнце злее рангунского. Оно самое жаркое из всех тропических солнц. Оно так накалило скалистые отроги Сиерры-Мадре, что с гор тянуло на Мацатлан жаром, будто из вентиляторов машинного отделения на «Буксусе», увеличенном в сто раз.

Каменные белые домики в зарослях пальм, бананов и апельсиновых деревьев красиво взбегали от бухты живописными ступеньками. Мне предстояла задача разыскать доктора Рольса. По-испански я не знал ни слова. Можно было бы заговорить по-латыни с кем-нибудь из католических патеров, важно двигавшихся по набережной в черных сутанах и широкополых шляпах, но это вызвало бы излишнее любопытство прохожих. Я не рискнул обратиться и к босоногим полицейским, мирно дремавшим на перекрестках в тени пальм.

В киоске я выпил воды, взял сигару, вынул бисерный кошелек и дал черноглазой мексиканке одну из золотых монет, которые выиграл у Тильбоя.

Продавщица, улыбаясь, заговорила. По ее жестам я понял, что у нее нет сдачи, и махнул рукой, сказав:

— Я еще зайду к вам, синьорита. Тогда рассчитаемся...

На окраине Мацатлана мне очень понравился один двухэтажный дом. Он эффектно выделялся на фоне цветущего

сада. Я остановился перед узорчатой железной калиткой и любовался пышными розами. Жалюзи на окнах были припущены. Вдруг одна из них на втором этаже приподнялась. Мужская рука распахнула окно, и знакомый голос Вандока приветливо окликнул меня:

— Кого я вижу! Это вы, дорогой Пингль?

Разумеется, я радостно ответил:

— Ну конечно я. А это вы, Вандок?

— Я. Входите скорей, поверните ручку в калитке. Смелей, здесь собак нет...

Вандок явно намекал на историю у окна профессора, и я смело вошел в сад. Из окна слышался голос Вандока:

— Принимаю холодный душ, Пингль. В этом проклятом городишке адская жара. Мой хозяин уехал по делам и вернется дня через два. Мы отлично проведем время. Входите пока в дом, налево моя комната. Садитесь там, располагайтесь, как у себя. Я сейчас буду готов и спущусь вниз, а вы тоже примете душ.

Я так и сделал. Нашел комнату Вандока и удобно расположился в плетеной качалке. В доме было так тихо и прохладно, что я невольно задремал.

Кто-то осторожно открыл позади меня дверь в комнату.

— Как я рад вас видеть... — начал было я, но, обернувшись, увидал не Вандока.

Полицейский поднес к моему носу дуло револьвера.

— Да, ты давно не видал нас и не нюхал этого тюльпана.

От неожиданности я откинулся на спинку качалки, и ноги мои поднялись вверх. Полицейский выстрелил. Пуля попала во что-то стеклянное. Осколки полетели во все стороны. Люди в полуштатской форме схватили меня сзади за руки и спереди за горло.

— Кандалы на этого бандита! — скомандовал старший полицейский. Щелкнули наручники, и меня бросили на пол.

Терять мне было нечего, кроме жизни, и я крикнул:

— Что вы делаете, чорт вас возьми? У вас здесь всех туристов встречают таким образом?

Толчок под нижнюю челюсть прервал начало моих дипломатических переговоров. Кончиком языка я успел нащупать, что один из моих зубов начал шататься. Полицейские встряхнули меня и поставили посреди комнаты. Старший чин важно уселся в качалку.

— Как ты очутился здесь, Карнеро? — очень мирным голосом спросил старший, и в то же мгновение выстрел над моим левым ухом заставил меня поднять глаза к потолку.

— Если я оглохну, то не буду в состоянии слышать ваши вопросы, джентльмены, — резонно заметил я, готовясь к тому, что сейчас начнут палить над моим правым ухом.

— Отвечай, бандит, как ты очутился здесь? — опять прозвучал мирный голос. И я не ошибся: выстрел треснул справа.

Бешенство поднималось во мне, как ртуть в градуснике, выставленном на солнцепек.

— Стреляйте до ста раз, чорт бы вас укусил! — выругался я любимой поговоркой Тильбоя. — Мне нравится ваша манера знакомиться. Отведите меня к консулу...

Полицейские захохотали.

— Вот притворщик!..

Старший встал против меня и сказал:

— Ну слушай. Я, начальник полиции Педро Мураньес дель-Аронзо, обвиняю тебя, бандита Карнеро, ты же и Диг Альварец, ты же и Ник Тильбой, обвиняю в бесчисленных злодействах, грабежах и убийствах, из которых последнее — убийство доктора Томаса Рольса, в доме которого ты сейчас задержан. Обыщите его!

Если бы меня попеременно опускали в кипяток и в ледяную воду, это произвело бы на меня меньшее впечатление, чем известие об убийстве Рольса.

— Но я не знаю никакого Карнеро... Я Сэм Пингль, — забормотал я, путаясь в словах от неожиданности. — Да, я знал Тильбоя...

— Замолчи, негодяй, или я прикажу бить тебя, — тихо сказал старший. — На тебе одежда Карнеро. Вот его бисерный кошелек, известный всем сыщикам от Эль-Пазо до Достерро. И ты еще смеешь отрицать, что ты есть ты?

— Боже мой! Неужели Рольс, племянник профессора Мильройса, убит? — прошептал я, окончательно каменея от ужаса.

— Ты сам все увидишь, убийца, — услышал я. И меня повели.

III

Комната Рольса, где, повидимому, произошло убийство, произвела на меня потрясающее впечатление. Пол был облит кровью, ею же забрызганы стены. Страшная борьба происходила между Рольсом и убийцей. Стулья, этажерки с посудой, столик с книгами — все было перевернуто, опрокинуто, растоптано. Графин с водой валялся на полу, пробка выскочила, и вода вытекла ровно наполовину.

В луже лежали бронзовые часы-будильник с разбитым стеклом. На подоконнике я увидел окровавленный молоток и тоненькую узкую бритву.

— Я расскажу тебе, как ты тут хозяйничал, — мрачно сказал мне дель-Аронзо, — и тебе нужно только согласиться, что я прав. Доктор сидел и читал перед столиком. Ты подкрался сзади и ударил его молотком, но не рассчитал, что сеньор Рольс сильнее тебя. Он схватил тебя. Ты его ударил еще раз, но он вырвался, побежал, а ты за ним, нанося удары. Вот эта бритва закончила остальное...

— Покажите мне бедного доктора Рольса, — отозвался я.

— Ах, какой хитрый! — скрипнул зубами дель-Аронзо. — Но ведь это твоя манера — топить жертвы после убийства, хоронить концы в воду. Пойдем. Ведите негодяя!

Мы спустились по задней узкой лестнице, где на ступеньках были видны капли крови.

— Вот здесь ты тащил труп сеньора, — произнес дель-Аронзо, толкая меня вниз и не давая опомниться. — На пороге ты отдохнул от трудной работы и...

Дель-Аронзо распахнул дверь в чудесный тропический сад. Деревья цвели и благоухали. Страшно было подумать, что в этом земном раю могло совершиться преступление.

На дорожке, посыпанной морским песком и мелкими раковинами, ясные следы показывали, как убийца тащил труп Рольса.

— Ага! — воскликнул радостно дель-Аронзо, наклоняясь и поднимая с дорожки белую перламутровую пуговицу. — Вот и еще лишнее доказательство, почему мы на лестнице видим слабые следы крови, а здесь совсем не видим. Ты обескровил труп в комнате, завернул его в докторский халат, может быть в два-три, и поволок здесь по дорожкам.

Это было чудовищно и не имело ни малейшего отношения ко мне. Первое впечатление кошмара смягчилось, и я начал обретать известное спокойствие. Я спросил:

— Сеньор начальник полиции, куда же направлялся убийца?

— Не спеши, Карнеро, — добродушно отозвался дель-Аронзо.

Тропинка вела в сторону от дорожки к крутому обрыву. Внизу тихо плескались волны.

— Здесь девяносто футов глубины, и молодые акулы любят это местечко, — задумчиво сказал мне дель-Аронзо. — Склони голову перед местом вечного упокоения твоей

жертвы и отправляйся в тюрьму. Там у тебя будет немного времени помолиться о спасении твоей преступной души.

— Одну минуту, сеньор, — серьезно сказал я. — Это же недоразумение, ошибка. Я — Сэмюэль Пингль, баковщик с «Буксуса», третьего дня потерпевшего крушение у мыса Луки.

— Очень интересно, — иронически улыбнулся дель-Аронзо. — Дальше.

— Я очутился здесь, чтобы разыскать слугу доктора Рольса — моего знакомого Вандока.

— А тебя не интересовал сам сеньор Рольс? — спросил дель-Аронзо.

— Да, интересовал.

— Слава богу, хоть раз ты сказал правду. Ангелы отпустят тебе за это одну сотую твоих грехов. Но остальных девяноста девяти сотых хватит, чтобы ты мучился в аду до светопреставления. И что ты мне болтаешь о слуге сеньора? Ведь ты сам и служил у сеньора доктора... А как ты назывался, мне все равно...

— Но тогда как же?... — воскликнул я и замолчал. Бесполезно было сейчас рассказывать полицейскому всю цепь событий, приведших меня к месту трагического убийства доктора Рольса. — Отправляйте меня в тюрьму, сеньор, — наконец вымолвил я, — и немедленно же сообщите консулу. Я должен его видеть.

— Придется сообщить консулу, — согласился дель-Аронзо. — Что касается моего мнения, то я бы повесил тебя сейчас же на длинной веревке, спустив с этого обрыва. Но это была бы самая легкая кара за все твои преступления. Марш! Ведите арестанта!

Полицейские, окружив меня, щелкнули револьверами, и мы тронулись в тюрьму.

IV

В сырой каменной крысиной норе, куда меня втолкнули, я провел два дня. Кормили меня похлебкой, в которой плавали бобы и остатки странной дичи, имевшей при жизни одновременно и чешую и перья. Тут же на соломе лежали старики, отчаянно ругавшиеся из-за каждого пустяка. Они мне мешали сосредоточиться. Я прикрикнул на них довольно сердито. К моему удивлению, они неожиданно замолчали.

На третий день меня привели к дель-Аронзо. Он сидел в кабинете, щедро залитом мексиканским солнцем. У окна

стоял высокий человек, кутивший трубку. Было так светло, что я зажмурил глаза.

— Вот, сеньор Робинсон, — услышал я голос дель-Аронзо, — перед вами знаменитый Карнеро, происхождения которого гремят от мыса Горн до Аляски. Сейчас он притворяется, что ни слова не понимает по-испански.

— Я понимаю по-китайски и по-индусски, — заметил я, открывая глаза. Обратившись к высокому человеку, я поклонился: — Господин консул?

— Да, это я, — сухо ответил мистер Робинсон. — Может быть, вы коротко расскажете, как было дело? Садитесь и говорите спокойно...

— Благодарю вас, — еще раз поклонился я, усаживаясь на соломенный стул.

Начал я свой рассказ с приезда в Калькутту из Африки, описал змеиный парк, чуму в Набухатре, суд и запнулся, дойдя до Бычьего Глаза.

— Договаривай, Карнеро, — мягко произнес дель-Аронзо.

Я молчал. Мистер Робинсон внимательно рассматривал меня.

— Продолжайте... А что вы делали в Африке?

Но дель-Аронзо задумчиво пососал окурочек сигары и ответил за меня:

— Он не заставит вас долго ждать и расскажет такую историю, что вы будете готовы снять с него наручники. Но, сеньор Робинсон, не верьте ему ни на маковое зерно. Он умеет гипнотизировать и пять раз уже убегал из одиночек под тройным караулом накануне последнего расчета с жизнью.

— Тем интереснее беседа с таким оригинальным парнем, — заметил Робинсон и обратился ко мне: — Вас обвиняют в убийстве американского гражданина доктора Томаса Рольса, к которому вы нанялись слугой под одним из вымышленных ваших имен. Вас застали на месте преступления...

— И этого вполне достаточно, сеньор Робинсон! — вскричал в раздражении дель-Аронзо. — Оставьте его нам, и он получит по заслугам.

— Нет, дорогой Аронзо, — спокойно ответил Робинсон. — Высшая справедливость требует, чтобы он получил воздаяние по законам нашей страны...

Я счел возможным вмешаться в разговор:

— Мистер Робинсон, ничего лучшего в теперешнем положении не желал бы я, как только попасть в руки цивили-

лизованных властей свободного государства. В колледже я усвоил основы юриспруденции и надеюсь, что беспристрастный суд оправдает меня.

Но ни Робинсон, ни дель-Аронзо не слушали меня. Они толковали теперь между собою о тонкостях процедуры передачи меня в руки правосудия Штатов.

Телеграмма из Мексико с согласием на выдачу преступника была уже получена, гидроплан должен был прилететь из Калифорнии через три часа и увести меня из Мататлана.

Не стану описывать воздушного путешествия, такого печального для меня, и первых дней пребывания в тюрьме, построенной по всем требованиям криминальной науки и архитектурной техники. Понемногу я освоился с положением человека, на полосатой куртке которого была вышита большая цифра «1011». Это был арестантский номер, заменивший теперь имя, данное мне родителями в Эшуорфе.

Несколько раз я подвергался допросу. Следователь мистер Грег больше слушал мои рассказы, а крохотный курчавый стенографист в пенсне терпеливо записывал их.

— Теперь подведем итоги, — наконец сказал мне однажды следователь чрезвычайно оживленно, когда я вошел к нему в кабинет. В прошлый раз я закончил свою эпопею на том моменте, как дель-Аронзо поднес к моему носу дуло револьвера.

— С удовольствием, мистер Грег, — согласился я, удивленно смотря на несколько толстых томов под общим заглавием «Дело Карнеро». Тома лежали перед Грегом, и он усиленно перелистывал их.

— Итак, вы утверждаете, что вы Сэмюэль Пингль из Эшуорфа, — сказал следователь, сладко пожевывая. — Позвольте мне не столь утверждать обратное, сколько отрицать все ваши арабские сказки. Пользуясь неограниченными возможностями нашего правосудия, я проследил судьбу некоего Пингля, служившего на плантациях мистера Поллока в Пенджабе. Потом этот Пингль судился в Рангуне за кражу тридцати удавов из королевского зоопарка...

— Ничего подобного! — закричал я. — Не удавы, а джирры! И не я, а Вандок!

— Не прерывайте мистера Грега, — предупредил меня курчавый стенографист. — Он не любит, когда его прерывают. А то вам будет хуже.

Мистер Грег, зевнув, поднял глаза к потолку и продолжал:

— Этот же самый Пингль покушался с преступной целью ошпарить аргентинского министра в ресторане океанского парохода. Он скрывался от властей в Гонконге. Вам было известно кое-что из похождения этого бродяги Пингля, и вы рассказывали мне все эти эпизоды, но в сильно смягченном тоне...

Мне оставалось только горько улыбнуться.

— Не смейтесь, — опять заметил мне курчавый стенографист. — Мистер Грег не любит, когда смеются. А то будет хуже.

— Но что может быть хуже? — прохрипел я.

Грег был невозмутим. Он поднял глаза и будто читал написанное на потолке и видимое только ему.

— И тело Сэмюэля Пингля, — медленно, с расстановкой произнес он, — было найдено около маяка Луки с раздробленной головой, выброшенное прибоем в ночь на одиннадцатое апреля...

— Да вы смеетесь надо мной? — вскочил я со стула.

Глаза Грега спустились с потолка и уставились на меня.

— Следователь Грег, милый мой, раскрыл триста восемь убийств, двести ограблений, выследил пять тысяч мошенников, и когда он подводит итоги... — тут Грег потряс одним из томов и добавил нежным голосом: — он не смеется. Он плачет от сознания, сколь низко может пасть душа человека. Он на все имеет доказательства... Вот! — И с этими словами Грег протянул мне квадратный кусок бумаги: — Вот... Это было найдено во внутреннем кармане куртки того, кого выбросили океанские волны.

Дижанский диплом! Это был мой дижанский диплом, попорченный морской водой, но тщательно реставрированный в лаборатории уголовного розыска. Золото исчезло с гривы льва, по морде его протянулись морщины, придавая ему добродушный вид старого пьяницы.

Мне оставалось только хлопнуть себя по лбу. Ведь когда я менялся курткой с этим парнишкой Тильбоем, я совсем забыл в азарте игры, что мой диплом был во внутреннем кармане.

Волнуясь, я начал рассказывать, как мы с Тильбоем играли на «Буксусе» в кости. Грег махнул рукой.

— Оставьте вы, называющий себя Пинглем. Слушайте мои выводы. Вы служили у доктора Рольса. Вы убили его, связали ценное имущество в узлы и приготовились бежать. Но ваши сообщники, которые должны были прибыть, чтобы помочь вам увезти награбленное, опоздали. Дель-Аронзо это стало известно раньше, чем прибыли члены вашей

шайки. Вы волновались, вы вышли из дома навстречу ожидаемым сообщникам. Вас видели на набережной. Вот показания досточтимого падре Игнациуса Велорозе, знающего вас еще по Венецуэле, где он давал вам отпущение грехов накануне вашей казни... Вот показания продавщицы фруктовых вод Мерседес Глисаниа, которой вы с присущей вам щедростью подарили пятьдесят пезо... Она видела ваш кошелек. Вот показания полицейского Хуана Лорес, который издали следил за вами...

— Ах, мистер Грег, ваша логика потрясает меня, — серьезно ответил я. — Знаете, я совсем не подозревал, например, что знаком с падре Игнациусом. Что же вы хотите сделать в конце концов?

— Мы дойдем и до конца, — важно заметил Грег. — Нас интересует только ваше последнее преступление. Мы раскрыли все. Кто убит — известно. Где убит — известно. Посредством чего, как, почему, когда — известно. И вот вы предаетесь суду. Вас не повесят, как в Мексике, а посадят на электрический стул. И тут уж вам не выйти сухим из воды. Ну? Молчите? Понимаю. Все волнуются, когда я им намекаю на мистера Бибра, управляющего электроприборами в Синг-Синге. Нате, покурите...

Очень любезно Грег протянул мне пачку сигарет. Я закурил и задумался.

Итак, я, несмотря на всю свою искренность, не мог убедить никого, что я Пингль, а не какой-то бандит Карнеро. Диплом найден в кармане моей куртки при осмотре трупа Тильбоя. Следовательно, круг замкнулся. Все, что я могу сказать в свое оправдание, кажется невероятным этому следователю, который сейчас молча курит с самым добродушным видом, а на мои слова или пожимает плечами, или иронически улыбается. У меня нет ни цента, чтобы нанять адвоката, который бы собрал тоже несколько громадных томов документов, удостоверяющих, что я Пингль. Ведь справки надо собирать начиная с Эшуорфа и Дижана, разыскать и кочегара с «Зеленого кота».

Хитрое лицо и вкрадчивый голос Вандока в тот момент представились мне очень ясно. Я еще помнил, что чувствовал, когда держал его за горло в змеином парке.

Мои пальцы цепко сжались в кулаки, и я еще медленнее цедил слова, в упор смотря в выпуклые бесцветные глазки Грега:

— Предавайте меня суду, я буду защищаться сам.

Глазки Грега почти молитвенно вознеслись под потолок.

— Защищайтесь, но вам не удастся выпрыгнуть, мой друг.

Я палил воды из графина и выпил целый стакан. Спокойствие пришло сразу, так же как и внезапное озарение.

Будто блестящая раскаленная молния, вдруг прорезала мою голову мысль, настолько простая, что я удивился, как она не явилась мне раньше.

Седьмая тетрадь

I

Суда я дожидался месяца полтора. Особенное тюремное отупение во мне вызывала обязательная работа арестантов. Мы переплетали молитвенники. С тех пор тисненое золотом изображение ангела с пальмовой ветвью и надпись «Осанна в вышних» вызывают у меня буйный приступ бешенства.

Раз на прогулке кто-то из арестантов сунул мне в руку записку:

«Карнеро. Если понадобится моя помощь, готов к услугам. Бигден».

Я терзал записку в потной ладони до тех пор, пока бумага не превратилась в труху, и ничего на нее не ответил.

По ночам я плохо спал. Мысли неотступно мучили меня. Против меня выступал самый страшный враг, какого только знает человек, — предубеждение. Его можно поразить лишь ударом, столь же неожиданным, сколь и острым. На приступ надо идти только с полной уверенностью в победе.

Накануне суда тюремный надзиратель Джигс, бритый гигант с мясистыми оттопыренными ушами, милостиво разрешил мне после обеда поваляться на койке, что я и сделал, задрав ноги выше головы.

— Завтра тебе придется пошевелить мозгами, парень, — сочувственно посмотрел на меня Джигс. — Сдается мне, что ты попал, как заяц в капкан, поставленный на волка. Да и вид у тебя не такой, чтобы ты мог искрошить на своем веку дюжины две людей. Не вздумай завтра бежать, когда тебя будут высаживать из тюремного авто. Я знаю, недавно на дворе один из девятой камеры передал тебе записку от Бигдена и ты ничего на нее не ответил.

— Если вы можете, то скажите, дорогой Джигс, неиз-

вестному мне Бигдену, чтобы он оставил меня в покое. Пусть все оставят меня в покое.

Я задрал ноги еще выше и притворился спящим.

Джигс вышел, а я использовал последние часы, чтобы повторить в уме все те слова, которые я завтра скажу на суде.

Когда меня вводили в зал суда, я ожидал увидеть что-нибудь грандиозное и потрясающее. Но все было по-будничному деловито в этой большой комнате, где собралось не больше сотни людей, считая и публику, интересующихся, под каким соусом изжарят меня на электрическом стуле.

Мне очень понравился судья, похожий на нашего эшурфского Иеремию, плотный, розовый, но несколько вялый, как будто он только что сытно позавтракал. Лица присяжных, сидевших на стульях против меня, слились в одно пятно, и я не могу сейчас припомнить ни одного из них. Прокурор казался крошечным, когда сидел за своим столом, склонившись над знакомыми мне томами «Дела Карнеро». Но когда он выпрямился, чтобы встать и сказать судье: «О да», то оказалось, что это чрезвычайно длинный и худой джентльмен и что у него в манжетах золотые запонки.

Я готовился к самому худшему: что на меня взвалят все преступления проклятого Карнеро и какой-нибудь падре Игнациус действительно признает меня за южно-американского бандита, не говоря уже о прелестной Мерседес, получившей от меня пятьдесят пезо.

Но судья и присяжные не были склонны углубляться в историю преступлений Карнеро. Их интересовало убийство доктора Рольса. Поэтому только описание всего, что было обнаружено дель-Аронзо в доме Рольса, вызвало некоторое оживление и у присяжных и среди публики.

Председатель лениво позвонил в ручи́й колокольчик и, слегка топорща губы, произнес:

— Тише в ложе печати!

В углу, за небольшой загородкой, сидели двое с блокнотами в руках. Это и была ложа печати. Один журналист делал в блокноте пометки, а второй с наслаждением жевал резину и скрипел стулом на весь зал.

Меня не интересовал Карнеро. Я занялся чисткой ногтей, выражая этим полнейшее равнодушие к секретарю суда, который быстро читал обвинительный акт.

— Подсудимый, вы, кажется, оглохли? — раздался наконец голос судьи.

— Нет, господин судья, — ответил я вставая.

— Признаете себя виновным?

— Простите, господин судья, — произнес я с максимальной вежливостью и достоинством. — Раньше чем ответить на ваш вопрос, прошу суд занести в протокол следующее мое заявление. Меня зовут Сэмюэль Пингль, родом я из Эшуорфа. Никогда я не был знаком с покойным доктором Рольсом, никогда не служил у него. Никаких преступлений в жизни не совершал...

— Отвечайте прямо на мой вопрос, — жестко сказал судья.

— Простите, господин судья, я обещал вам ответить после окончания моего заявления, — точно таким же жестким тоном отпарировал я. — Все обвинение основано лишь на том, что меня принимают за другого. Это ошибка мистера Грега, который в ходе следствия трудился над собиранием документов, уличающих какого-то бандита, но не меня, Сэмюэля Пингля, отлично известного вашему городу...

— То есть как это «известного»? — поморщился судья. — Вы хотите доказать, что вы Пингль? Пингль, труп которого был выброшен на берег?

Но недаром меня учили в Дижане начаткам юридических наук. О, милые учителя мои мистер Ауэр и мистер Слоули! Только теперь я понял, что надо учиться всему и что нет на свете наук, которые когда-нибудь не пригодятся.

— Да, господин судья и господа присяжные! — громко произнес я, выпрямляясь и эффектно поднимая руку; этим жестом обычно в колледже мистер Слоули сопровождал цитаты из речей Цицерона. — Я торжественно заявляю, что я именно тот Сэмюэль Пингль, который дебютировал в здешнем «Колоссэуме» в роли...

Тут последовала пауза, которую рекомендовал в колледже делать мистер Ауэр «перед всяким словесным ударом». Я видел разинутые рты, иронические полуусмешки и прищуренные глаза окружающих. Надо было не передерживать паузу и ударять.

— ...в роли «Человека легче воздуха»!

На местах для публики все всколыхнулось. Стул под журналистом оглушительно треснул. Судья неистово потрясал колокольчиком.

— Объявляю перерыв! — наконец выкрикнул он, стараясь быть услышанным.

Суд удалился на совещание. К скамье, на которой я

сидел, приблизился благообразный джентльмен и произнес:

— Судья разрешил мне переговорить с вами. Вы слишком молоды, чтобы спихнуть с себя такой ворох обвинений. Если вы хотите жить, то я помогу вам. Я юрист Годвин и буду защищать вас бесплатно. Подпишите доверенность.

По тому почтению, с которым смотрели на мистера Годвина окружающие, я понял, что мне не стоит отказываться, и подписал клочок бумаги. Годвин ушел.

Он вернулся через пять минут и уселся впереди меня за стол, как раз напротив прокурора. По бокам его сели два других джентльмена. Они стали выгружать из портфелей справочники, сборники законов, тетради, блокноты, письменные принадлежности, и скоро на столе у них стало так же тесно, как на столе у прокурора.

Годвин обернулся ко мне:

— Я внимательно слушал весь обвинительный акт и обвинительное заключение. Тут несомненно роковое недоразумение, и, думаю, не только в отношении вас. Когда вы сделали заявление суду, я почувствовал себя убежденным. Теперь надо убедить присяжных. Это мы с коллегами сейчас сделаем. Вам не надо тратить своего красноречия, отвечайте судье односложно. Если я поправлю себе волосы в голове правой рукой, говорите «да», если левой — настаивайте на «нет». Мы сейчас устроим небольшой турнир. Мужайтесь, Пингль. Суд немножко отдохнул, выпил содовой и идет...

Никогда не забуду я выступления моего защитника, когда он получил слово для обоснования моего заявления. О, у него был опыт, у этого Годвина! Он вышел на середину зала перед судейским столом с видом человека, которого заставляют переставить Эверест на другое место. Начал он тихим, усталым голосом:

— В жизни бывают ситуации, которые...

Наступила такая тишина, что слышно было, как позвякивали брелоки на часовой цепочке Годвина, как бы аккомпанируя ему. А в ложе печати уже было полным полно. Журналисты писали, не отрываясь от блокнотов. Где-то щелкали фотоаппараты. А Годвин входил во вкус защиты. Он не был скуп на жесты и умел делать паузы, как будто играл на каком-то очень громоздком многострунном инструменте. Полы его редингота развевались, когда он обращался за сочувствием к публике, делая легкий полусборот. Крупные капли пота выступили на его лице, глаза

блестели. Он делал непостижимо легкий профессиональный жест рукой, и один из его помощников моментально подавал ему раскрытый справочник. Годвин ловил книгу почти на лету, прочитывал статьи законов, с шумом бросал справочник на стол и говорил, все время постепенно повышая голос. Теперь он гремел, как труба архангела.

— Необходимо сразу решить, кто он...

Правая рука Годвина дотронулась до виска. Я сидел зачарованный, слушая и убеждаясь с каждым словом защитника, что самое невинное существо на земном шаре — это Сэм Пингль.

— Да, необходимо суду сейчас же постановить... — ораторствовал Годвин, вцепляясь в свои мокрые кудри правой рукой и обжигая меня молниеносным разъяренным взглядом.

— Да! Да! — закричал я изо всей силы, вспомнив наставление защитника.

Так я выступил в качестве аккомпаниатора на ударных этому великолепному певцу Фемиды.

Годвин говорил больше двух часов. Он имел на это право по законам штата, в котором меня судили.

— Требую от суда проверить утверждение моего подзащитного, что он не кто иной, как тот самый Сэмюэль Пингль, который два года назад выступал в нашем «Колос-сэуме». — заканчивал Годвин при нарастающем возбуждении всего зала. — Припомните, леди и джентльмены! Никто в мире не мог проделать смертельного номера, кроме этого юноши «легче воздуха», который был единственный раз подброшен памятной нам всем чудовищной катапультой. После него несколько человек пытались повторить номер, но оказались, к сожалению, тяжелее воздуха... И вот блестящий чемпион фигурного прыжка мистер Пингль опять перед вами. Над ним тяготеет ужаснейшее обвинение — в убийстве. Кровь убитого вопиет к небу об отмщении. Кстати, труп Рольса не найден... Но здесь раздается вопль невинного. Этот юноша не виновен...

— Нет! Нет! — чуть не зарыдал я, так как теперь левая рука Годвина рвала волосы на его голове.

— Пингль требует только одного — возможности доказать, что он Пингль.

Годвин заложил правую руку за борт редингота и отчетливо произнес, чеканя слова, как новенькие гинеи:

— Прошу об удовлетворении просьбы.

Он упал на свое место в совершенном изнеможении. Я отчетливо видел, как от его головы шел пар. Мной

овладело безумное желание поцеловать защитника в затылок, но звонок судьи помешал этому.

— Исходя из того, что решающим...

Так начал судья, и мне казалось, что он не говорит, а что-то жуёт. Слова причудливо сплетались в тончайшие узоры, то ехидно высмеивая Годрина, то касаясь судьбы юноши, отданного в руки правосудия. Этот судья был тоже хитрецом и стилистом. Голос его начинал приобретать густоту и окраску. Слушая его, я то возносился на вершины надежд, то низвергался в бездны отчаяния. И вот, когда мелодия в голосе судьи уже звучала трагически, он внезапно снизил тон:

— Постановляю: предоставить обвиняемому возможность доказать свою личность, проделав перед судом смертельный номер цирковой программы.

II

Заседания суда по моему делу были прерваны на десять дней. В течение этого срока я должен был подготовиться к выступлению.

Жизнь моя в тюрьме с того момента, как меня привезли из суда, изменилась, как по волшебству.

— Ого, ты не простая птичка, — сказал Джигс, входя за мной в камеру и захлопывая дверь. — Как вы с Годвином обработали судью... Восхитительно! Ты, конечно, проголодался? Я распорядился подать тебе обед сюда. Повар смотрителя недурно делает паштеты. Закажи, кстати, что-нибудь и на ужин...

— Милый Джигс, вы издеваетесь, — горько усмехнулся я.

Тот почти обиделся:

— Над артистом? Над чемпионом? Это не в моем характере. У меня два сына — оба спортсмены. Они бредили «Человеком легче воздуха», когда вернулись с твоего дебюта в «Колоссэуме». И неужели, дружище, жизнь не научила тебя не удивляться?

Принесли роскошный обед. Я проглотил его, как инг-шу глотает мышонка.

Джигс критически оглядывал камеру.

— Рядом освободилось прекрасное помещение. В нем полгода прожил один очень остроумный парень, оправдавшийся перед судом, хотя его накрыли за расплавкой сейфа в кладовой банка. Надеюсь, что пребывание в его камере принесет тебе окончательное счастье...

После обеда я перешел в соседнюю камеру. Там стояла прекрасная мебель, мягкая постель, мраморный умывальник. Недоставало только картин в золотых багетах.

— Ущипните меня за нос, Джигс, чтобы я проснулся, — попросил я, с наслаждением располагаясь в мягком кресле. — Что произошло, Джигс?

Надзиратель приятно улыбался.

— Сенсация произошла, друг. Везет вашему брату. Теперь все газеты только и будут писать о тебе. Ха, «Человек легче воздуха»! Ты будешь принимать посетителей?

— Мистера Годвина?

— Адвокаты не в счет. А репортеры? Журналисты? Сочинители забавных историй? Фотографы? Кинохроникеры? Не давай им снимать тебя бесплатно. Закутай лицо полотенцем. Тогда они скоро раскошелятся...

Можно было бы посмеяться над этими советами Джигса, но дело предстояло серьезное. В том, что мое заявление действительно произвело сенсацию, я не сомневался. Но через десять дней я должен был лечь в катапульту. Вот что меня ужасало.

Вскоре явился Годвин вместе с двумя джентльменами.

— Ну и хорошенькую же кашу ты заварил, Пингль! — растопырил руки один из них, лишь только вошел в камеру. Это был директор «Колоссэума». Он долго не мог успокоиться. — Ах, какие ты убытки причинил мне, когда сорвал свои гастроли! Но я говорил: «Он вернется».

— А это доктор Вилсон, — представил мне Годвин другого джентльмена, серьезного, сухого человека, затянутого в сюртук. — И не будем терять драгоценного времени. Господа, дело вот какого рода. Для нас нет никакого сомнения, что мистер Пингль есть мистер Пингль. Верно и то, что он проделал в свое время знаменитый прыжок. Теперь он должен повторить его перед судом...

— Должен, — вздохнул я, сознавая, что заварил кашу.

— Катапульты целы как будто, господин директор? — спросил Годвин.

— В полной исправности, — наклонил голову директор.

— А мистер Клипс? — воскликнул я.

Директор потупил глаза.

— Пока не спрашивайте о нем, Пингль. Есть обстоятельства, мешающие...

Годвин замахал на директора руками.

— Не касайтесь деталей. Необходимо проверить, находится ли Пингль в форме... Ваша катапульты какую допускает перегрузку?

— Не более полуфунта. Даже меньше...

Годвин в волнении забегал по камере, потирая руки.

— Вот видите... Необходимо точно подогнать вес «Человека легче воздуха» под силу пружины катапульты. Осмотрите парня, Вилсон. Раздевайтесь, Пингль...

Мне пришлось раздеться. Все трое осмотрели меня с ног до головы, пощупали мускулы на руках и на ногах. Доктор измерил меня лентой вдоль и поперек, что-то пошептал, высчитывая в уме, и подвел научный итог:

— Парень не дотягивает шести фунтов в весе...

— Тогда катапульта забросит его на галерку, — задумчиво произнес директор. — Придется менять пружину...

— Мы откормим его, — сказал доктор важно. — Диета по моему способу. Сладости, белки, немного жиров. Массаж всего тела два раза в день. Постоянный контроль веса. Упражнения на турнике...

— Я уже предвидел это и распорядился, — заявил директор.

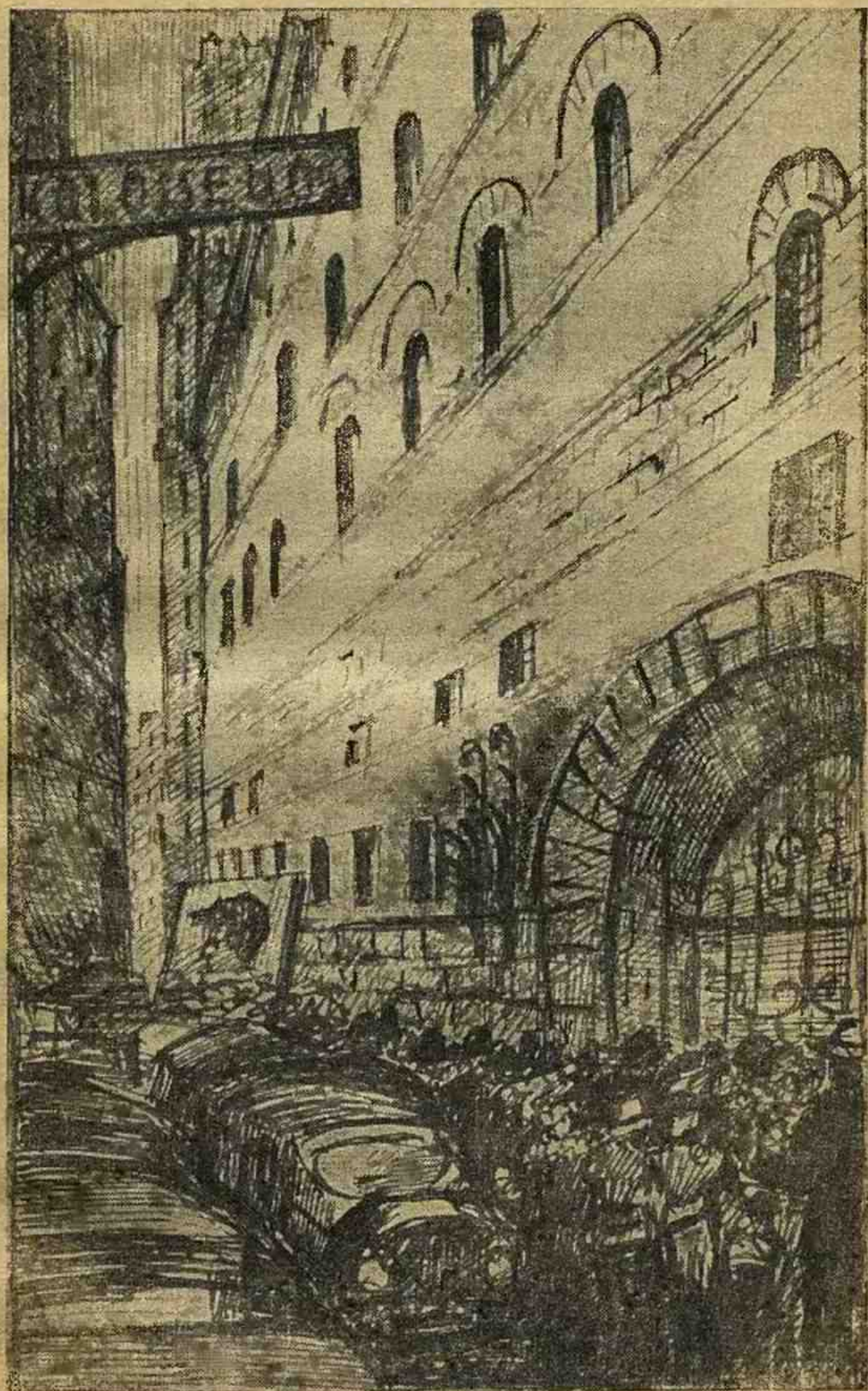
— Тогда я спокоен, — широко улыбнулся Годвин. — Надо приступать к тренировке сейчас же...

«Деньги делают все дела», говорит индусская пословица. Деньги директора превратили мою камеру в удивительное сочетание санатория с тренировочным манежем. Арестанты в полосатых куртках принесли сюда точные весы и установили турникет. Я, облаченный в тепленькую пижаму, занимался диетическим питанием и собственным взвешиванием. Потом меня массировали; я отдыхал, по расписанию проделывал упражнения и с удовольствием отмечал, как нарастают и крепнут мои мускулы. Годвин, директор и доктор Вилсон навещали меня ежедневно.

А там, за стенами тюрьмы, плескалось житейское море, и только глухой, отрывочный шум его доносился до моего слуха. Восторженные почитатели цирковых трюков присылали мне цветы. Камера становилась похожей на оранжерею. На мое имя приходили письма и телеграммы, но Джигс имел твердую инструкцию не тревожить меня корреспонденцией, да я и не имел времени читать ее. Только раз массажист случайно забыл у меня газету, и я прочитал о себе.

Редакция передавала за достоверное, что известный миллиардер Хопхар два года назад купил у дирекции «Колоссэума» всю аппаратуру смертельного номера «Человек легче воздуха» и несколько раз вызывал желающих повторить мой прыжок. Но девять смельчаков один за другим разбились насмерть, потому что попадали головой в землю,

А там плескалось житейское море,

мимо бака. Миллиардеру же, страстному любителю рискованных видов спорта, очень нравилась такая занимательная игрушка. Он ищет десятого. Но вот уже год, как на всем земном шаре не находится человека, решающегося быть подброшенным катапультой. Конечно, мистер Хопхар ни на секунду не сомневается, что подсудимый совсем не тот чемпион, который когда-то ухитрился попасть именно в бак. Но мистер Хопхар сейчас в восторге, что наконец-то находится десятый смельчак. Мистер Хопхар внес десять тысяч долларов в общество «Эквитебль», страхуя жизнь смельчака. Мистер Хопхар не стесняется в средствах. Он принял на себя все расходы по заседанию суда в цирке «Колоссэум» и сам будет нажимать кнопку катапульти, которая подбросит именуемого себя Пинглем перед судьей и присяжными на сто двадцать три с третью фута вверх. Сообщалось, что роковой бак будет наполнен раствором морской соли, изготовленным в лаборатории химической компании «Горвард Лимитед» по специальному заказу, и что удельный вес соляного раствора 1,71 при температуре сорок пять градусов по Фаренгейту.

III

На одиннадцатый день заседание по делу об убийстве Рольса открылось, согласно постановлению суда, в помещении цирка «Колоссэум».

Суд расположился на краю арены, которая была ему предоставлена Хопхаром. Но миллиардер, снявший на этот день цирк у директора, вовсе не хотел тратить деньги понапрасну, только из любви к смертоубийственной игрушке. Он сдал суду только арену и отнюдь не сдавал ему остального помещения. Поэтому публика платила двойные и тройные цены и заполнила все места «Колоссэума», от партера до галерки.

Когда я вышел на арену в скромной куртке матроса с «Буксуса», присланной мне в тюрьму одним из товарищей по судну, одобрителный говор пронесся по цирку. Кое-кто захлопал в ладоши. На галерке закричали:

— Алло, Пингль! Держись смелей!..

Судья зазвонил в колокольчик. Тонкий звук терялся в огромном помещении, как жужжание одинокой мухи в чистом поле.

Суд разместился комфортабельно, в окружении стенографисток, машинисток, клерков и полисменов. В проходах стояли толпы фотографов и киносьемщиков. Дирекция

дала полный свет. В ложах печати началась давка. Несколько телетайпов¹ готовились передавать подробности процесса в Нью-Йорк, Вашингтон и за океан. Очевидно, все средства газетной связи были приведены в боевую готовность.

А перед судом стояли знакомый мне бак с водой и люлька катапульты.

— Заседание возобновляется, — объявил судья. — Подтверждает ли подсудимый свое желание доказать, что он Сэмюэль Пингль?

«Колоссэум» замер, ожидая моего ответа.

— Да, господин судья, я согласен и готов доказать мою личность сейчас же, — твердым и громким голосом произнес я.

Поднялся Годвин.

— Прошу сделать перерыв. Подсудимый должен переодеться в соответствующий костюм. Он не может проделывать номер в одежде, стесняющей его движения.

В зале шум.

Суд удовлетворяет просьбу защиты. Объявляется перерыв.

Жандармы повели меня за кулисы.

Вот опять я в уборной, через окно которой я удрал когда-то. Какой сложный путь мне пришлось проделать, чтобы, вылетев в это окно, быть приведенным сюда снова через дверь! Судьба явно издевалась надо мной. А что, если я постараюсь сверху угодить не в бак с водой, а прямо на судью? Ведь я ловко сверну ему шею, а заодно и себе.

Так думал я, когда молчаливые костюмеры под надзором жандармов одевали меня в шелковое трико. Они узнали меня, но не проронили ни слова: ведь посторонним воспрещалось разговаривать со мной. Но я первый нарушил молчание.

— Послушайте, Годвин, — обратился я к адвокату, наблюдавшему вместе с директором за моим туалетом. — Покажите мне мистера Хопхара. Ведь он будет нажимать роковую кнопку. Мне интересно знать, как он намерен спускать пружину...

И вдруг невероятный страх овладел мной. А что, если все это подстроено нарочно? Если неизвестный Хопхар рывком спустит пружину? Если он не умеет управлять ею? Если они все хотят, чтобы я...

— Не хочу! Не буду! — вдруг закричал я, не помня себя, и вскочил.

¹ Телетайп — буквопечатающий телеграфный аппарат.

— Ах, да посадите его на стул, — услышал я насмешливый голос.

— Да, да! — кричал я, вертясь в крепких руках Годвина. — На стул меня!

— Мистер Хопхар хочет говорить с вами, — сказал Годвин мне на ухо.

Каково же было мое удивление, когда я увидел миллиардера. Он входил сюда гордый и независимый. Это был собственной персоной Клипс, безукоризненно одетый. В булавке его галстука блестел роскошный бриллиант. Клипс строго посмотрел на меня и вдруг неповторимым движением приподнял свою левую бровь. Это был призыв к молчанию и осторожности. Я понял, что не следует сейчас выражать изумления по поводу неожиданной встречи. О, это был настоящий миллиардер, только грим был мне виден совершенно ясно. Клипс играл. Он небрежно процедил сквозь зубы:

— Годвин, парнишка в форме? Дайте ему пять капель рому на куске сахара. Он прыгнет у меня, как бог.

Он ободряюще пожал мне руку.

— Ты сделаешь два витка — не больше. Считай до одиннадцати. На двенадцатом ты уже будешь сидеть в баке. Теперь на манеж. Пусть судья приготовит зонтик. Мы сделаем на арене бурю в стакане воды...

Я дососал кусок сахара и поднялся.

— Готов.

— Так-то лучше, — произнес Клипс. — Гляди на мир веселее, и ты побьешь рекорд какого-то там Пингля...

С арены доносились звуки оркестра. Дирекция не останавливалась ни перед какими расходами и услаждала публику музыкой в судебном антракте.

— Пойдем, парень! — скомандовал Клипс. — Парад алле!..

Грянул «Марш гладиаторов». При выходе на арену меня ярко осветили прожекторами. Я шел между двумя рядами выстроившихся жандармов и цирковых униформистов. Прямо передо мной на каталке ехали два киноаппарата с микрофонами. Мне захотелось разбить эти аппараты, такие неуместные здесь, и поколотить притких людей, орудовавших на каталке. Я сжал кулаки, выпрямился... и услышал голос Клипса позади меня:

— Смелее, дорогой сын мой! Весь мир смотрит на тебя!

Он декламировал это благородным тоном любящего отца.

В этот момент послышался страшный шум. Расталки-

вая жандармов и униформистов, с диким рыданием бросилась ко мне роскошно одетая дама. Она упала передо мной на колени, простерла ко мне руки и вскрикнула:

— Милый Чарли! Не покидай меня!

Я отступил на шаг, потрясенный, и мог только в волнении сказать:

— Простите, миледи...

Почти перешагнув через рыдающую женщину, в истерике рвавшую на себе волосы, я пошел дальше.

— Не обращай внимания на пустяки, — успел шепнуть мне Клипс своим обыкновенным тоном, который меня ободрил. — Мало ли на свете восторженных дам! Покажи-ка им свое искусство...

Я снова на арене. Вот люлька. Вокруг шумит пестрая толпа, жаждущая за свои деньги кровавого зрелища. Судья раскрывает над своей головой зонтик и боязливо поглядывает на бак с водой.

«Нет, — очень ясно подумалось мне, — я не хочу и не буду умирать вам на потеху. Не хочу погибать, как в далекие времена умирали рабы на арене Колизея».

— Подсудимый, называющий себя Пинглем, — воззвал ко мне судья, — предлагаю вам предъявить суду достоверное доказательство...

Клипс встал рядом со мной и поклонился на все четыре стороны.

Оркестр заиграл «Усни, мой котик...»

Я лег в люльку.

«Боже мой, где ты, Эдит?» была моя последняя мысль.

— Внимание!

— Готов!..

— Полет!..

Рррррррррр... Дробь барабанов и вскрик толпы слились в одно. Цирк провалился подо мною, перевернулся через мою голову. Еще мгновение, и я сижу в баке, крутя головой и отплевываясь от соленой воды, точно пудель.

Клипс подал мне руку. Рев толпы оглушал. Судья тряс колокольчиком, но его не было слышно.

«Колоссэум» был тот же. Но я перестал быть бандитом Карnero и стал снова Сэмюэлем Пинглем.

Годвин произнес речь. Он говорил, что я блестяще удостоверял свою личность. Он говорил также, что я прибыл в Мацатлан в полдень, как показал привезший меня рыба-бак. Он говорил, что доктор Рольс был убит в девять часов утра. Это было установлено по бронзовым часам доктора, которые упали на пол во время борьбы Рольса с

убийцей и остановились на девяти часах. Прокурор отказался от обвинения. Меня немедленно же освободили.

Но в моей душе на всю жизнь остался странный осадок. Цирковая арена с тех пор стала мне ненавистна, какие бы интересные номера на ней ни показывали.

До тюрьмы авто, в котором ехал я с Годвином и Клипсом, провожала многотысячная толпа.

Наконец я остался один. В камеру вошел Джигс.

— Поздравляю, — сказал он добродушно и крепко пожал мне руку. — Какие будут приказания от вашей милости? Завтра у вас на руках будут такие деньги, что вы за пояс заткнете всех Клипсов.

— Милый Джигс, — произнес я задумчиво, но твердо, — если вы мой друг, — а я не сомневаюсь в этом, — то устройте так, чтобы меня выпустили отсюда сегодня вечером. Я не хочу дожидаться утра.

— Слово такого человека, как вы, для меня закон, — ответил Джигс. — Все на свете дело рук человеческих, — заметил он многозначительно и вышел, оставив дверь камеры незапертой.

К полуночи меня вызвали в тюремную контору. Клерк Бен, сидевший за пюпитром на высоком стуле и болтавший ногами, благосклонно посмотрел на меня с высоты своего величия.

— Можете, Пингль, отправляться на все четыре стороны. Любопытное дельце, между нами говоря. Бумаги ваши затерялись. Труп бедняги Рольса затерялся. Сообщник ваш затерялся. Хорошенькая ошибочка, но это не меняет конечного результата. Вы прыгнули, как чорт, и теперь на законном основании ступайте из нашего почтенного учреждения куда глаза глядят...

— В таком случае прощайте, Бен, — произнес я, снимая с себя арестантскую куртку.

— Простимся, когда выполним формальности, — пробормотал Бен, роясь на пюпитре в бумагах. — Так-с... Вот постановление суда... — Бен хитро подмигнул: — А вы ловко дурачили судью... Сознавайтесь: успели кое-что припрятать?

Неосторожный ответ с моей стороны мог опять напаялить на меня полосатую куртку, и я вздохнул.

— Грешно смеяться над братом, ввергнутым в пучину бедствий. — смиренно потупя глаза, произнес я фразу из молитвенника, который пришлось переплетать в тюрьме.

Это спасло меня от приступа бешенства. А мне так хо-

телось свернуть на сторону челюсть этому хитрецу, думавшему подловить меня напоследок.

Тяжелыми шагами вошел Джигс.

— Вот и приказ начальника. Выдай, Бен, мистеру Пинглю деньги.

— Ах да, — встрепнулся Бен. — У нас в переплетной вы заработали девятнадцать долларов десять центов. Прошу вас, распишитесь в получении, мистер Пингль...

Бен вручил мне деньги.

— Отправляйтесь, — сказал он мне насмешливо, — на свой остров, коптите там треску и будьте счастливы. Достаточно хлопот вы причинили нам. Кстати, вы брились три раза в тюремной парикмахерской. Надо удержать с вас тридцать центов...

Я оставил на пюпитре доллар. Бен ловко смахнул его на свой стол и прикрыл постановлением суда.

— До скорого свиданья, — ядовито сказал он, когда я нахлобучил кепи.

— Передайте мой горячий привет мистеру Грегу и мое искреннее восхищение его следовательскими методами, — не менее ядовито ответил я.

Выпустивший меня из ворот Джигс сказал сердечно:

— Не огорчайтесь словами Бена. Судьба привесила ему язык собаки, ничего не поделаешь. Отправляйтесь в любой отель, переночуйте, а утром шагайте к директору цирка. У него для вас всегда найдется работенка...

Но по скользкому от ночного дождя тротуару я пошел искать вокзал. Я хотел идти по жизни своей дорогой.

После новых скитаний я наконец добрался до восточного берега. На меня уже дуло свежим ветром родного океана. В порту с большой радостью увидел я, что под погрузкой у причала стоит «Зеленый кот».

Белозубый Ча выглядывал из люка и узнал меня.

Кутивший трубку шкипер прищурился с палубы на меня и вдруг приветливо крикнул:

— Алло! Алло, пропавшая душа! Вижу тебя насквозь, малый. Иди-ка сюда! Берись за лопату, если хочешь домой...

Шкипер угадал — я хотел домой.

Восьмая тетрадь

I

В течение почти трех лет, с тех пор как я расстался с родным Эшуорфом, мне не нашлось места под солнцем. После кругосветного путешествия я снова у туманных берегов. Родина встретила меня неприветливо. Окончить жизнь угольщиком я не хотел. Во мне еще теплилась надежда. Но в большом городе, где я высадился на берег, для меня не было работы.

Подкрадывалась осень. Однажды ночью мне довелось сидеть в сквере спиной к спине с каким-то бродягой, чтобы согреться.

— Жизнь бродяги хуже смерти, — философствовал этот парень. — У меня нет никого из близких на свете, и мне все равно, куда деваться. Ах, сколько ошибок наделал я в моей жизни, мальчик! Да теперь уже поздно раскаиваться!

— Что же вам помешало стать на ноги? — спросил я. — Может быть, неуживчивый характер?

— Прежде всего нужда и безработица, — ответил он. — Вот сижу и дожидаясь полуночи. За тоннелем недалеко стоит порожняк. Сюда придут двое приятелей и покажут, с какого конца будет удобнее забраться на угольный экспресс. Через сутки он домчит нас до Уэсли...

Родные места манили. И я решился. Бесплатные пассажиры ловко обманули «быков» — сторожей, охранявших пустые товарные вагоны и платформы из-под угля. По мокрой грязи мы вчетвером подползли к вагонам. Потом я лежал на вонючей платформе, скорчившись, как бездомный пес. В нос лезла пахучая и едкая грязь. Жажда томила невероятно. Оборванные жалкие фигуры набились на платформу, и все мы сжались в плотный клубок. Поезд дернулся неожиданно, словно в припадке. Головой я стукнулся о какой-то железный болт. Еще больше захотелось пить. Повернувшись лицом вверх, я раскрыл рот и ловил редкие капли пресного скупого дождя.

— Да не вертись ты! — сердито пробормотал кто-то, лежавший на моем животе. А другой сосед беззлобно, но больно толкнул меня ногой в бок и захрапел.

Поезд полз в пространство, в тьму, в неизвестность, осторожно набирая скорость.

День я провел в железнодорожной канаве, дожидаясь ночи и порожняка, чтоб добраться до Уэсли, но пришлось покинуть платформу раньше. До Уэсли оставался еще дол-

гий путь. Я пробирался теперь пешком. Скоро я войду в Эшуорф, увижу отца и Эдит.

Но с каждым шагом мрачные мысли все больше терзали меня. Имею ли я право возвращаться? Ведь в редких письмах к Эдит и отцу из Бирмы я так красочно описывал мое будто бы блестящее положение, писал, что я чуть ли не ассистент промышленной лаборатории, сочинял, прикрашивал и хвастал, для того чтобы успокоить старика и бедную девочку. Конечно, они верили моим письмам. Зачем я вселял в них подобные иллюзии и несбыточные надежды? Что сейчас? Попрежнему я нищий и бездомный. Зачем я послушался Клипса? Надо было удариться о песок арены или о стол судьбы, сломать себе спину, и все было бы кончено.

Терзаемый сомнениями, замедлял я шаги. Наконец остановился, набрал придорожных камней и наполнил ими старый вещевой мешок, потом забросил его себе на плечо и двинулся дальше, еле передвигая ноги.

Вот и глубокий канал Уэсли.

II

Помню, я долго стоял на берегу, охваченный жестокой тоской.

Ах, лучше бы я остался в городе: там можно ночевать если не под кустами сквера Виктории, то хоть в мусорных ямах Голдхилла.

С прокопченного полосатого неба спускался отвратительный вечер поздней осени, когда с севера собираются дуть холодные ветры и в воздухе чувствуется приближение туманной измороси, при одном напоминании о которой у каждого бездомного бродяги начинает ежиться кожа на спине, а сам он старается поплотнее запахнуться в свою выдавшую виды куртку.

«Нет, я не дойду до отцовского дома. Пусть воды канала погребут меня вместе с моими страданиями», очень ясно подумал я.

Но было нелегко сделать роковой шаг. При мысли о холодной одинокой вечной ночи я застегнул куртку на все пуговицы. Впрочем, их оставалось всего две. Потом подумалось о еде, и я не мог вспомнить, когда я ел горячее последний раз.

— Простите, юноша, — услышал я вежливый голос рядом и обернулся.

Около меня у решетки канала стоял нестарый, оброс-

ший бородой, небрежно одетый человек в помятой шляпе и задумчиво плевал в мутные воды, в которых дрожали отражения деревьев, росших на противоположном берегу, и неяркие сигнальные огни. Глубокие глаза человека светились мрачным юмором. Руками он придерживал положенный на гранитный парапет увесистый кирпич и усмешливо поглядывал на меня.

— Простите, — повторил человек. — Я хотел бы попросить вас о двух одолжениях.

Он говорил вежливо, и я счел себя обязанным ответить учтиво:

— К вашим услугам, сэр.

— Хм... — откашлялся человек. — Не найдется ли у вас куска хорошей веревки, способной выдержать тяжесть этого кирпича?

В дорожном мешке, взятом мною с «Зеленого кота», в мешке, впитавшем в себя ароматы трюмов и ночлежек и потерявшем свой когда-то добротный вид, были старые бечевки.

— К сожалению, веревки нет, — ответил я. Мне хотелось помочь человеку, и я добавил: — Но если вас устроят жалкие остатки от самодельных силков, то пожалуйста. Они крепкие. Я отлично ловил ими голубей когда-то.

И хотя по известным соображениям мне не хотелось в данный момент открывать мешок, я все-таки сделал движение сбросить его с плеч. Но человек, усмехнувшись краями губ, удержал мою руку.

— Благодарю вас, направление моих мыслей изменилось. Хм... Я думаю, что достаточно положить кирпич за пазуху и поплотней застегнуться. Вовсе не обязательно привязывать кирпич себе на шею веревкой, не так ли?

— Что вы задумали? — с беспокойством прошептал я.

— Надеюсь, вы догадались? — скривил в усмешке губы человек. — Забраться на парапет, а потом броситься в эту клоаку. Кирпич может гарантировать мне более быстрое опускание на дно.

— Вот оно что... — изумился я подобной откровенности.

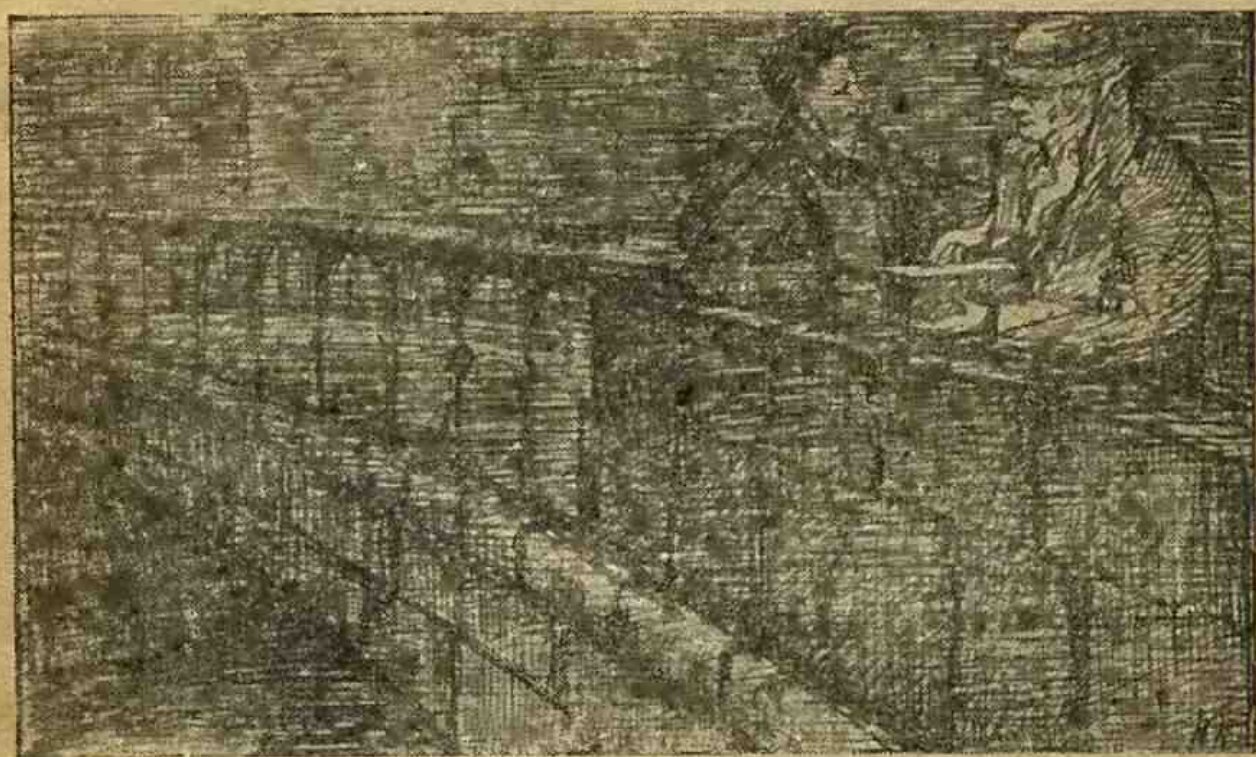
— Хм... А вы полагали, что перед вами гидролог и интересуется глубиной этого сооружения с научной целью?

Человек пробормотал это почти сердито, и я содрогнулся.

— Не делайте этого!

Но он посмотрел на меня с таким ужасающим презрением, что я отшатнулся. А он яростно заскрипел зубами.

— Не делайте этого!

— Хм... Вероятно, вы преподобный викарий из капеллы Святого Духа. Вы учите людей удерживаться от зла и творить благо? Или, может быть, вы проповедник общества снабжения безработных патентованными зубочистками? Нет? Хм... догадываюсь. Вы — сын миллионера и сегодня в поисках приключений сменили фрак и белые перчатки на эти лохмотья. Ах, дружище, если бы вы были в моей шкуре, то не отговаривали бы меня, а сняли бы с себя последние подтяжки, привязали ими к моей шее кирпич, пожелали мне непробудного сна и обещали бы выполнить и вторую мою просьбу...

В крайнем изумлении я не прерывал этой речи, исполненной едкого сарказма и ненависти, так знакомых мне в последнее время. А незнакомец энергичным движением решившегося на все человека засунул кирпич за пазуху и неожиданно тихим, простым голосом повторил:

— Да, вторую просьбу. Когда с глубины пятнадцати футов я начну пускать пузыри, могут явиться полисмены. Их дьявол носит тут по шоссе на мотоциклах. Будьте добры, скажите им, что ничего не случилось. А то они начнут шарить баграми. Вытащить меня они поленятся, но могут изуродовать мне глаза. С них это станется. А я хочу предстать на том свете в полном параде и отнюдь не кривоглазым. Обещаете? Благодарю. Итак...

— Погодите! — вскрикнул я. — Выслушайте!..

Но человек уже вцепился обеими руками в парапет, приготовившись перепрыгнуть через него в воду. Он уставился на меня.

— Говорите, только скорее. Мне некогда.

От волнения я задышался. Мне ужасно не хотелось, чтобы этот малый начал пускать пузыри с глубины пятнадцати футов.

— О, сэр... — в тревоге забормотал я. — Уверяю вас, много раз я сам находился в ужасных положениях. Горькие разочарования подстерегали меня, как пули куропатку. Но я еще надеюсь...

Человек засмеялся.

— Вы комик. Вероятно, жизнь наделяла вас только легкими подзатыльниками. Она еще не удосужилась дать вам «круше» под нижнюю челюсть так, что пятнадцать зубов дробятся в мелкий порошок, а из глаз фейерверком летят бенгальские огни. Ну? Вы еще не задавали такой работы дантистам? Хм... Что скажете? Предлагаете подождать с последним прыжком?

Далекое воспоминание об арене смутило меня, и я произнес с великим упорством:

— Да.

Вероятно, говоря так, я пытался спастись от собственного отчаяния. Ведь я сам выбрал этот уединенный уголок канала вдали от шоссе с той же ужасной целью, что и мой странный собеседник. Мой мешок, наполненный здоровеными булыжниками, потянул бы меня ко дну быстрее, нежели кирпич, и я мог держать пари сто против одного, что на дистанции пятнадцати футов по вертикали я финишировал бы первым.

— А на что мы можем рассчитывать? — задумчиво произнес человек.

Цепляясь за жалкие обрывки надежды, я пробормотал:

— Доберемся до Уэсли и попытаемся устроиться в ночлежке Общества спасения грешных душ.

В ответ человек скрипнул зубами:

— Хм... Не придумаете ли, юноша, чего-нибудь более подходящего? — И прежний сарказм зазвучал в его голосе. — До двух часов ночи стоять на дворе в очереди с подобными нам «грешными душами»? Потом с боем прорваться в спасительную конуру, где старые леди заставят нас петь акафист Иисусу и слушать проповедь преподоб-

ного джентльмена на тему «Воздавайте за зло добром»? Нет, благодарю...

— Зато мы получим по тарелке овсяной похлебки и место под крышей, — возразил я из странного упрямства. Оно уводило мои мысли от неизбежного, казалось, жребия нырять с мешком булыжников.

Разглядывая меня с ног до головы, человек прищурился с горькой гримасой.

— А может быть, мы отправимся вместо Уэсли к прекрасному замку Олдмаунт? Мы подойдем к окнам спальни доброго владельца и крикнем: «Эй, достопочтенный джентльмен! Пожалуйте на два слова!» Владелец замка выйдет на балкон или откроет форточку и высунет голову в ночном колпаке. «Добрый вечер, джентльмены, — скажет он. — Чему обязан я вашим визитом?» Тогда мы отвесим низкий великосветский поклон и доложим: «Мы не кушали со вчерашнего утра и не имеем угла, где бы выпасться». Конечно, владелец замка может заметить: «При чем же тут я?» А мы попробуем настаивать: «Все-таки не найдете ли вы для нас чего-нибудь подходящего? Мы слышали о вашей исключительной доброте. На первый раз мы удовольствовались бы остатками от вашего скромного ужина. Пригодилась бы и ваша старая парадная мантия. Она послужила бы нам одеялом. А завтра утром мы продали бы ее старьевщику и неделю жили бы блаженствуя...»

— Добрый владелец Олдмаунта? — спросил я с изумлением. — Разве он вернулся?

— О ком вы говорите? — махнул рукой человек. — Все они одинаковы... Смешно... Да раньше чем мы разинули бы рот, сторожа замка надавали бы нам таких тумачков... — И человек крикнул, как будто его ужалила кобра: — А я не хочу этого! Прощайте!

Он начал перелезать через парапет.

— Погодите! — нервно задыхаясь, прошептал я. Мне было страшно оставаться одному на свете, я тоже решил-ся. Дрожащими руками я стал ту же затягивать ремни мешка, готовясь в последнее путешествие. — Одну секунду, — чуть не плакал я. — Мы вместе... Я с вами...

Человек раскрыл рот от изумления и теперь поставил занесенную было на парапет ногу обратно на сырые вы-бойны набережной.

— Об этом уговора не было, — мрачно улыбнулся он. — Знаете, это вышло бы очень плохо и даже совсем нехорошо. Ну, я понимаю, пусть утоплюсь я один. А вы так

молоды и уже покидаете поле сражения? Нет, разрешите мне одному.

Он опять перекинул ногу за парапет.

— Не разрешаю, — захлебываясь слезами, в волнении бормотал я. — Не позволю одному!..

Человек сел на парапет спиной к воде и задумчиво почесал переносицу.

— Хм... У вас такой властный вид сейчас, как будто вы раньше были хранителем королевской печати. Что ж, если я не могу позволить вам сопутствовать мне туда, — он показал на черную воду, — следовательно, должен оставаться с вами здесь. — Он вытащил из-за пазухи кирпич и положил его на парапет. — Теперь ваш черед. Мне не нравится содержимое вашего мешка, юноша, — добавил он дружелюбно.

Я покраснел, бормоча что-то маловразумительное.

Но человек ободрил меня:

— Не стесняйтесь. Всякое бывает в жизни. — Он прищурил глаза и добродушно усмехнулся. — Итак, юноша? Камни в воду, а мы остаемся?

Он помог мне побросать булыжники в воду и наконец ухнул свой кирпич туда же.

— Вместе? — спросил я снова, забрасывая теперь уже пустой мешок за плечи.

— Если вы этого желаете.

Очевидно, я неимоверно устал от одиночества, потому что эта странная встреча отвлекла меня от ужасных дум и вселила какую-то смутную надежду.

— Чего иного может желать неудачник?

Тогда человек дружески протянул руку:

— Познакомимся... Добби. Так зовут меня.

— А меня зовите просто Сэм.

— Очень рад. Я сам почетный неудачник. Но сегодня меня побаловала судьба.

— Вернула вам жизнь? — наивно спросил я.

— О нет, простите, Сэм, за историю с кирпичом. Я не собирался кончать с собой, но у вас был такой отчаянный и беспомощный вид и вы так решительно склонялись над этой отвратительной клоакой, что я... Вы понимаете?

Слишком многое я понял, когда взглянул в смелое лицо случайного знакомого, и ответил ему крепким рукопожатием.

— Благодарю вас, сэр.

— Пожалуйста, — кивнул Добби. — А знаете, Сэм, —

Добби пошарил в карманах пальто, — у меня, оказывается, завалялось несколько монет...

Тут я отчетливо услышал легкий металлический звон, от которого совершенно отвык за последние недели. Добби ловко подкинул на ладони монету.

— Хватит заморить червячка? А на сытый желудок легче станет заботиться о ночлеге, не правда ли? Хм... Я знаю один уютный уголок. Может быть, завернем туда?

Я был голоден и не рассуждал.

— Еще раз благодарю вас, сэр, — поклонился я.

Но Добби призадумался и приложил палец ко лбу:

— Хм... А стоит ли нам искать пригородный трактир? Я живу здесь недалеко. Знаете что? Пойдемте ко мне. Нам надо будет подняться на Эшуорфский перевал и пройти около мили ущельем налево...

— Тоннелем Святого Фомы? — спросил я.

— Ну да... Очень хорошо, что вы знакомы с местностью. Идем?

— Идем, — согласился я.

Если судьбе угодно еще испытывать меня, пусть будет так. Я не сопротивлялся, готовый следовать за Добби куда угодно.

III

Я плохо знал эту часть перевала и осторожно шагал за Добби, когда он свернул в узкий овраг, ночью напоминавший бесконечный подземный коридор и известный под названием «Тоннеля Фомы». Добби шел легким привычным шагом, и когда перед нами открылась площадка, то уже было так темно, что я различал только железную высокую решетку ограды. Маленькая калитка, которую поворотом ключа отпер Добби, была последним этапом нашего восхождения. Среди нескольких высоких деревьев, по-осеннему шумевших своими ветвями, светилось одинокое окно дома. Этот мягкий свет напомнил мне родной очаг в Эшуорфе, и так захотелось провести хотя бы несколько минут под кровлей, что я не мог подавить волнения, и сердце мое учащенно забилося...

— Вот мы и дома, Сэм.

Добби осторожно распахнул дверь, к которой мы поднялись по двум ступеням крыльца, и перешагнул через порог.

— Входите, Сэм. Я дам свет...

При свете электрической лампы я увидел небольшой вестибюль, вешалку для платья, столик. Несколько дверей

вели во внутренние комнаты. Широкая лестница поднималась во второй этаж.

— Снимайте, Сэм, свою куртку и бросайте вместе с мешком в угол, — предложил Добби. — Если только в мешке не осталось чего-нибудь ценного, — добавил он полушутливо.

Но мешок был пуст. Даже диплом, и тот остался затерянным в «Деле Карнеро». Стесняясь, я замялся. Под курткой у меня ничего не было, кроме рваного клетчатого тельника, напоминавшего борт «Зеленого кота», и я медлил расстегивать две единственные пуговицы.

— О чем раздумываете, Сэм? — спросил Добби. — Горячая ванна сейчас пришлась бы кстати? Так, что ли?

Я не ожидал подобного блаженства. Добби окончательно покорила меня. Войдя за ним в ванную, я без всякого сожаления сбросил там свои лохмотья.

— Располагайтесь, Сэм, и мойтесь основательно. Сейчас я принесу вам чистое белье и костюм. Мы с вами одинакового роста, и, надеюсь, все будет впору... — Он говорил шопотом. Заметив вопросительное выражение моего лица, добавил: — Мой слуга нездоров. Не хотелось бы его беспокоить.

— О, конечно, — согласился я тоже шопотом.

Нежась в горячей мыльной пене, которая смывала с меня геологические наслоения, накопленные за дни бездомного шатания, я не интересовался, что за чудаки Добби и за каким чортом понадобилось ему тащить к себе бродягу, подобранного на набережной.

Дверь в ванную приоткрылась, и сухошающая рука Добби бросила на скамью полотенце, простыню, белье и костюм с ботинками. Цветные носки и полосатый галстук дополняли этот гардероб.

Я поблагодарил хозяина и теперь, словно беспечный ребенок, плескался в теплой воде, не предаваясь особенным размышлениям. Ведь нежиться в ванне было несравненно приятнее, чем пускать пузыри на дне глубокого канала. Дважды я наполнял ванну и наконец с удовольствием заметил, что тело мое приняло естественный розовый оттенок. И еще я отметил, что кожа моя была совершенно чиста, а ведь мне приходилось соприкасаться с очень нечистоплотными людьми.

Приняв прохладный душ и одевшись, я огорчился, что на туалете не было ни зеркала, ни бритвенных принадлежностей. Поэтому я не мог ручаться, что безукоризненно повязал галстук, и кое-как пригладил волосы на голове.

Последний раз я принимал душ в ночлежке дамского общества «попечения о бедных» три месяца назад. С того времени я дал полную свободу волосам на моей голове, усам и бороде расти, как им вздумается.

Теперь я позволил себе улыбнуться: «Неужели судьба изменила свое отношение ко мне?»

— Прошу вас, Сэм, — услышал я тихий голос Добби. В таком же сером костюме, как и мой, Добби стоял в дверях. — Вы производите благоприятное впечатление. Идемте.

От него шел приятный аромат лаванды, а глаза блестели совсем не мрачно.

И когда он ввел меня в столовую, где на круглом столе в аппетитном беспорядке расположились тарелки и вазочки с хлебом, маслом, паштетами и фруктами, тут же примостился булькающий кофейник на спиртовке, мне показалось, что я брежу. Может быть, в действительности-то я уже нырнул с булыжниками на дно канала, пускаю пузыри с глубины пятнадцати футов и все это чудится мне перед смертью? Или я валяюсь в ночлежке при капелле Святого Духа и мне все это снится?

Незаметно я изо всей силы до боли ущипнул себя за ухо, но... не просыпался.

— Садитесь, — предложил Добби. — Насыщайтесь. Эта пища — реальность. Вина нет — сам не пью и другим не советую.

Я не заставил себя упрашивать. О, боже мой и святой Фома! Простите меня, грешного! За ушами у меня трещало так, как будто все эшуорфские мельницы, водяные и ветряные, решили перемолоть годовой урожай ячменя сразу в один вечер. Когда же я вонзил зубы в неподобную упругость круто сваренного горячего яйца, мне захотелось плакать от умиления. Никогда не подозревал я, что человеческий желудок может зараз вместить такое количество пищи. Как самум, мой аппетит смел угощение. На тарелках, правда, кое-что осталось, но я откинулся на спинку стула в легком изнеможении, чувствуя блаженную тяжесть в желудке и сознавая, что надо быть благоразумным и соблюдать умеренность после столь долгого поста.

— Очень благодарен вам, сэр, — произнес я, допив кофе и сложив салфетку.

Добби любезно предложил мне сигарету. По его безмолвному взгляду я понял, что, не дожидаясь приглашения, должен рассказать ему о себе. Очевидно, чудаковатого хозяина чем-то заинтересовала моя особа и он хочет

знать, кого привел к себе в дом. Я не имел права отказать ему и обязан был платить за оказанное мне гостеприимство.

Неожиданная мысль, как джирра из-под куста, вползла мне в голову: «А вдруг этот чудак расспросит, выслушает все мои злоключения и скажет: «Ну, голубчик, теперь мы с тобой квиты. Ты покушал за рассказы, забирай снова свои лохмотья и убирайся»? Зачем рассказывать каждому, кто бросит тебе кусок, свою жизнь? Разве он может понять, что вина моя лишь в том, что никому не нужно мое образование? А, пусть выгоняет!..»

Но за джиррами ползли другие, ядовитые, как лахезис, мысли: «Как? Очутиться сейчас снова одному? Под дождем? В овраге?»

Я содрогнулся, как собачонка, которую собираются ударить неизвестно за что.

И я рассказал Добби не всю правду, а только про детство, про родной городок, не называя Эшуорфа, и про то, что мне пришлось пуститься в странствования в поисках счастья, так как отец был беден.

Часы пробили полночь. Добби докурил трубку и положил ее в пепельницу. Дымок тонкой умирающей струйкой поднимался к абажуру висевшей над столом лампы. Мой хозяин встал, сделал несколько шагов в пространстве между квадратным окном и круглым столом. Табачный слоистый дым колебался, и голова Добби с растрепанной бородой и шевелюрой плавала над этими сизыми облаками.

— Вот что, Сэм, — наконец сказал Добби. — Кажется, вы подходящий человек для меня.

— К вашим услугам, сэр, — склонил я голову. — Располагайте мною.

Добби в упор строгими глазами посмотрел на меня.

— Мне нужен человек смелый и решительный, беспрекословно повинующийся моим приказаниям, умеющий молчать и не совать свой нос в дела, в которые его не посвящают...

— Простите, надеюсь, что дела все-таки будут такого рода...

— Хм... Вы плохо меня поняли. Наверху у меня лаборатория, на дворе в сарае виварий...

— Змеи?

— Хм... Какие змеи? Самые обычные лабораторные животные... Кролики, морские свинки, крысы, мыши, кошки, собаки...

— Простите, сэр. Все-таки, видимо, довольно обшир-

ный зоопарк? Я спросил вас потому, что мне приходилось служить сторожем в змеятнике.

— На Яве?

— Нет, в Бирме.

— Не слыхал, не знаю — покачал головой Добби. — Но это неважно. Если умели сторожить змей, то обслуживать кроликов сумеете и подавно...

— Постараюсь оправдать ваше доверие, сэр.

Добби с довольным видом улыбнулся.

— Надеюсь. Вы будете жить здесь на полном пансионе и получать жалованье. Но обязаны... хм... никуда не отлучаться без моего приказа. Не выходить за пределы решетки, окружающей мою виллу. Понятно? И еще... Вы не должны бриться... Когда понадобится, я буду брить вас собственноручно...

Это было странно, но на свете мне встречались и не такие чудаки.

— Что ж, сэр, брейте меня, когда только пожелаете. Согласен и на это, — сказал я. — Ведь если кто имеет деньги, он может позволить себе и такое удовольствие.

— Вы правы, Сэм, — быстро согласился Добби. — А теперь извольте подписать со мной небольшой контракт. Он вынул из кармана блокнот и перо.

Я хотел отказаться, но отступить было поздно.

— С удовольствием, — пробормотал я и тут только заметил, что чиркаю спичку не тем концом.

Перо в руках Добби проворно бегало по бумаге.

— Подписывайте же... — сказал Добби. — Вот... Слушайте: «Деньги каждую субботу... Не имеет права отказываться... Не имеет права бросать работу...» Пишите. Да хватит хотя бы имени «Сэм». Я верю вам.

Не дослушав, я подписался почти небрежно. Добби перечитывал контракт. Пожалуйста. Колесо моей фортуны, сделав сегодня несколько крутых зигзагов, как будто выбралось на прямую.

Предвкушая сладкое отдохновение после сытного ужина, я слегка зевнул. Сейчас мой новый хозяин пожелает мне спокойной ночи и проводит меня спать.

— Ну, Сэм, за работу, — сухо произнес Добби, пряча контракт в карман.

— Как? — разинул я рот.

— А так, — еще суше сказал Добби. — Я люблю работать по ночам. Извольте пройти в виварий, накормить животных, вычистить клетки. Рабочий халат в сарае. Закройте рот, Сэм, и не спешите удивляться... Хм... Вы забыли о

контракте. Не будьте любопытны и не делайте удивленных глаз. Это пока все, чего я от вас требую.

Зубы мои сами собой перекусили во рту сигарету пополам. Историйка начинала мне нравиться.

— Слушаю, сэр, — спокойно вставая, сказал я. — Надеюсь, вы проводите меня в виварий?

Обширный зверинец мелких животных помещался в сарае. Клетки, видимо, чистились не каждый день, и мне сразу пришлось впрячься в грязную работу.

— Я зайду за вами под утро, — сказал Добби, уходя и захлопывая за собой дверь сарая.

Ужасно хотелось спать, но нужно было дорожить новым местом.

Лампы освещали ряды клеток, аккуратно перенумерованных, и я быстро перезнакомился с занятыми зверушками. По сравнению с парком «змеиного профессора» это был рай, населенный ангелами.

Я увлекся работой и не заметил, как настало утро.

— Пора отдыхать, — раздался голос Добби, вошедшего в виварий. — Сейчас я вам объясню, как их надо кормить.

Он показал, как надо обращаться с лабораторными животными, помог мне засыпать кормушки и налить воду в поилки.

— А теперь идите спать, Сэм, — сказал Добби, видимо довольный моей работой.

— Да, сэр, я еле таскаю ноги...

Мы вышли из сарая. Передо мной стояла прелестная вилла, с чистым двором, обнесенным высокой железной оградой. Склоны горы, на которой стоял дом, показались мне знакомыми.

Я шагнул к решетке. Далеко внизу, под крутым скалистым обрывом, на берегу океана под лучами утреннего солнца лежал красивый городок. Это был мой родной Эшуорф.

IV

В доме Добби, построенном, видимо, недавно как раз на площадке над скалой Двух Роз, жил, кроме хозяина и меня, еще пожилой слуга Мигли, очень молчаливый, но отлично готовивший изысканные блюда. Кормил он наславу, и я всегда с нетерпением ожидал обеда, когда он показывал свое искусство. Особенно удавалось ему сладкое. Тертые каштаны со сливками он делал изумительно.

Верхний этаж был занят комнатами Добби, который проводил там дни и ночи в полном уединении. На моей

обязанности лежало приносить требуемых Добби животных к нему наверх в первую комнату. Что он там проделывал с ними, я не знал. Потом по звонку я опять поднимался, брал корзину с животными и уносил в сарай. Здесь мне работы хватало. Надо было кормить животных по расписанию, утром и вечером взвешивать некоторых кроликов, а результаты докладывать Добби. Так как Мигли был скуп на слова, а Добби я видал только, когда ему хотелось, я подружился с Кипом, прелестным шотландским террьером, большим умницей. Он сопровождал меня из дома до сарая, куда входить считал ниже своего достоинства. Особое презрение возбуждали в нем коты, которые содержались в особой клетке. Надо сказать, что коты и кошки — самые капризные из всех лабораторных животных. Они соглашаются не орать в неволе, только если им дают самое свежее мясо и молоко. Иногда в виварии на них, и притом на всех сразу, нападал дикий приступ тоски, и они так ужасно мяукали, выговаривая, вероятно, проклятия на своем кошачьем языке, что Добби приказывал:

— Погуляйте с ними по солнышку, Сэм.

Кипа запирали в кухне, а я выводил на цепочках котов партиями по четыре штуки, следя, чтобы они не вырывались из ошейников.

Незаметно подкралась зима. Я спокойно работал, хорошо питался и мог, казалось, быть довольным такими сравнительно несложными обязанностями, тем более что еженедельное жалованье я получал аккуратно и прятал его в ночном столике.

В день получки жалованья Добби собственноручно намыливал мне лицо и ловко брил меня, ни разу не порезав кожи. К сожалению, я не мог полюбоваться результатами работы своего парикмахера, так как во всей вилле не было ни осколка зеркала. Я хотел как-то спросить хозяина, умышленно ли он выбросил зеркала из своего обихода, или это случайность, но инстинктивно почувствовал, что такой вопрос не понравится ему. Да и какое мне было дело до чудачеств Добби? Относился он ко мне доброжелательно, однако такого мягкого тона и теплой улыбки, как в первый вечер нашего знакомства, я больше не замечал. Вообще он разговаривал со мной мало.

А я, бесконечно благодарный за свое спасение, всегда старался угодить ему и даже беспокоился о его здоровье. Мне не нравилось его постоянное покашливание.

Но все же я был одинок и здесь, и вынужденное заключение в усадьбе начало мне надоедать, особенно с того

зимнего утра, когда я подошел к решетке там, где она вплотную подходила к краю обрыва. Зимнее солнце скользило внизу по крышам Эшуорфа. Мне нестерпимо захотелось спуститься с гор и побродить по тихим улочкам, зайти в «Нептун» или в «Королевский тигр», погреться у камина и послушать эшуорфские новости. Попрежнему ли философствует однорукий дядюшка? Как живет мой отец? Что подделывает рыжий Эд? А доктор Флит, вероятно, еще больше растолстел...

Я угадывал смутные очертания улиц Эшуорфа. Вон торчит шпиль церкви, где настоятельствует Иеремия. А за тем холмом должны быть милые моему сердцу домики. Наверное, золотоволосая Мери выросла... А Эдит Уинтер? При одной мысли о ней она вставала передо мной, как живая, сердце начинало биться в груди, как жаворонок в клетке...

Моя прежняя жизнь, полная приключений, заставила меня присматриваться к окружающему в доме Добби.

Я освоился с хозяйством этой удивительной виллы. Два ветряка давали электрическую энергию, качали воду из артезианского колодца и приводили в действие моторы, которые гудели в комнатах Добби. Вилла обогревалась электричеством, и Добби как-то похвастался, что все его электрическое хозяйство автоматизировано. Когда аккумуляторы полностью заряжены, ветряки переключаются на перекачку воды.

Часто, наблюдая, как крысы жадно ели похлебку, сваренную Мигли, я раздумывал о Добби. Ведь думать о хозяине контрактом не запрещалось.

Какое мне дело до его занятий? Добби — несомненно бактериолог. Вчера мы с ним, например, целый вечер были заняты приготовлением питательной среды для разведения микробов. Мигли сварил из телятины прекрасный густой бульон, и я тщательно процеживал его через фильтры, потом стерилизовал в автоклаве, стоявшем в первой комнате наверху. Все как будто в порядке вещей. У «змеиного профессора» мисс Лиз тоже занималась подобной кулинарией. Но зачем этому Добби сидеть в уединении и держать зверинец?

Догадка пришла сама собой. Вероятно, Добби изобретатель. В Сан-Франциско я видел на экране картину «Таинственный отшельник», и она тогда произвела на меня потрясающее впечатление. Отшельник изобретал средство разрушить атом, чтобы проникнуть в тайну строения материи. В конце кинофильма лаборатория профессора-отшель-

ника взлетела на воздух, а прелестная дочка отшельника, примчавшаяся на аэроплане спасать папашу, благополучно вышла замуж за лаборанта, оказавшегося сыном миллионера. А Добби? Неужели только чужак?

Как-то на второе за обедом Мигли подал жареную утку с яблоками. Я почему-то заинтересовался, откуда Мигли достал ее. Вообще каким образом Добби не испытывает нужды ни в чем? Не изобрел ли он средства производить в лаборатории химическим путем жирные сливки, свежие каштаны, настоящих мясистых эшуорфских уток?

Но дело обстояло гораздо проще.

Однажды утром, когда я заснул после ночной работы в виварии, меня разбудил ровный шум авто. Осторожно выглянув в окно, я увидел, что какой-то долговязый рыжий парень привез к решетчатым воротам виллы тюки, ящики, бидсны, сложил их у ворот и уехал. Потом ворота открылись. Мигли подъехал на автокаре, быстро сложил привезенное и скрылся за углом — вероятно, повез к кухне. Я толкнулся в дверь. Но моя комната была заперта снаружи. Это мне не понравилось и заставило насторожиться. Я постучал. Мигли отпер не сразу, проворчав, что не знал о моем возвращении из вивария.

В течение ближайших дней я мог заметить, что Мигли, повидимому, спускался в город по утрам и возвращался оттуда до моего пробуждения.

Как будто ничего не происходило в нашей размеренной жизни. Раз Добби застал меня смотрящим сквозь решетку на Эшуорф и сказал:

— Контракт кончится через полгода. Тогда можете отправляться, куда вам угодно, Сэм.

— Мне иногда бывает грустно, сэр, — сознался я.

— Хм... понимаю, — ответил Добби. — Но таковы условия... Впрочем, я сам уже порядочно устал от моего затворничества. Знаете, не совершить ли нам завтра прогулку по горам? Они красивы, не правда ли?

И вот мы перешагнули порог железной калитки.

— Будьте моим проводником, Сэм, — сказал Добби, сделав сотню шагов и подойдя к обрывистому краю площадки. — Меня не интересует побережье... Таких городков, как Эшуорф, очень много в нашей стране. А вот горы... Хм... Мне думается, Сэм, что вы родились поблизости отсюда.

— Да, сэр.

— И вы, может быть, знаете, куда ведет эта тропинка?

Среди терновника вверх поднималась крутая тропица, которую я знал еще, когда здесь не было виллы.

— Это Черный Холм, — сказал я, думая некоторой откровенностью замаскировать свое основное желание ближе познакомиться с Добби. — За холмом пойдет старая дорога к шахтам.

— Если это не очень далеко, то ведите туда, Сэм, — проговорил Добби. — Я думаю, оттуда откроется более широкий вид...

— Вы правы, сэр, — согласился я, сворачивая на каменистую тропу.

С вершины Черного Холма мы любовались широким бурным океаном и красивым побережьем, обрамленным густой лентой белопенного прибоя. Скала Двух Роз торчала далеко внизу и теперь казалась серым пятнышком. Густые облака медленно плыли над океаном, образуя причудливые силуэты. Сосновые купы у горы Шарпи и лес Патрика темнозелеными каскадами сбегали вдаль к берегу. Стоял конец зимы, и прохладный ветер в сочетании с теплотой солнечных лучей был приятен. Какая чудесная картина развertyвалась передо мной! И какая очаровательная тут тишина! Только легкие порывы ветра шуршат по сухим кустам...

Добби, заложив руки за спину, прохаживался по вершине холма. Иногда он ударял ногой по придорожному камешку и слушал, как он шумит, скатываясь вниз. Это занятие, кажется, забавляло его. Он о чем-то напряженно думал. А я любовался картинами природы.

«Как прекрасна моя родина! — сказал я себе. — Вид отсюда лучше, чем у знаменитых «Ворот в Индию». Здесь красивее, чем на Цейлоне и в Калифорнии...»

Вспомнились низкие, сумрачные берега Южной Африки, зной Мексики и душные заросли владений Данбир-Ганджа...

Острокрылая большая птица пролетела над моей головой и хищно вскрикнула позади меня. Она охотилась за какой-то пичужкой, таившейся в кустах. Я обернулся. Добби сидел на обломке скалы и внимательно смотрел в противоположную от океана сторону.

— Сэм, сюда, — поманил он меня.

— К вашим услугам, сэр, — приблизился я.

— Что за этим оврагом? — спросил он, показывая на дальние холмы.

«А, он хочет проверить меня, правду ли я сказал, что

родом отсюда», подумалось мне, и я удовлетворил любопытство хозяина:

— Там еще несколько оврагов, но не таких узких, как Тоннель Фомы. Потом, видите, тропа огибает холм Святой Девы и углубляется в горы. Там старая дорога и брошенные шахты...

— Хм... Вы, может быть, знаете что-нибудь о шахтах?

Я не готовился к экзамену по истории шахт Эшуорфа. Но отец кое-что при мне рассказывал матери и дядюшке о тяжбах каких-то акционеров. Пожав плечами, я ответил:

— Говорили, что когда-то уголь лежал здесь на поверхности очень мощными пластами. В течение сотен лет они были разработаны. За последние полтораста лет владельцы копей уже углубили шахты в толщу гор. Однако чем ниже спускались забои, тем уголь становился землистее, и добывать его стало нерентабельным. На моей памяти, сэр, заброшены шахты у леса Патрика и выше. А те дальние шахты заброшены очень давно. У нас в Эшуорфе никто и не помнит о них...

— Хм... невесело, — заметил Добби, как бы отвечая своим мыслям.

А мне в тот момент припоминались смутные картины детства. Зимой в Эшуорфе бедные женщины предместья отправлялись к старым копиям с большими корзинами. Там они подолгу рылись в угольных отвалах, в черной пыли, перемешанной с тающим снегом, и выбирали кусочки угля. Сгибаясь под тяжелой ношей, женщины сгорбленными силуэтами спускались с холмов к своим домашним очагам. С нашей улицы был виден этот путь черных фигур на фоне белых, оснеженных холмов, а под вечер — мирный дымок над домами предместья...

— Вы драгоценный человек, Сэм, — дружелюбно сказал Добби поднимаясь. — Вы об этих местах знаете больше меня. А я всю жизнь прожил на севере и вот только под старость перебрался сюда, поближе к солнцу. Ну, идемте домой... Здесь стало свежеть...

V

На другой день после прогулки у меня страшно разболелась голова.

— А ведь вы простудились, Сэм, — заметил Добби, видя, что за обедом я почти ничего не ем. — Чего доброго, у вас приступ лихорадки или грипп...

— Я никогда ничем не хворал, сэр, — пробормотал я,

чувствуя легкий озноб. — Впрочем, простите... Однажды в Индии я попал в зачумленное селение...

И тут в кратких словах я рассказал о прививке Мильройса.

— Мильройс, как же... — с удовольствием отозвался Добби, — читал его работы о змеях. Большой знаток, но коммерсант. Кажется, он составил состояние на противоядиях и живет где-то в колониях припеваючи... Ну, идите к себе, Сэм. Я дам вам порошки, и завтра вы будете здоровы.

— Вы доктор, сэр? — спросил я, лежа у себя в комнате и проглатывая порошок, принесенный мне хозяином.

— Да, я имею врачебный диплом, но давно уже оставил практическую деятельность, — ответил Добби. — Постарайтесь уснуть, Сэм. Мигли принесет вам грелки к ногам. Он же управится без вас в виварии... Спокойного выздоровления, Сэм.

К обеду я проснулся, проспав почти сутки, ощущая приятную свежесть в голове и звериный аппетит.

— Благодарю вас, сэр, — сказал я, усаживаясь за стол напротив Добби. — Чувствую себя превосходно...

— Он выглядит таким бледным, что, наверное, у него желтая лихорадка, — угрюмо проворчал Мигли, разливая бульон.

— Помолчите, Мигли, — заметил Добби. — У Сэма небольшое малокровие, только и всего. Я охотно помогу ему избавиться от этого...

После обеда Добби пригласил меня к себе наверх. Он провел меня через первую комнату в свой кабинет, уставленный книжными шкафами, и я в восхищении мог только сказать:

— О, сэр!

— Ну-ка садитесь, Сэм, — предложил мне Добби, — и расскажите о себе... Хм... мне сдается, что вы обладаете многими достоинствами, которые отнюдь не следует скрывать от меня...

— Пожалуй, вы правы, сэр... — отозвался я, смотря, как он раскуривал свою трубку, готовясь слушать меня. — История слишком длинна, чтобы начинать ее со дня рождения. Но, кажется, мне в жизни везет на лаборатории. Профессор Мильройс был так добр ко мне и собирался сделать из меня лаборанта. Но, увы, судьба все время шутит со мной...

Я рассказал Добби о змеиной станции, сочинив, что

ушел от Мильройса, движимый исключительно желанием вернуться на родину.

— Хм... Так вы жили в Индии и Бирме? — воскликнул Добби. — Ну, тогда желтой лихорадкой вы хворали наверное. Знаете, курс впрыскиваний был бы для вас очень кстати. А то в здешнем климате лихорадка вернется и окончательно измучит вас. Пройдемте-ка ко мне...

И Добби ввел меня в третью комнату.

— Вот место моей работы и отдыха.

Это была чудесная светлая комната. На одном лабораторном столе помещались подставки для колб и склянки с разноцветными жидкостями, на другом — пробирки. Термостат на стене напسمил мне лабораторию Мильройса, и я осматривал это помещение взглядом человека, который разбирается в окружающей обстановке. В простенке стоял шкаф с лабораторными принадлежностями. На окнах чинно расположились горшки с самыми, на первый взгляд, простенькими растеньицами. В углу стоял небольшой стол с привинченной к нему центрифугой. Над столом висел шкафчик. На дверцах его были написаны две крупные буквы: «Э. М.».

— Мне здесь очень нравится, сэр, — сказал я, осматриваясь вокруг. — Только я не вижу микроскопов.

— Хм... Микроскопы нужны бактериологам. Они рассматривают заразных микробов, — отозвался Добби. — А я имею дело с возбудителями, которых не видно через микроскоп.

— Вирусы? — воскликнул я.

Добби прищурился с серьезным видом.

— Ого, Сэм... Вы, кажется, не даром проводили время у этого... Мильройса. Что ж, он сидел, все время глядя в микроскоп? — насмешливо спросил Добби.

— Я бы не сказал этого, — серьезно ответил я на насмешку Добби, считая нужным заступиться за своего доброго профессора. — Но странно видеть лабораторию без микроскопов.

— Ну, знаете, Сэм, даже усовершенствованный оптический микроскоп слишком примитивен для изучения вирусов. Он будет смешон здесь, как театральные бинокль в руках астронома, который бы вздумал с помощью его изучать, скажем, строение спектра звезд Арктура или Капеллы...

— Никогда профессор Мильройс не казался мне смешным, сэр, — с плохо скрытой обидой медленно произнес я.

— Вы не понимаете шуток, Сэм, — сдвинул брови Доб-

би. — И похоже, что вы обиделись за своего Мильройса. Но, судя по вашим словам, этот специалист был заинтересован, чтобы пресмыкающиеся на его змеиной ферме не болели. Может быть, он и наблюдал вирусные болезни у змей. Вы не знаете? Во всяком случае, он предусматривал именно это, когда знакомил вас с книжкой о вирусах.

Добби подошел к окну и показал рукой на горшки с растениями.

— Изучение вирусов начинается с внимательного наблюдения над заболевшими растениями. Сравнивают их со здоровыми экземплярами. Следят за развитием болезни. Смотрите, вот молодое здоровое растение — табак. А вот больной мозаикой экземпляр.

Картина пораженных мозаикой листьев табака была мне знакома. Добби объяснял дальше:

— А вот помидор. Здесь здоровое растение. Смотрите, какие красивые листья. А что на этом больном экземпляре? Где листья? Они превратились в нити. Разве вы узнаете в этом растении овес? Какне странные образования вместо колосков! Это — вирусное заболевание, которое называется «закукливание».

Добби вынул две фотографии. Сначала показал одну.

— Что это такое?

Я прочел подпись внизу.

— «Сахарный тростник».

— Да, обратите внимание, как стройно поднимаются высокие тростинки. В них содержится сахарный сок. Из-за него и разводят сахарные плантации... Но вот сахарная плантация подверглась заражению вирусом...

И Добби показал мне другую фотографию.

— Но это же не сахарный тростник! — воскликнул я.

На фото я увидел какие-то кусты с травянистыми листьями. Никаких стройных тростинок не было и в помине.

— Нет, это самый подлинный сахарный тростник, но только пораженный особым вирусом. Под влиянием его рост тростинок угнетен...

Коллекция фотографий показала мне ряд растений, пораженных разными вирусами.

— Какой общий вывод надо сделать из виденного? — спросил меня Добби.

— Не знаю, — чистосердечно сознался я.

— А тот вывод, — ответил Добби, — что вирусы глубоко воздействуют на внешний облик пораженного растения, на его формообразование. Поглядите на это растение... На

нем под влиянием вируса начали вырастать листья из листьев.

Действительно, странно было видеть лист, покрытый маленькими листиками. С фото смотрели на меня больные растения с искривленными стеблями, изуродованными листьями. Станные, искривленные цветы словно застыли в молчаливом страдании. Фантастические очертания их лепестков, печальная траурная расцветка — все это придавало им очень своеобразный вид.

— Когда-нибудь мы поговорим подробнее, — сказал Добби, пряча фото в стол.

Потом он вымыл руки и подошел ко мне:

— А теперь дайте-ка мне вашу руку, Сэм...

Добби взял шприц.

— Нет, нет, сэр, не беспокойтесь, пожалуйста, — спрятал я руки за спину. — Я чувствую себя отлично.

— Как хотите, — серьезно сказал Добби. — Но я редко ошибаюсь в диагнозе...

А наутро я снова почувствовал себя скверно. Не было никаких сомнений, что меня трепал Желтый Джек. И я сам попросил Добби сделать мне впрыскивание.

— Я предупреждал вас, Сэм, — сказал Добби недовольным голосом, пряча шприц в шкаф после того, как сделал мне укол. — Ступайте вниз. Ночные работы для вас отменяются. Дня через три вы начнете мне помогать здесь...

На четвертый день Добби снова сделал мне впрыскивание и побрил меня.

— Теперь надевайте белый халат, и приступим, — сказал он. — Мне надо проделать всего несколько небольших опытов... Впрочем, постойте, я вас сначала проэкзаменую... Что вы знаете о вирусах?

VI

— Хм... — фыркнул Добби, выслушав меня. — Нельзя понять вирусов, не будучи знакомым с основами биологической химии. Но я постараюсь разъяснить вам кое-что. Хм... Где вы учились раньше, чем вас занесло к этому... Мильройсу?

— Я окончил младшее отделение Дижана, — скромно ответил я.

— Как? Вы учились в Дижанском колледже? — изумился Добби. — Что же, ваши родители очень богаты?

— О нет, — вспыхнул я. — Богатым был человек, пла-

тивший за меня в колледж. Но он попал в беду и... умер, может быть. А отец мой не имел таких средств.

— Хм... Ну так вот... — Добби деликатно замял вопрос о бедности моей семьи. — Вы должны знать, что все окружающее нас состоит из элементов... Химических элементов существует девяносто два, начиная с водорода и кончая ураном. Атомы элементов, соединяясь между собой, образуют молекулы, а эти в свою очередь...

— Совершенно ясно, сэр, — счел нужным сказать я. — В дипломе по химии у меня прекрасная отметка. Но, простите, я с удовольствием слушаю вас.

— Итак, каждое вещество, обладающее свойственными ему особенностями, состоит из молекул. Например, хинин состоит из молекул хинина, химический состав которых, расположение и количество атомов точно нам известны. Но измените в молекуле хинина расположение или количество атомов, введите в него новые атомы, перегруппируйте их, и вы будете иметь молекулу не хинина, а другого вещества — скажем, цинхонина или купреина.

— Кажется, они добываются из коры хинного дерева? — спросил я.

— Да. Но в бесконечности веществ имеются очень интересные химические тела — это белки, или протиды. В основе жизни лежит живой белок.

— О, понимаю, сэр.

— Беккари в тысяча семьсот сорок седьмом году выделил простейшее белковое тело — клейковину, и с тех пор белком стали интересоваться как химическим телом. После этого химики получили из животных и растительных тканей множество различных белков. Анализ показал, что строение белковой молекулы отличается исключительной сложностью. Лет шестьдесят назад некоторые ученые начали пытаться химическим путем построить из отдельных элементов белковые молекулы. Действительно, в лабораториях получались любопытные синтетические продукты. Они давали реакцию на белок, но это не были белки. Между тем, если бы удалось искусственно создать белок, Сэм, какая бы это была победа науки!

Я молчал, не желая сказать, что знаю все это из уроков химии.

— Теперь известно, что белок может принять устойчивую кристаллическую форму, как обычные иные химические вещества, а стало быть, белок есть заурядное химическое вещество. Тогда ученые углубились в изучение химической природы белковой молекулы и узнали много дета-

лей ее строения, но... — Добби сделал глубокую затяжку из трубки, — но никто еще до сих пор не смог дать сколько-нибудь правдоподобной пространственной формулы белковой молекулы...

— Очень жаль, сэр, — отозвался я. — Неужели нельзя изобрести чего-нибудь, чтобы...

— Хм... изобрести... — неодобрительно посмотрел на меня Добби. — Задача ученого состоит в том, чтобы наблюдать, сделать из наблюдений правильный вывод и экспериментировать. А чтобы иметь на это право, надо много знать. Трудность эксперимента с белками состояла в том, что в лабораториях химики и физиологи имеют дело с измененным, свернутым, мертвым белком. Он делается таким, лишь только его коснутся химическим реагентом. А ведь основное свойство активного белка состоит в том, что он живет.

— А что такое «живет»? — спросил я.

Добби обрадовался этому вопросу, и глаза его заблестели.

— Жизнь — непрерывный круговорот материи, Сэм, действие, развитие, переход из одной формы в другую. Живой организм — это проявление сложнейшего взаимодействия белковых активных молекул. В организме непрерывно идет распад одних молекул и построение новых, взаимнопроникающий процесс, противоречивый, но единый и вечный. Учитесь, Сэм, думайте над этим, и вы начнете видеть то, чего раньше и не подозревали. Тайна живого белка удивительна, но не мистична...

Он подошел к центрифуге.

— Вы слышали о вирусах, Сэм. Их нельзя видеть в микроскоп, как микробов, но активность их чрезвычайно велика. Достаточно ничтожнейшего количества вируса табачной мозаики, и оно заразит всю плантацию. Первая задача — получить чистые вирусы различных болезней животных и растений. Центрифуги и фильтры служат для этой цели...

Добби приподнял крышку, скрывавшую внутренность центрифуги. Там на вертикальной оси расположились четыре гнезда с пробирками. Вот Добби включил мотор. Ось завертелась, и пробирки под действием центробежной силы приняли горизонтальное положение. Под этим же действием все частички смеси, налитой в пробирки, осядут на дно. Самые тяжелые ниже всех; те, которые легче, расположатся выше. Так используются центрифуги для скорейшего получения осадков из жидких смесей. Для осаж-

дения вирусов нужны особые центрифуги, приводимые в движение сжатым воздухом и делающие до шестидесяти тысяч оборотов в минуту. Вот что получается в результате кропотливых изысканий... Добби остановил центрифугу и показал мне ряд запаянных пробирок, стоявших чинными рядами в подставках на столе.

— Перед вами, Сэм, все известные науке вирусы, выделенные в чистом виде. Вот эта красноватая жидкость с выпавшими мелкими кристалликами — вирус картофельной мозаики. Вот вирус, вызывающий скручивание листьев картофеля. Вот вирус одеревянения плодов томатов. Вот вирусная болезнь, ведущая к карликовости плодовых деревьев. В Японии выводят прелестные крохотные вишневые деревца. Секрет выводки деревьев-карликов передается садоводом старшему сыну на ухо перед последним вздохом как величайшая тайна. А я знаю ее. Речь идет о технике прививки вируса. А полюбуйте на эти разноцветные жидкости и кристаллы. В этой пробирке — чистый вирус ящура. В этой — вирус гриппа. Мне много пришлось с ним повозиться. Самыми восприимчивыми к гриппу оказались хорьки. Кровь их очень нравится вирусам гриппа. Они там накапливаются в громадных количествах, и содержимого этой пробирки хватит, чтобы все население земного шара закашляло и зачихало.

— Какой красивый оранжевый цвет! — обратил я внимание на одну пробирку.

— Да, — произнес Добби, вытаскивая из подставки тонкую пробирку. — Здесь вирус бородавок. Да, самых обычных бородавок. Они тоже вызываются особым вирусом. И если у вас на ладонях завелись эти разражения, то попросите врача выжечь их азотной кислотой. Но вот вирусные кристаллы такого же цвета, а вызывают они на коже не бородавки, а пузырьки — знаете, когда говорят: «на губах высыпала лихорадка». Это — герпес, тоже вирусное заболевание...

— Но как же микробы? — спросил я, сгорая от любопытства.

Добби лукаво усмехнулся.

— Вполне резонный вопрос. Я тоже задавал его себе, когда молодым врачом занялся изучением кори. Меня самого на факультете учили, что нет заразной болезни без заразного микроба. Пастер открыл микроб, но он натолкнулся и на вирус бешенства. Кох открыл холерную запятую и туберкулезную палочку. Но те, кто пошел по его следам, не могли найти микробов — возбудителей це-

лого ряда болезней. Теперь-то мы знаем, что одни болезни вызываются микробами, а другие — вирусами... — Лицо Добби сияло торжеством. — Скоро все должны будут понять, что учение о вирусах так же важно в ряде наук, как и бактериология.

— О, сэр! — воскликнул я в восхищении. — Как жаль, что об этом нам ничего не говорили в колледже! Ведь если вы держите в пробирках такие страшные вещи...

Добби улыбался.

— Вирусы страшны в руках невежд, а не в лаборатории экспериментатора. Он учится управлять ими и переделывать их...

— Как переделывать? — спросил я.

— Сейчас узнаете. Живой организм отвечает на введение в него в известной дозе чужеродного белка очень разнообразно. Самое главное то, что организм вырабатывает антагониста введенному белку. Ваш Мильройс нажил деньги тем, что разработал способ получения антагонистов змеиным ядам. Его лаборанты разводили, скажем, яд кобры, впрыскивали крохотные дозы этого яда лошади или барану, потом отделяли выработанное в крови лошади вещество, и это было противоядие против укусов кобры. С микробами дифтерии поступают так же и получают противодифтерийную сыворотку...

— Но это же так просто, сэр! Тогда надо против всех болезней сделать так.

— Хм... Сказали тоже... «Просто»... — Добби покачал головой, как бы сожалея о моем невежестве. — А вот совсем и не просто. Для каждого заразного начала надо подобрать наиболее подходящую породу животных. Для дифтерии нашли лошадь. Для вируса оспы — теленка. Для вируса гриппа...

— Хорька, — подхватил я, чтобы показать, что понимаю.

— Сэм, вы делаете успехи, — рассмеялся Добби. — И сейчас вы увидите, как тот же эксперимент можно использовать по-другому.

Добби подошел к лабораторному столу, на котором стояли два растения.

— Это — из семейства пасленовых, — сказал он. — Они сродни картофелю. Одно из них заражено вирусом мозаики. Требуется узнать, какое из них здоровое, а какое больное...

Мне незачем было задумываться.

— Надо разломать стебель и посмотреть, загнил он или нет.

Добби стукнул ладонью по столу.

— Загнивание развивается не сразу, во-первых. А если у вас пять тысяч акров под этой технической культурой? Что ж, вы и пойдете ломать стебли?

— Простите, сэр, я сказал, не обдумав.

— Вот то-то, — смягчился Добби. — Хм...

Тут он взял предметное стеклышко, сорвал с одного растения лист и выжал капельку сока на стеклышко. Потом подошел к умывальнику, вымыл руки с мылом и чистыми руками сорвал лист с другого растения и тоже выжал капельку сока на стеклышко рядом с первой капелькой так, чтоб они не сливались.

— Смотрите, Сэм. Одинаковые капли? Обе прозрачны?

— Да, сэр. Ни за что не отличить.

— Хорошо. Теперь я, видите, беру вот эту ампулку. В ней содержится разведенная сыворотка кролика, которому я несколько раз прививал вирус мозаики. Что произошло в крови нашего кролика?

— В нем выработалось особое вещество, сэр... — нерешительно пробормотал я.

— Верно, Сэм, — ободрил меня Добби. — Вещество, которое при соприкосновении с данным вирусом вызывает определенную реакцию. Какую? Увидите. Смотрите.

Он осторожно капнул из ампулки прозрачной кроличьей сыворотки в первую капельку сока растения. Капля увеличилась, но осталась прозрачной.

— А вторая капля, Сэм...

Лишь только сыворотка смешалась с соком второго растения, капля на стеклышке помутнела, будто туда капнули молоком.

— Вот интересно! — прошептал я. — Значит...

— Значит, первое растение здоровое, а второе больное, — торжественно сказал Добби. — Кролик выработал в себе так называемые агглютинины, вызывающие склеивание, свертывание заразного начала. У людей подобным же способом можно узнать, действительно ли человек болен брюшным тифом.

Я находился в приподнятом настроении, но оно еще больше повысилось, когда Добби сказал:

— Надеюсь, вы поняли? Вполне? Ну, продолжайте теперь опыт сами...

Руки мои дрожали, когда я работал над стеклышком. Опыт у меня удался. Добби одобрил:

— Прекрасно. Теперь вы будете каждый день прозирать здесь под моим наблюдением сыворотку животных нашего вивария. Им привиты различные вирусы, и надо наблюдать за результатами. У меня освободится время, чтобы работать над рукописью. Да, Сэм, это будет хорошая книга.

— О, я уверен в этом, — сказал я, с восторгом глядя на Добби.

Итак, я начал работать у Добби в лаборатории. Он выучил меня брать кровь от подопытных животных, отделять в центрифугах сыворотку от кровяных шариков, и я уже начал думать, что понимаю очень многое.

Добби лечил меня от малокровия, этого проклятого последствия желтой лихорадки, и я чувствовал себя как-то особенно жизнерадостно. В порыве откровенности я рассказал Добби несколько эпизодов из своих скитаний, остановившись на моей жизни в Индии и Бирме. Насчет арены и Мацатлана я стеснялся упоминать. Ах, бедный доктор Рольс!.. Мне до сих пор было больно вспоминать о нем.

Однажды я спросил за обедом Добби, почему он забрался сюда, на эту площадку над скалой Двух Роз. Добби долго молчал, и я подумал, что он не хочет отвечать. Но он печально посмотрел на меня и сказал:

— Вы забыли о контракте, Сэм. Но это место связано со старинной легендой, которая мне нравится. На этой площадке когда-то Купидон подарил Гарпократу, мифическому богу молчания, две розы, чтобы тот молчал и никому не говорил о шалостях богов. А Гарпократ обиделся и бросил розы с обрыва. Цветы, упав, окаменели, обратились в скалы... Роза, Сэм, — эмблема молчания. Лепестки ее будто плотно сжаты, как губы, не желающие выдать тайну. Пока не кончен контракт, Сэм, помните о розе и молчите...

В тот день Добби был задумчив, печален и как будто расстроен.

Вечером я подошел к решетке, чтобы взглянуть на скалу Двух Роз, и отпрянул. На шоссе у скалы внизу стоял маленький человек и внимательно рассматривал в бинокль виллу Добби.

Девятая тетрадь

I

Так прошла зима. Моя тоска по дому становилась все сильней, и наконец наступило такое весеннее утро, когда мне снова страстно захотелось хоть одним глазком взглянуть вблизи на отца, на дядюшку и на Эдит Уинтер. Я больше не мог противиться этому желанию и решил, что свято выполню контракт и ни с кем в Эшуорфе не промолвлю ни слова. Я только взгляну издали на отцовский домик, на Эдит и возвращусь. Был как раз очень удобный для отлучки момент. Добби заперся наверху и сказал, что он занят перепиской своей рукописи и не выйдет к обеду. Мигли возился в кухне. Я небрежным тоном сказал ему, что буду работать в виварии и чтоб он меня не беспокоил. А то была у Мигли такая скверная манера: вдруг показываться в сарае, смотреть на меня, что-то ворчать себе под нос и потом удаляться.

С трепетом перешагнул я порог железной ограды.

Знакомыми с детства тропинками я быстро спускался в Эшуорф. Так было ближе. Легкомысленно я радовался, как птица, вылетевшая из клетки. Казалось, будто еще вчера я бегал по этим холмам вместе с мальчишкой Эдом и другими сорванцами, спускался по этим заросшим диким терновником склонам. Здесь я мечтал побродить по белу свету. О, каким сплошным праздником рисовалось мне тогда кругосветное путешествие и каким жестоким испытанием оказалось оно для меня в действительности! Впрочем, я не жалел об этом. Узнав невзгоды бродячей жизни, я в то же время познал очарование постоянной смены впечатлений. Жестокость судьбы часто оказывается мнимой. Судьба заставила меня бродить по планете, но зато она познакомила меня с жизнью в самых интересных ее проявлениях.

Такие мысли пришли мне в голову, когда, не оглядываясь, приближался я к скале Двух Роз, бодро спускаясь по извилистой знакомой тропе. Она попрежнему камениста и по обочинам окаймлена вереском, просыпающимся от зимней спячки под влиянием весеннего воздуха и солнца. Вот старый обгоревший пенёк громадного дуба, когда-то сожженного в бурю молнией. Около него пробивались сквозь прошлогоднюю листву крупные темные фиалки, напоминавшие глаза Эдит. Лишайники облепили почерневшую кору старого пня, а хлопотливые муравьи уже по-

строили здесь свой затейливый городок. Когда они успели это сделать? Да, прошли дни моего детства. Оно теперь далеко позади вместе с той бурной ночью, когда весь Эшуорф смотрел снизу на пылавший дуб.

А вот и скала Двух Роз! Дожди и ветры разрушили вершины громадных камней. Издали они напоминали очертания цветочных тугих лепестков. Сколько раз любовался я отсюда прелестным видом побережья и никогда не мог наглядеться досыта! Картина здесь была более выпукла и красочна, нежели с вершины Черного Холма. Прямо передо мной расстилалась величественная ширь океана и приятная округлость Эшуорфского залива. Маяк у мыса Джен казался крохотной спичкой, воткнутой в извилистый рисунок берега. На далеком горизонте низкие слоистые облака сливались с густыми полосами дыма. Там совершали свои рейсы пароходы линии Европа — Америка. По берегу направо в дымке веселого теплого утра растянулись поселки Олдмаунта. Домиков Уэсли с его шлюзами на канале не видно — они скрыты от меня горой Шарпи, позади которой должен тянуться Тоннель Фомы. Коричневое пятно крыши замка с четырьмя готическими башенками выглядывает из-за лесистых холмов. Это замок Олдмаунт. А под ногами у меня совсем близко Эшуорф. У берега знакомые очертания пристани, мачты рыбацких шхун, белые пятнышки парусов гоночных яхт. Слева через шоссе к ручью тянутся ряды скученных низких кирпичных сараев. Еще поворот, и я вижу памятный мне мостик, где я простился с Эдит...

По родным улицам старого Эшуорфа я шагал с благоговейной медлительностью, низко надвинув на глаза шляпу, чтоб не быть узнаваемым. Все так, как было. Нет, вернее, почти так. Над «Нептуном» попрежнему на проржавевших петлях качалась полинявшая вывеска с угрожающим трезубцем бога морей. Но теперь лица бога не видать. Оно окончательно смыто потоками осенних ливней, а трезубец искривлен и беспомощен. Но под тентом трактира и сейчас, как обычно, матросы играли в кости, курили, стучали стаканами, обменивались крепкими солеными словами. В окне аптеки попрежнему красовалась сушеная ящерица, а громадные стеклянные шары, наполненные разноцветными жидкостями, величественно покоились по сторонам ее. Помню, по вечерам старый Орфи зажигал позади шаров огарки, тогда ящерица лежала в таинственном сине-зеленом освещении. И каждому было ясно, что здесь аптека.

Когда я вошел в аптеку, там вместо старика Орфи с

покупателями занимался молодой дрогист. По выпуклым бараньим глазам и веснушкам я узнал в нем Эда. Но, странное дело, Эд совершенно не узнал меня, хотя, забывшись, я приподнял шляпу и Эд отлично видел меня. Нас разделяло только неширокое пространство аптечного прилавка, и Эд вопросительно смотрел мне прямо в глаза.

— Что прикажете, сэр?

— Нет ли у вас средства от одышки? — произнес я, от волнения еле переводя дыхание и боясь, что Эд узнает меня. Было очень неосторожно с моей стороны заходить в аптеку. Надо скорее убираться.

Но Эд сделал любезное лицо, которое делают приказчики перед незнакомым покупателем.

— О, конечно... Вот пилюли... Эссенция несколько дороже...

Он поправил галстук, стягивающий его гуттаперчевый воротничок, и голос у него приобрел лирический оттенок, как у его отца:

— Разрешите то и другое? Изготовлено нами по рецептам доктора Флита. Кстати, позвольте вам вручить проспект и визитную карточку доктора. Он принимает ежедневно.

Молча кивнув головою, я уплатил деньги. В аптеку вошел кто-то, настойчиво требуя лакричного порошка. Это был маленький человечек в картузике с длинным козырьком. Подходя к прилавку, он толкнул меня и не извинился. Сунув в карман пилюли и эссенцию, я поспешил уйти.

Вот и харчевня «Королевский тигр». Мальчишки-газетчики бежали навстречу, весело выкрикивая последние новости:

— Кража бриллиантов у герцогини Аксит! Митинг горняков в Уэсли!

Однорукий высокий старик в порыжевшем цилиндре и старомодном сюртуке остановился около меня.

— Эй, газету!

Лохматый мальчишка сунул старику свежий номер и помчался дальше. Старик ловко одной рукой развернул газету, пробежал глазами по страницам и равнодушно посмотрел на меня.

Дядюшка Реджи — это был он — не узнал меня, как и Эд. Вот он двинулся по тротуару, расправляя плечи и выпячивая грудь. Мне нестерпимо хотелось догнать его и крикнуть:

«Дядюшка, милый, постойте! Это я, ваш малыш Сэм. Расскажите мне об отце. Как живет Эдит? А вы попреж-

нему ходите в «Королевский тигр», чтобы посидеть там вечерок за рюмкой померанцевой? Все еще философствуете там с приятелями, родной мой?»

Дядюшка свернул в харчевню, а я прошел боковой улочкой на старую рыночную площадь, пропахшую рыбой и гнилой зеленью. Вот пройду мимо лавок и увижу за углом крышу отцовского домика. Но на углу тихой когда-то улочки теперь расположилось круглое брезентовое сооружение, которое заставило меня вспомнить мои артистические похождения. Вывеска с размалеванными рожами возвещала о гастролях какого-то укротителя, и мальчишки возбужденно вертелись около кассы этого бродячего цирка.

Доктор Флит важно направился со своими некрасивыми дочерьми, вероятно, за билетами в цирк. Они отлично знали меня. Теперь, столкнувшись со мной, все трое посмотрели на меня пустыми, безразличными глазами.

Домик отца показался мне необитаемым. Дым не вился над кухонной трубой. Я прошелся мимо. На дощечке дома владельцем значился Реджинальд Бранд, а не Айзидор Пингль.

— Боже мой... Неужели отец?..

Старая Оливия сидела на крыльце с вязаньем^о и не узнала меня. Подойти к ней? А мое слово? Контракт? Ведь Добби буквально вернул мне жизнь. Надо быть честным по отношению к нему.

Я махнул рукой. Пустынно было и в садике Уинтеров. Я медленно пошел обратно, тая в душе такую тоску, какой не испытывал никогда.

«Проклятый контракт! — думал я, ускоряя шаги. — Пора обратно к Добби. Да, скорее бы развязаться с ним...»

II

Весенней красотой блистал тот день. Солнце величественно горело над спокойною гладью океана. Прохладный ветерок ласково касался моего лица. Подъем не утомлял, так как я с детства привык лазать по горам.

«Но почему все-таки никто не узнал меня в Эшуорфе? Неужели я так изменился?» — подумал я, выбравшись на площадку к вилле. За изгородью слышался радостный лай Кипа, почуявшего мое приближение.

Я остановился, перевел дух, вытер влажный лоб носовым платком и вздрогнул: мне показалось, что мое лицо... было не мое, а чужое.

Опрометью я бросился к вилле. Веселый Кип подбежал ко мне, но получил здоровенный пинок ногой. Я влетел в кухню. Позади меня визжал оскорбленный Кип. Мигли хлопотал у плиты над кофейником.

— Где вы пропадали? — прошипел Мигли. — Мистер Добби все время спрашивал о вас... Вот погодите...

Но я воззрился на повара.

— Мигли, глядите на меня...

Тот скосил на меня глаза.

— Ну, гляжу. И что?

— Ничего не замечаете?

— Ровно ничего.

— Неужели ничего? Смотрите внимательнее...

Мигли строго сдвинул брови.

— Перестаньте шутить, Сэм. Видите, я занят. Что с вами?

Я приблизил свое лицо к лицу Мигли.

— Я не шучу. Неужели ничего не заметно?

Мигли топнул ногой.

— Заметно... Тьфу... Вы пьяны, как последний пропойца. Ваш туалет не в порядке. И вы в подобном виде осмелитесь явиться перед мистером Добби? Убирайтесь к себе и пропнитесь...

Внезапная мысль ураганом ворвалась в мозг: «Зеркало!»

Схватив Мигли за руку, я прохрипел:

— Дайте зеркало...

Мысли скакали в моей голове галопом, как лошади на арене: «В этом доме — ни одного зеркала. Таинственный отшельник не заботился о своей наружности, а меня брил? Ха-ха!»

— Умоляю, Мигли, все, что хотите, за осколок зеркала! Но тот оттолкнул меня.

— Тише вы! Услышит мистер Добби. В таком виде...

Я рассвирепел:

— К дьяволу, в ад, Мигли! Здесь не полагается зеркал?

На плите грелся пузатый блестящий кофейник. Ага!.. Я схватил булькающий кофейник, посмотрелся в него, как в зеркало, ничего не разобрал и поставил мимо плиты. Кофейник грохнулся, и кофе черной дымящейся лужей расплылось по полу. Прыгнув, будто взбесившийся кот, к кухонной полке, я поскользнулся в луже, но все-таки сорвал с гвоздя начищенную медную кастрюлю и приставил ее дно к своему лицу. Жадно всматривался я в это примитивное зеркало. Из кастрюли на меня отсвечивала незнакомая рожа... Тогда я расхохотался, зачерпнул ка-

стрюлей воды из бака и, все еще смеясь, выбежал на воздух. Я знал, чем заменить зеркало. Наши прародители пользовались зеркальной водной гладью, чтобы посмотреть на себя. Во дворе я поставил кастрюлю на землю и подождал, когда вода станет спокойной и неподвижной. Я не обращал внимания на то, что из кухни доносились неголующие крики Мигли. Занятый только собою, я наклонился над прозрачным водным кругом.

Холодный ужас сковал меня от головы до пяток. В воде отражалось лицо, совсем не похожее на мое.

Но оно исчезло. Вода тоже исчезла. Она живительным каскадом вылилась на мою разгоряченную голову. Строгий голос раздался надо мною:

— Где вы сумели так напиться, Сэм?

Насмешливый взор Добби встретился с моими поднятыми вверх глазами. С легкой брезгливостью Добби отчитывал меня:

— Мало того, что вы убежали, нарушив контракт. Вы еще пьянствовали? Ведь я же просил не возобновлять ваших эшуорфских знакомств. Боже мой... И этого алкоголика я допустил к себе в лабораторию! Вы, пожалуй, вздумаете напиваться реактивами и закусывать препаратами. Теперь с вас все станется...

Шатаясь, я приподнялся с земли.

— Дорогой мистер Добби, уверяю вас, я не выпил ни капли спиртного, клянусь честью. Правда, я навестил Эшуорф, но здесь такая тоска...

— Это не извиняет вас, — сухо произнес Добби. — Почему вы буйствовали в кухне?

— А как же, сэр? — воскликнул я. — Рыжий Эд не узнал меня. Дядюшка тоже! И что-то странное случилось с моим лицом. Я могу подробно рассказать вам... Ведь я же не узнаю себя!

Подошел Мигли и заворчал:

— Прогоните его, сэр. Но только пусть сперва он вымоет пол в кухне. Стыдно, Сэм, нехорошо...

Но Добби ласково обнял меня, совершенно обессиленного и потрясенного.

— Идите к себе в комнату, а вы, Мигли, дайте ему холодного молока. Он прошелся по солнцу, и ему напекло голову. У вас мигрень, Сэм...

— Вы слишком добры, сэр, к этому озорнику, — ворчал Мигли. Но скоро сменил гнев на милость, сказав мне: — Пойдем, уж так и быть...

Я жадно опустошил кружку молока в кухне, и мне ста-

ло легче. У себя в комнате я сел на кровать. В дверях стоял Добби, добрый и приветливый.

— Ну что, Сэм? Какой вы неврастеник, ай-ай... Голова у вас на плечах, и это самое главное. Вот посажу вас на диету, чтоб не смели бегать...

Мне ужасно захотелось спать. И снился мне прекрасный сон, будто на собственной роскошной яхте я плыву по Карибскому морю. У края борта, под полосатым тентом верхней палубы, я развалился в удобном плетеном кресле. На столике передо мною во льду минеральная вода с сиропом. Жарко. Тянусь к бокалу с прохладительным и не могу дотянуться...

Рукой я больно ткнулся о жесткую стену и проснулся.

Знакомый четырехугольник окна слабым контуром освечивал в ночной мгле, и я не сразу сообразил, что лежу в постели, в доме Добби, а не на палубе яхты. Хотелось зевнуть, но зевок застрял у меня в горле. Мне показалось, что кто-то мягкими шагами, словно человек в одних шерстяных чулках, только сию минуту вышел из моей комнаты и с осторожностью закрыл за собой дверь. Жизнь уже успела научить меня некоторой сообразительности. Я не пошевелился, а осторожно вытянулся, дыша медленно и беззвучно, и сжал кулаки, готовый вскочить и драться. И в то же время я сам не верил себе. В детстве мне приходилось испытывать по ночам беспричинные страхи, и я знал, как с ними бороться. Надо думать о чем-нибудь интересном, и тогда страх пройдет сам собой.

«Эд не узнал меня... Солнце напекло мне голову... Что случилось?»

Жажда мучила меня, и я протянул руку к ночному столику. Кружка оказалась наполненной молоком. Я выпил его и прислушался. Как изумительно тихо! Добби, наверное, сидит в кабинете, а Мигли спит в дальней комнате. Я поставил кружку на место и... застыл. В квадрате окна показался странный силуэт. Он промелькнул, потом приблизился к стеклу. Я успел откинуться головой на подушку и закрыть глаза, оставив только узенькие щелочки между веками, как это делают, притворяясь спящими, леопарды.

За стеклом окна вспыхнул электрический фонарик. Луч его, будто от крохотного прожектора, остановился на моем лице на две-три секунды и пропал. А я неподвижно лежал в прежней застывшей позе крепко спящего человека. Луч еще раз вспыхнул, снова упал на мое лицо и потух. Выждав минуты две, я медленно раскрыл глаза. Тень за окном

исчезла. Далекие звезды равнодушно поблескивали в окне и успокоили меня. Холодное безразличие к окружающему внезапно проникло мне в сердце, и мысли стали обостренными и яркими.

Воры? В змеином парке я приобрел опыт в ловле воров и решился. Стараясь соблюдать тишину, я приподнялся и посмотрел в окно. Сбоку на дереве отражался свет из лабораторий. Осторожно я открыл дверь моей комнаты. Она выходила в коридор, каждый закоулок которого я знал наизусть. Будить Мигли и Добби раньше времени мне не хотелось. Я проскользнул через кухню и бесшумно отпер наружную дверь. Кип вынырнул из темноты и ласково лизнул мне руку. Я почесал собаке голову между ушей, как бы прося прощения за мою дневную грубость. Кип потерялся о мои ноги и вздохнул, может быть прощая меня и радуясь состоявшемуся примирению. Он понимал, что повизгивать сейчас нельзя. Я слышал, как он энергично помахивал хвостом.

Глаза мои привыкли к ночной темноте. Было не позднее двух часов ночи. Заря должна была заняться только в три. Над океаном, вероятно, лежали густые облака, и там зияла бездонная, черная пустота. Над моей головой неподвижным росчерком сияла Кассиопея, гигантское дублье вечных небесных писем. За виллой на фоне звездной искрящейся ткани Млечного пути угадывалась линия низких гор. За ними скорее чувствовались, чем виднелись, смутные отблески далеких отневых скопищ большого города.

Кип медлил укладываться в своем домике у крыльца. Он фыркнул, обнюхивая землю, и наконец со вздохом спокойно улегся. Значит, во дворе никого постороннего не было. Я успокоился, но мне захотелось посмотреть, что делается по ночам во втором этаже, у Добби. Повернув за угол, я тихо отступил под лапчатые своды каштана. Освещенное окно, прикрытое белой занавесью, было видно как на ладони. На фоне занавеси двигался силуэт, не похожий ни на Добби, ни на Мигли. Кого он напоминал мне? Чорт возьми!

Остолбнев, я даже не мог поднять руки, чтобы почесать у себя в затылке, и пришел в себя лишь тогда, когда кто-то навалился на меня и сшиб с ног. Сильные шершавые руки больно придавили меня за шею к земле...

— Сюда, сэр, сюда! — закричал надо мною голос Мигли. — Я поймал его.

— Да пусти меня, — барахтался я, стараясь вырваться из рук повара. — Теперь ты взбесился, старый хрыч!

В схватке мы катались по газону. Прибежавший Кип ожесточенно лаял.

— Ага, наконец-то! — услышал я голос Добби. — Держите его крепче, Мигли!

К нам спешил Добби с фонарем. В руках его блестела игрушка, которую я не любил видеть направленной против себя. Она напоминала мне манеры дель-Аронзо.

— Крикните Сэма, Мигли! — распорядился Добби, подойдя вплотную.

— Я здесь, сэр, — пробормотал я. — Прикажите Мигли отпустить меня.

Свет фонаря осветил мое лицо. Руки Мигли разжались. Я сел на газон, прислонившись к стволу каштана. Добби скрипнул зубами.

— Сэм! Чорт побери, зачем вы очутились здесь?

Я виновато опустил голову.

— Простите, я забыл предупредить вас, что вся моя родня в моем возрасте страдала лунатизмом. Это у меня наследственное. Спасибо доброму Мигли, а то бы я в лунатическом состоянии забрел на шоссе и свалился с обрыва...

— Не слушайте его, сэр, — проговорил Мигли сердитым басом. — Он говорит неправду. Он тут бродит больше часу. Запереть бы его в погреб, а утром разберем, что в нем наследственное.

— Уверяю вас, мистер Добби, — сказал я, вставая и держась за шею. — Мне показалось, что кто-то заглянул ко мне в окно...

Мигли свирепо затряс головой.

— Слишком много вам кажется всяческого вздора, парень. Так пугать мистера Добби с вашей стороны бессовестно...

Добби спрятал игрушку в карман и кивнул мне.

— Идите спать. Завтра утром я разберу все ваши приступы глупости.

Над горами слабо розовело небо. Укладываясь у себя, я слышал, как Добби поднимался по лестнице в лабораторию.

III

Весеннее солнце заодно заползло ко мне в комнату через окно. И, как всегда, в дверь раздался деликатный стук.

— Вставайте, Сэм. Завтрак готов, — прозвучал за дверью ворчливый голос Мигли.

Я быстро умылся и оделся. В кухне всё было, как обычно.

— Доброе утро, Мигли.

Повар кивнул головой.

— Доброе утро, Сэм.

Он сказал это добродушно, почти ласково и добавил серьезно:

— Мистер Добби приказал вам позавтракать здесь, потом заняться с клетками номер шесть и семь. Он позовет вас позже...

— Слушаю.

— Прекрасная погода, — заметил Мигли, смотря на меня.

— Совершенно верно, — любезно пробормотал я, косясь на сковородку, где шипел аппетитный бифштекс. А от жареного картофеля по всей кухне разносился невероятно приятный аромат. Мне ужасно захотелось есть.

Размешивая луковый соус в сотейнике, Мигли сказал:

— Нарезьте себе хлеба, Сэм. Что вы сидите нахолившись? У вас такое выражение, будто вы не проснулись...

— Я не спал полночи, вы знаете, — вымолвил я, разумея события недавних часов, и занялся хлебом.

Но Мигли насмешливо надул губы.

— Да вы храпели всю ночь.

В изумлении я разинул рот.

— Что с вами, дорогой Мигли? А кто мне сегодня ночью чуть не сломал шею? Ведь вы приняли меня за вора.

Повар степенно поставил на стол блюдо с бифштексом и медленно покачал головой.

— Нарезали хлеба? Ну ешьте, ешьте, пока мясо горячо. А потом примите холодный душ и не болтайте глупостей. Когда это я вам ломал шею?

— Ах, не ломали? Очень хорошо... — пробормотал я в раздумье и пощупал себе лоб. Но он не носил никаких признаков лихорадочного жара.

Бифштекс изнывал в собственном соку, и я вонзил в него вилку. Надо было запастись силами. Проглотив первый кусок мяса под восхитительным луковым соусом, я вспомнил штрих из событий минувшей ночи и выскочил на крыльцо.

— Что с вами? — бросился Мигли за мной. — Вы подавились?

— Приступ легкого удушья, — мягко ответил я, жадно

глотая воздух и поглаживая себе грудь. — Надо пройтись, Мигли.

Я старался как можно равнодушнее смотреть на развесистый каштан, покрытый весенними разворачивающимися почками, а сам внимательно разглядывал траву под ним. Газон был несколько примят.

— Не топчите газона, Сэм! — закричал Мигли, когда я хотел подойти к дереву. — Мистер Добби там посеял настурции...

Вздыхнув, я вернулся в кухню. Бифштекс успел остыть. Но я с остервенением жевал его, думая: «Неужели приснилось?»

За кофе я сказал повару:

— Простите, Мигли, если я когда-нибудь огорчил вас...

Но тот сказал просто:

— Что вы, Сэм... Деликатней вас я не встречал человека. Хотите еще чашку?

Поблагодарив Мигли в самых изысканных выражениях, я от предложенного не отказался, но тут раздался звонок, призывающий меня в лабораторию.

Добби встретил меня так, как будто ничего не случилось.

— Доброе утро, Сэм. Готовьте мазки из пробирок тринадцать — двадцать девять. Потом разлейте спирт по колбам.

Он указал на длинный ряд склянок, стоявших на столе и наполненных какими-то сушеными ягодами.

— Слушаю, сэр.

— Какой у вас мрачный вид, Сэм, — заметил Добби, когда я взялся за бидон со спиртом. — Брови сдвинуты. Посмотрите на себя.

Какова насмешка! Я вздрогнул от негодования.

— Сэр Добби, в контракте не написано, что вы можете издеваться надо мною...

— Что такое? — Добби спокойно стоял посредине лаборатории. Голос его был жестким и ясным. — Что такое? Я жалею вас, а не издеваюсь. Я хочу помочь вам...

— Помочь?

— Да. Вы помните, как вы вчера бесились? И вы правы, Сэм. Возьмите в шкафу зеркало и посмотритесь.

— Кажется, в этом доме не полагается зеркал, — угрюмо заметил я.

Добби нахмурился.

— С чего вы взяли? Берите зеркало. Оно в шкафу.

Подавляя волнение, я раскрыл шкаф. На полке среди футляров и склянок лежало хорошее ручное зеркало.

Какое у меня заспанное небритое лицо! Странное чужое лицо! Это не я!

Зеркало выпало из моих рук и раскололось.

— Какой неловкий! — с досадой сказал Добби, поднимая осколки.

— Что со мной? — в страхе прошептал я, ощупывая свое лицо. — Проказа?

Добби взял меня за плечи и силой усадил на табурет.

— Плаксивый мальчишка! Трус, которого я считал смельчаком! Не хнычьте!

— Расскажите, что произошло здесь со мною? — сухо произнес я.

Добби усмехнулся.

— Какие у вас, Сэм, ненавидящие и непонимающие глаза. Постарайтесь понять, что я скажу, и вам станет неловко за ваше недоброжелательство... Хм... Хм... Здесь с вами не произошло ровно ничего плохого... Но вы жили в Бирме, держали в руках джирр и заразились от них так называемой «болезнью пигмев». Это очень ядовитый вирус, дающий изменения в тканях организма. Известно, что некоторые виды джирр служат переносчиком этого вируса.

Вне себя я вскочил с табурета.

— Я не верю вам! Мильройс понимал в змеях больше вашего! И что-то я не слышал от него, чтобы джирры передавали вирус. Надо послать ему телеграмму в Рангун, спросить его... Он знает вирусы лучше вас. Он — настоящий ученый, мой добрый Мильройс...

Добби покачал головою.

— Ах, Сэм, разве я не знаю всех, кто занимался или занимается вирусами? Давайте запросим Мильройса, но он ответит то же самое. Пути передачи вирусов многообразны. Их надо еще долго изучать. Вот где возможны интересные открытия. Об одном таком я расскажу. Оно касается вас...

В знак согласия я низко опустил голову и сел на табуретку.

IV

— Когда-то, очень давно, — начал Добби, — у меня был молодой друг. Теперь его нет на свете. Его постигло несчастье. Познакомился я с ним... в Бербере. Есть такой порт в нашем Сомали. Знаете, в Африке? Его всегда влекло к путешествиям. В юности он заботился не только о

месте под солнцем и не только о куске хлеба. Голова тоже требует пищи. Ум развивается от чтения хороших книг. Друг мой часто голодал, но жадно читал все, что касалось животных и растений. Ему хотелось сделаться ученым. Он скопил деньги и отправился в Центральную Африку. Вот на пути туда мы и познакомились.

«Я хочу, — говорил он мне, — сделать какое-нибудь выдающееся географическое открытие. Как эта мысль мучает меня, если бы вы только знали, мистер Добби!»

Но что я мог ответить ему? Что надо честно работать? Что открытия не делаются случайно? Что и географу-путешественнику надо быть готовым на подвиг?

В Центральную Африку сам я ехал достаточно подготовленным и с определенной целью — поискать интересные растительные вирусы. С молодым человеком я особенно подружился, когда мы добирались до Харара. Мы решили двигаться и дальше вместе. В столице Абиссинии Аддис-Абебе мы объединили наши небольшие караваны и тронулись на запад.

Через перевал Бонт мы дошли до плоскогорья Угого. Население там очень низкорослое, живет в тростниковых хижинах, в вечном страхе перед дикими зверями, а еще больше перед местными предпринимателями, которые заставляют их рыть по руслу пересохших речек золотоносный песок. Мы с другом жили в тесной деревенской хижине, дожидаясь конца неприятной дождливой тропической зимы...

Нельзя сказать, чтобы окрестности Угого были живописны. Небольшие рощи пандусов казались оазисами среди необозримых пространств, поросших диким кустарником. Поля около деревни — не помню сейчас ее названия — были скудны и тощи. К грубой маисовой пище пигмеев Угого примешивали растертые оранжевые ягоды с кустарников, стряпали из этого месива толстые лепешки и жарили их на раскаленных углях. Это была основная еда пигмеев. Примерно такую же картину на пути мы наблюдали и в Уганде. Но Уганда восточнее Угого, ближе к морю. В Уганде людям иногда удается отведать свежего мяса буйволов и привозных консервов. А Угого — проклятое местечко. Ничего интересного для меня там не оказалось, и мы оба уже думали об обратном пути. Мы хотели идти на север, добраться до истоков Нила у Вадели, спуститься вниз к Ассуану и распрощаться с Африкой в Каире.

Однажды на экскурсии мой друг набрел на заросли колючего кустарника, покрытого желтыми липкими, масляни-

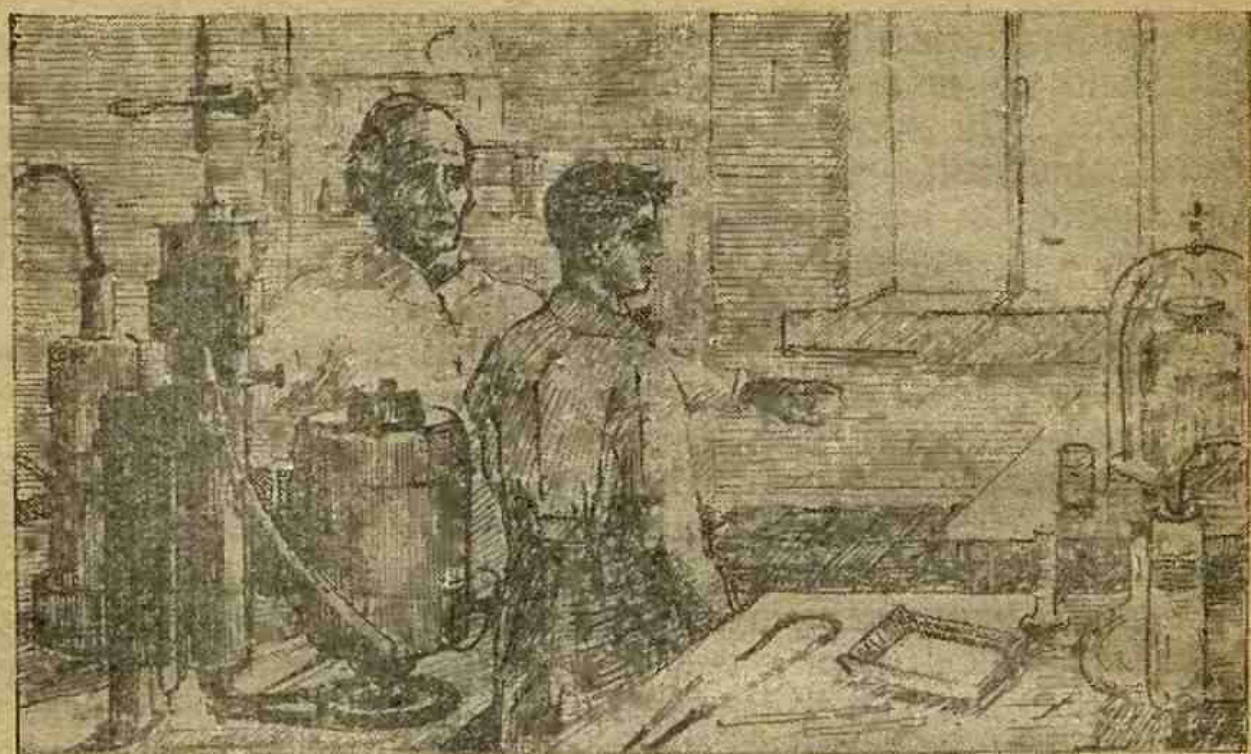
стыми ягодами. Это растение показалось мне интересным. Но оно не произвело никакого впечатления на молодого человека. Он жаждал необыкновенных открытий, к чему ему были какие-то невзрачные кусты, похожие на можжевельник? Он вообще так разочаровался в нашем путешествии, что вскоре отправился на север, не дождавшись меня.

Когда однажды я принес растение с желтыми ягодами в деревню, туземцы через переводчика сказали мне, что оно называется у них «бушм-агого», что значит «колючка бушменов», и что сок желтых ягод обладает особой таинственной силой. Я стал собирать ботаническую коллекцию разновидностей колючки, и тут мне пришлось видеть, как джирры кишмя кишели под этими кустами. Мои ботанические экскурсии были очень опасны. Я брал с собой десятка два туземцев, и они очень смело и ловко выгоняли из-под кустов змей, к которым я и теперь испытываю отвращение. Много мне пришлось тогда потрудиться, но я не жалею об этом. Колючка меня очень порадовала. Ягоды ее тоже употреблялись в пищу пигмеями Угого, но лишь в определенное время года. И вот как это у них происходило.

Когда кончались дожди и деревня готовилась праздновать наступающий день новолуния, женщины отправлялись в степь и возвращались с полными корзинами знакомых мне ягод. Они готовили из них густой терпкий маслянистый сок, разбавляли его водою, а выжимки примешивали к лепешкам. Я внимательно присматривался к этой работе чернокожих хозяек. У меня был очень хороший, опытный переводчик и некоторый запас спирта. Благодаря этому старики Угого охотно пригласили меня на свой праздник. С заходом солнца у туземцев начались пляски и дикая музыка на тростниковых дудках, сопровождаемая треском барабанов. Потом Угого пили ягодный сок, видимо перебродивший, потому что плясуны скоро опьянели, и жены развели их по хижинам спать. Три дня вся деревня питалась этими лепешками из плодов колючки. Угощали и меня, но переводчик и сам не ел и мне не посоветовал. Он сказал так: «Угого считают, что плоды колючки придают силу, бодрость и долголетие тем, кто употребляет их в пищу. Но плоды не позволяют человеку расти, он навсегда остается низкорослым».

Действительно, среди низкорослых Угого попадались крохотные карлики, с отвисшими животами обжор, но удивительно сильные, несмотря на их седые бороды и морщинистые лица.

Ах, умел говорить сэр Добби!..

— Что же дальше? — спросил я.

— Мне удалось выделить из желтых ягод чистый вирус, превращающий листья некоторых растений в колючки. Я прожил в Угого два года и проверил на опыте это превращение. Это дало толчок тому, что я окончательно посвятил свою жизнь вирусам. То, что произошло с вами, подтверждает мои открытия. И не надо отчаиваться. Я помогу вам. Я вылечу вас.

Рассказ Добби был правдоподобен. Мне не было расчета сейчас ссориться с хозяином. Пусть он вылечит меня от этого вируса. И я произнес виноватым голосом:

— Простите меня, сэр. Кажется, я очень неблагодарное существо. Но войдите и в мое положение...

— Все обойдется, Сэм, — дружелюбно тронул меня за плечо Добби. — Вирус карликовых растений оказался первым, который мне удалось потом перенести на лабораторных животных. В чем моя цель изучения вирусов? Изучить — чтобы приручить, сделать их полезным орудием в руках человека.

Ах, умел говорить сэр Добби и заставлял слушать себя!

— От вашего заболевания не останется и следа, Сэм, — уверенно сказал он.

— Простите, а я не уменьшусь и не сделаюсь карликом? — боязливо спросил я.

— Да нет же, — засмеялся Добби. — Ну, разливайте спирт по колбам. В них как раз и находятся, видите, желтые сухие ягоды «бушм-агого». Мы составим из них экстракт, отгоним спирт и получим кристаллическое вещество, которое очень интересно по своим свойствам. Если впрыснуть его кролику, то сыворотка этого кролика станет способной нейтрализовать действие вируса колючки. Эта сыворотка совершенно вылечит вас, Сэм...

— Спасибо! — радостно сказал я. — Уж я постараюсь помочь вам в получении сыворотки.

В тот день я работал с большим азартом.

За обедом я спросил Добби:

— Какое же несчастье постигло вашего друга, о котором вы рассказывали?

Добби тяжело вздохнул.

— С тех пор я не видел его. В журнале мне встречались талантливые статьи, подписанные этим молодым американским врачом. Но как-то пришла весть, что он убит своим слугой в Мексике...

— Доктор Рольс? — пробормотал я.

— Ах, вы тоже знали его? — прищурился Добби.

— О нет... Я просто читал в газетах о таинственном убийстве в Цаматлане...

Я нарочно перепутал название города Мацатлана, и мне стоило больших усилий победить душевное волнение, которое охватило меня.

Десятая тетрадь

I

Любопытство мучило меня. Что означали таинственные приключения той ночи, когда кто-то заглядывал ко мне в комнату? Почему Добби был как будто разочарован, когда увидал меня пойманным под каштаном? И как странно, что Добби знал покойного доктора Рольса. Может быть, не он открыл вирус «колючки бушменов», а бедный Рольс, который и поплатился впоследствии... А если это так, то...

И вместе с тем было очень интересно работать в лаборатории.

В течение нескольких дней мы отгоняли спирт от экс-

тракта, и наконец на дне колбы Добби получил около унции темной маслянистой смолы.

— Но это еще не все, — сказал он, рассматривая полученный продукт. — Здесь вирус находится в соединении с массой других белковых веществ. Надо его отделить от них.

И опять продукт подвергся растворению в реактивах, а раствор пошел в фильтры и центрифугу.

Центрифуга Добби делала шестьдесят тысяч оборотов в минуту, и только спустя три часа после начала центрифугирования Добби выключил рубильник и вынул пробирку из аппарата.

— Вот вирус в чистом виде! — произнес с торжеством Добби, подняв пробирку в руке. — Смотрите.

Мелкокристаллический, слегка желтоватый порошок лежал на дне пробирки.

Стрелка высокочувствительных электромагнитных весов показала: 1 456 701.

— Вычтем чистый вес пробирки, — сказал Добби. — Он равняется четырнадцати целым пятидесяти пяти сотым грамма. Сделаем поправку на влажность и атмосферное давление. — Он чуть прищурил глаза и выговорил: — Около пятнадцати миллиграммов чистого вируса. Принесите шесть кроликов из клетки номер девять.

Через полчаса я поочередно подносил к Добби кроликов, держа их за уши. Добби уже успел растворить крупинку вируса в физиологическом растворе и впрыснул кроликам по шприцу. Колба с оставшимся раствором была поставлена в термостат. Я зажег бунзеновскую горелку. Добби тщательно запаивал ампулу с чистым вирусом и приобщил ее к своей коллекции.

Рука его слегка дрожала, когда восковым карандашом он написал на ампуле: «Бушм-агого. В. 12».

— Теперь я спокоен, Сэм, — произнес Добби с видимым удовлетворением. — Все количество добытого мною ранее вируса ушло на опыты. А мне надо было иметь полную коллекцию вирусов. Да еще следовало помочь вам. Только на-днях я наконец получил плоды колючки из Угого через контору, которая занимается комиссионерством в Центральной Африке.

— Это стоило вам много денег? — отозвался я.

Добби посмотрел на меня прежним взглядом, который мне не переставал нравиться.

— Хм... Когда работаешь для науки, нельзя задумываться над затратами... — Он добавил: — Для науки не

надо жалеть ни трудов, ни средств. Через неделю ежедневных впрыскиваний сыворотка кроликов накопит антагониста вирусу, и свежее лекарство против заболевания будет готово для вас, Сэм.

— Это будет отлично, сэр, — отозвался я. — Ведь тогда ваша работа будет проверена на мне. Признаться, когда-то мне даже хотелось участвовать в подобном эксперименте.

— Хм... Вот как?

— Да, сэр. Лорд Паклингтон из Олдмаунта...

— А, неудачливый дилетант, которого выгнали из королевства? — спросил Добби. — Вы и его знали?

— Нет, сэр. Я никогда не видал его. Но история...

— История его преступлений облетела весь свет, — насмешливо сказал Добби. — И он плохо кончил, этот лорд. Даже хуже несчастного Рольса.

— Хуже, чем убит? — прошептал я.

— Хм... Об этом писали в газетах. Он не вынес несчастья. Разрыв сердца.

— Бедняга! — искренне отозвался я.

II

Сыворотка была готова через неделю, и я, получив впрыскивание свежего антивируса, с нетерпением ожидал результатов лечения.

Добби большей частью сидел за письменным столом в кабинете, приводя в порядок солидную рукопись. Он мало занимался в лаборатории, заглядывая в нее только изредка и наблюдая за моей работой.

Он выучил меня делать химические реакции на белок, и мне уже отлично удавались эти специальные пробы.

— У вас всегда будет обеспечен кусок хлеба, Сэм. Наука нуждается не только в лабораторных служителях, а и в людях, которым нравится живое лабораторное дело. Область изучения вирусов безгранична. Каждый работающий над вирусами будет рад иметь вас своим помощником...

Я входил во вкус изучения вирусов. Добби был неизмеримо учнее «змеиного профессора», который, как мне теперь казалось, больше интересовался получением доходов с своей ужасной фермы. Из уроков Добби я черпал полными горстями интересные сведения.

Мало было выделить вирусы в чистом виде. Добби нашел способ изменять их свойства.

— Вирусы, Сэм, — белковые тела, — сказал однажды Добби. — Белковая молекула, по моему представлению, состоит из центрального ядра и множества боковых цепей. Так думал еще Эрлих. Эти цепи активны. Они являются основой безграничного разнообразия белковых тел с их удивительными свойствами находиться в постоянном обмене с окружающей средой. Я задал себе вопрос: «Знаю химическое строение цепей. Знаю строение молекулы вируса табачной мозаики. От наличия какой цепи зависит заразное свойство вируса?» Я убрал одну цепь. Но вирус продолжал оставаться вирусом. Значит, заразное начало зависит не от этой цепи. Я перепробовал множество возможностей, и наконец дело оказалось не таким кропотливым, как я думал. В каждом вирусе есть такая цепь, которая названа мною паразитарной. Молекуле вируса через эту цепь легче всего осуществлять обмен с внешней средой, выбирать из нее не отдельные простые вещества, а целые куски других белковых молекул. Но для этого молекула вируса должна разрушить другую, невирусную белковую молекулу, что мы и видим в природе. Мой виварий состоит из животных, на которых я пробую различные виды измененных вирусов. Вот и все...

— Простите, сэр, — произнес я, думая о сказанном Добби, — вот вы говорите о молекулах, о боковых цепях. И говорите так, как будто видели их. Разве можно видеть...

— Можно, Сэм, — серьезно ответил Добби. — Не через обычный микроскоп, а посредством особого аппарата. Вот он.

Тут Добби подошел к шкафу над центрифугой и открыл дверцы с буквами «Э. М.».

В шкафу оказался футляр, скрывавший солидный прибор.

— Перед вами, Сэм, электронный микроскоп. Волны света слишком грубы, чтобы наш глаз мог увидеть белковые молекулы. Но если вместо лучей света применить поток электронов, то они на фотопластинке дадут при соответствующем увеличении изображение молекул препарата. Подобным образом пользуются потоком рентгеновских лучей, чтобы получить изображение расположения атомов в кристаллах. В электронном микроскопе дело не сложнее.

Добби снял футляр и поставил его на лабораторный стол.

— Я беру, — сказал он, — ничтожное количество чистого вируса, кладу его на целлоидиновую пластинку и встав-

ляю ее вот в эту нижнюю камеру. — Добби показал мне камеру. — Потом герметически запираю ее и включаю пневматический насос. Он выкачивает из камеры воздух, чтобы ничто не мешало потоку электронов проходить в камеру. Иначе частицы газов воздуха будут искажать изображение. Вот сюда, — Добби показал мне, — вставляется кассета с фотопластинкой. Оптический фокус вымерен заранее и постоянен. Когда все аккуратно установлено, надо включить ток. При замыкании тока получается электромагнитное поле. Электроны начинают двигаться в определенном направлении. Они проходят через препарат, затем через электромагнитное поле и отбрасывают изображение мельчайшего, сверхмикроскопического строения вируса, а значит, и его молекул, на фотопластинку. Экспозиция длится не более десяти секунд. Я выключаю ток. Остается только проявить пластинку, потом сделать диaposитив...

Я с благоговением смотрел на этот «Э. М.», замечательное достижение человеческой научной мысли.

— Электронный микроскоп изобретен не мною. Но в этом аппарате несколько упрощена конструкция по моим указаниям, — добавил Добби скромно. — А вот... — Добби достал из ящика стола несколько снимков и протянул их мне: — Смотрите. Фото молекул вирусов. Вот молекулы вируса табачной мозаики. Видите, они похожи на палочки. Кончиками они сцепляются в длинные нити. Лабораторные вычисления показывают, что молекулярный вес многих вирусов очень высок, достигает миллионов единиц.

Я смотрел на фото. Так вот в чем разгадка мозаики! Вот эти палочки и вызвали там, на плантациях Индии, поражение растений, образовали эти мертвенные кольца на табачных листьях и омертвление стебля...

Наука поразила меня своим величием, запечатленным на этих скромных фото. И как ничтожен показался мне мой собственный жизненный путь с прыжками на арене и поисками необычайных стран, наполненных необычайными сокровищами!

Я пересмотрел коллекцию фото и помог Добби накрыть «Э. М.» футляром в шкафу.

III

В клетке номер шесть содержались коты. В клетке номер семь — маленькие кривоногие таксы, а в номере восьмом — маленькие черные пудели.

Помню, после моего знакомства с «Э. М.» я отправился в виварий посмотреть, как поживают мои кролики. Через день я должен был получить последнюю прививку. Зеркало говорило мне, что пока еще особого улучшения в моей наружности не произошло.

Кролики отлично уплетали траву, которую я им нарезал на площадке, и ничто не предвещало бури.

Вдруг мне показалось, что кто-то очень странно замаякал. Я подошел к клетке с кошками. Они лежали смиренно. Но, удивительное дело, мяуканье продолжалось. Мяукали таксы! В крайнем изумлении я наблюдал за населением клетки номер семь. Одна такса сидела на задних лапках и умывалась. Это совсем не входило в их программу жизни.

— Кис-кис, — позвал я и постучал о решетку клетки.

Это разбудило котов рядом, и они... залаяли. Правда, они лаяли не в полный собачий голос. Но это был лай, совершенно несвойственный котам.

«Удивительно, — подумал я. — А ведь это результаты измененных вирусов. Надо бежать к Добби...»

Но одна мысль остановила меня.

«А что, если этот человек обманывает и я для него только подопытное животное? И вдруг я стану мяукать?»

Стало так страшно, что полет в катапульте показался шуткой.

Мне почудилось, что кошачьи морды стали походить на собачьи. Чтобы удостовериться, я отпер кошачью клетку. А животные будто только и дожидались этого. С довольным урчанием и каким-то мяукающим лаем они выскочили из клетки. Они были злы, и я сражался с ними пинками. Клетка с таксами упала, дверца растворилась...

— Мигли! На помощь! — закричал я, выскакивая из вивария.

Прибежали Добби и повар. Задыхаясь, я рассказал происшедшее.

— Идите в дом! — прикрикнул на меня Добби. — Клетки были переставлены сегодня по моему приказанию Мигли...

— Совершенно верно, сэр, — подтвердил Мигли. — Сэму вечно представляются небылицы. Охотно дам присягу, что он лунатик.

— Ступайте отсюда, слышали? — приказал Добби. — Я сам расскажу животных по клеткам.

— Но уверяю вас, сэр, что коты лаяли... — заикнулся я.

— Идите! — прикрикнул Добби. — По контракту, вас надо оштрафовать за ослушание.

Понуро я поплелся из вивария.

«Неужели это все мне кажется? — мучительно думал я, вынимая пробирки из центрифуги и промывая их ершиком. — Да ладно! Завтра последняя прививка антивируса, и прощайте, мистер Добби. Лучше голодному сидеть в Эшуорфе, чем обедать на скале Двух Роз, в этой вирусной вилле».

Добби вошел в лабораторию тяжелыми шагами и долго мыл руки.

— Самые интересные животные разбежались, — сердито произнес он, вытирая руки полотенцем. — Вы окончательно испортились, Сэм. Как только лечение закончится, мы расстанемся. Вы так взволновали меня...

— Прошу извинения, сэр, — сказал я сухо.

Но гнев Добби уже остыл.

— Не надо омрачать последние дни нашей совместной работы, Сэм, — произнес он. — Скоро все должно измениться. Хм... А пока мир. Я тоже стал нервничать в последнее время. Это результат усиленной работы. Завтра я хочу сделать дальнюю прогулку. Мне надоело это затворничество.

IV

Ранним утром Добби собрался в район заброшенных копей.

— Надо несколько сменить впечатления, Сэм, — сказал он, засовывая в карман пакет с завтраком, заботливо приготовленный Мигли. Потом он взял фляжку с водой и повесил себе на шею горняцкую электролампу.

— Вы берете с собой «Эмми»? — воскликнул я, указывая на лампу.

— Да, и еще сто ярдов веревки, — ответил Добби. — Не делайте удивленных глаз, я вовсе не собираюсь спускаться к центру земли, а просто посмотрю, что делается в одной старой шахте. Давно слышал я про нее...

Детские воспоминания овладели мной.

— О, сэр... С лампой совсем не страшно... А я мальчишкой спускался с Эдом без лампы.

— Оставьте, Сэм, — отмахнулся от меня Добби.

— Слово чести, сэр! — воскликнул я. — Лазил в шахты Патрика и у горы Девы. Только...

Тут я запнулся.

— Только не бывали в Длинном Хоботе? — усмехнулся Добби. — Хм... А я как раз туда и отправлюсь.

Я вспомнил о Длинном Хоботе. Так назывался старин-

ный заброшенный колодец, легендарное место, полное всяческих тайн и приключений; о нем завсегда и «Королевского тигра» любили рассказывать страшные небылицы. Мальчишкой мне так и не удалось побывать у Длинного Хобота, но я прекрасно знал, как пройти к нему. Эд Орфи бывал там и хвастал, будто бы спускался на дно этого угольного колодца. И я тогда страшно завидовал смельчаку.

— Туда очень запутанная дорога, сэр, — заметил я. — Надо сначала от Черного Холма спуститься к Мертвым Шахтам, а потом уже свернуть направо...

— Хм, — призадумался Добби. — Пожалуй, я не найду дороги.

— Позвольте мне сопровождать вас, сэр, — предложил я. — Мертвые Шахты надо обойти очень осторожно. В некоторых из них нет дна...

— Вы путаете меня, — задумчиво сказал Добби. — Ну хорошо, пойдемте. Возьмите в столовой вторую фляжку, и отправимся. Кстати, прогулка на свежем воздухе будет для вас полезна.

Я повесил флягу через плечо, засунул в карман несколько сандвичей и взвалил на спину связку веревок.

Сопровождаемые добрыми напутствиями Мигли, мы тронулись и сравнительно быстро и легко перевалили через Черный Холм. Дальше рельеф местности становился более сложным. В оврагах широко зияли пустые, безмолвные колодцы. Мрачные кучи угольной пыли, из которой давно уже были выбраны все годные на топливо кусочки, громоздились одна подле другой. Дожди и снег размывали пыль, а время и зной прессовали эту кашу снова в плотные пласты.

Мы отошли от виллы мили на две, и пустынное плоскогорье открылось перед нами, когда мы выбрались из последнего оврага.

На плоскогорье я раньше не бывал. В дни детства Черный Овраг был чертой, где копчались наши ребячьи похождения. Дальше открывались неизведанные пространства, пленявшие тогда своей таинственностью.

Если вы представите себе высохшее дно допотопного озера, силой вулканических сдвигов некогда приподнятого высоко над уровнем океана, то поймете, что за пейзаж открылся перед нами, когда через час ходьбы мы приблизились к Длинному Хоботу в середине плоскогорья.

Толстый вал выветривающихся песчаников окружал эту глинистую громадную впадину. Глыбы песчаника самых причудливых очертаний торчали кругом, то похожие на

странные гигантские грибы, то будто на окаменевшие ихтиозавры ростом с трехэтажный дом, вставшие на дыбы и разинувшие свои зубастые пасти. В середине котловины зияла черная дыра заброшенной шахты. Еще уцелели мрачные развалины кирпичных построек, с провалившимися крышами, а ржавые ребра железного каркаса подъемки, будто кости чудовищного скелета, выпячивались из гнилой трухи деревянных перекрытий. И повсюду лежала густая траурная пыль.

Это и был знаменитый Длинный Хобот.

— Следует принять меры предосторожности, — сказал серьезно Добби, выводя меня из созерцания окружавшего нас мрачного пейзажа под покровом хмурого неба.

Мы подошли к краю Хобота. Добби бросил в него камешек и прислушался, но ни одного звука не донеслось к нам из глубины колодца.

— Здесь нет дна, — пробормотал я.

— Хм... Следовательно, — улыбнулся Добби, — брошенный мною камень сейчас летит сквозь нашу планету и вынырнет где-нибудь в Чили у наших антиподов? Пустяки.

Он храбро обвязал веревку вокруг своей талии и прикрепил к груди «Эмми».

— Вы серьезно намереваетесь спуститься в Хобот? — воскликнул я, признаться, с восхищением. Это мне нравилось в Добби.

Он понял восторженный тон моего вопроса.

— На этот раз я сделаю отступление от контракта, — сказал он серьезно. — Я не хочу, чтобы вы смотрели на меня, как на странного чудака. Я люблю серьезные вещи. Да, я спущусь в Хобот, но не из-за ребячества. Знайте, Сэм, что я не так богат, как вам это, быть может, кажется. Я всегда любил комфорт, но всегда презирал расточительность. Каждая гинея, которую я трачу, добывалась и добывается тяжелым трудом. Но плох тот, кто, работая и добывая средства к существованию, думает только о своем желудке и личных удобствах. Надо думать о народе, детьми которого являемся мы, и о родной земле, на которой мы родились и которая примет наши останки в свои недра, когда мы кончим наш жизненный путь. Надо думать о родине, Сэм.

— Я не совсем понимаю вас, сэр, — насторожился я.

— Поймете сейчас, — очень проникновенно сказал Добби. — Ваш рассказ о заброшенных здесь коях глубоко взволновал меня. Их бросили разрабатывать потому, что будто бы они нерентабельны. А если это неправда? Если

здесь еще лежат миллионные богатства, миллионы тонн угля, которые наша страна может взять здесь, а не привозить издалека? Если шахты заброшены лишь потому, что жадным владельцам этих участков казался мал процент барыша? Если им лень поработать над восстановлением добычи угля? — Добби посмотрел куда-то далеко-далеко. — Нам надо брать пример с русских, — серьезно сказал он. — Мы еще плохо знаем этот замечательный трудолюбивый народ. Не так давно он объединил вокруг себя грандиозную дружескую семью народов огромной страны. Он взялся за свое хозяйство собственными могучими руками. Как они разрабатывают теперь свои недра! Как на Урале они восстановили сотни шахт, заброшенных прежними владельцами тоже из-за мнимой нерентабельности! А народ взялся за дело. И шахты оказались рентабельны! По углю русские имеют шансы выйти на первое место...

— Разве мы испытываем нужду в угле? — спросил я.

— Может наступить такое время, Сэм, что нам будет дорога каждая пылинка его, — ответил Добби.

— Чего же вы хотите?

— Сначала я сам проверю, что делается в шахте. Потом приглашу экспертов. Я настаю, чтоб мне сдали в аренду эти места. И может оказаться, что дело будет не бесприбыльным...

— О, мистер Добби! — покачал я головой. — Дело серьезное...

— А вы как думали? — усмехнулся он. — Ладно... Надо спуститься и взглянуть. А уж вечером мы порасскажем нашему Мигли таких страстей! Вы только вообразите, как он примется ахать! Ну, держите веревку крепче. Если я дерну снизу два раза, то помогайте мне выкарабкиваться обратно.

Другой конец веревки мы заблаговременно привязали к железному стержню, торчавшему из земли.

— До свиданья, Сэм, — весело сказал Добби, спуская ноги в шахту. — Хм... знаете, здесь очень удобные ступени.

Голова Добби скрылась. Я осторожно разматывал веревку. Добби спустился на всю ее длину, и веревка теперь спокойно лежала на краю. Заглянув вниз, я увидел, как крохотный огонек двигался в крошечной тьме.

— Алло! — крикнул я в волнении.

В ответ веревка дернулась один раз. «Слышит», соображал я. Потом веревка очень долго была неподвижна. Это встревожило меня. В шахте мог оказаться угольный газ, и

Добби грозила опасность задохнуться. К моей радости, наконец веревка задвигалась. Я принялся выбирать ее, чувствуя тяжесть Добби. Когда показалось его лицо, оно было чернее, чем у негритоса. Какой-то чумазый трубочист, а не Добби.

— Не усердствуйте, Сэм, — пробормотал он, сплевывая черную слюну. — Вы так тянули, что я еле поспевал.

— Я боялся за вас, сэр.

Добби вылез и сел на землю. Грязный пот ручьями стекал по его щекам. Он с наслаждением дышал свежим воздухом.

— Замечательно, Сэм! — улыбнулся он, блестя зубами. — Там сталактитовые пещеры невыразимой красоты... Ну, давайте завтракать, дружище.

Он развернул пакет с сэндвичами и выругался.

— Хм... Вот досада!

— Что случилось, сэр? — спросил я.

— Хм... Пустяки. Я обронил мою трубку. А все-таки жаль. Но я достану ее завтра.

Он задумчиво принялся жевать сэндвич с ветчиной.

— Расскажите о сталактитовой пещере, сэр, — попросил я.

— Не поддается описанию, Сэм. Все блесит, как драгоценные камни. Но я шучу. На самом же деле, кажется, там угля еще достаточно.

Сэндвичи были съедены.

— Хорошо бы покурить, Сэм, — пробормотал Добби и добавил с досадой: — Ах, трубка! Сэм, сейчас вы спустите меня опять вниз.

Безотчетный порыв молодости заставил меня сказать:

— Позвольте это сделать мне.

Но Добби подошел к краю и показал пальцем в колодец:

— Туда? Нет, друг. Видно, моя судьба сегодня получать двойное удовольствие. Да и зачем вам пачкаться в угле?

Но я настаивал. Во мне вспыхнули ребячьи мечтания о тайнах Длинного Хобота, и я с таким жаром умолял Добби, что чуть было не свалился в пропасть.

Добби решительно махнул рукой.

— Спускайте меня и не хнычьте.

Но я вцепился в Добби и умолял, придумывая тысячи доводов, что именно мне следует извлечь из Хобота трубку. Добби наконец смягчился.

— Вам хочется полюбоваться на сталактиты? Да их же

там нет. Я пошутил. А впрочем, спускайтесь, вспоминайте свои ребячьи проказы. Но только не глубоко, не на всю длину веревки.

Он говорил дружелюбно и развязывал узел веревки у себя на животе.

— Слушайте внимательно, Сэм. Сначала пойдут выступления на стенах вроде ступеней. По ним спускайтесь медленно и осторожно...

— Да я умею лазать по шахтам! — весело отозвался я. Добби сдвинул густые брови.

— Не перебивайте. Это очень дурная манера, когда перебивают старших. Через пять-десять ярдов попадется площадка, слева будет лестница. Но не становитесь на нее, все ступеньки сгнили. Советую не спускаться ниже и тотчас же подниматься. Если трубки там нет, не ищите ее.

— А пещера?

— Да нет же никакой пещеры! Когда приедут эксперты, тогда лазайте с ними сколько угодно. А пока будьте осторожны.

Давая мне наставления, Добби обернул веревку вокруг моей талии и завязал сзади.

— Кажется, крепко получилось, что-то вроде морского узла, — не развяжется. Повторяю: опускайтесь до площадки и дайте сигнал, я вас вытащу.

— Фонарь, сэр?

— Хм... Да.

Добби прикрепил мне «Эмми» на грудь. Я попробовал кнопку зажигания — фонарь был в исправности.

— Вы бы сняли фляжку, Сэм, — заметил Добби, когда я спустил ногу в шахту.

— Она не мешает мне, сэр...

— Спускайтесь... Держу... — сказал Добби, готовясь распускать веревку вслед за мною.

— Благодарю вас, — успел сказать я, ощупывая ногами выступ на стенке Хобота, и начал спуск.

— Прекрасно, Сэм, — услышал я сверху ободряющий голос Добби. — Смотрите вниз, на ступеньки.

Я включил свет. Хобот оказался совсем не страшным. Света «Эмми» было достаточно, чтобы ориентироваться. В путешествии не было ничего необычного. По незабытой привычке я считал выступы, чтобы увереннее подниматься обратно. Внизу с писком пролетали летучие мыши. После шестнадцатого выступа нога моя уперлась в сравнительно широкую площадку. Полуистлевшие скелеты птиц валялись на краю ее. Кажется, совы пробовали вить гнезда в

этом укромном местечке. Я поднял голову. Вверху голубовато-серым лоскутом приветливо светилось небо, а внизу под площадкой чернела пропасть. Ближе к стене я увидел свежие следы бутсов Добби и его трубку. Я поднял ее и сунул в карман. Добби, конечно, спускался ниже. Мне очень не хотелось давать сигнала возвращения.

Полуразрушенные, не внушавшие доверия деревянные перемычки вели вниз. Выбрав надежный уступ скалы, я сполз с площадки, повис на руках и нащупал ногою точку опоры. Спуск предстоял трудный. Ствол шахты расширялся, и я сползал по одной из стенок, держась руками и ногами за выступы, все ниже и ниже. Я забыл обо всем, даже о страхе. Чувство наивной гордости наполняло мое сердце. «Вот я и в Длинном Хоботе, — подумалось мне. — Пусть теперь Эд не важничает. Это не колодец у леса Патрика». Тот колодец был неглубок, мы там бывало ловили летучих мышей и пугали ими девчонок.

Мне захотелось послать приветственный сигнал Добби, и я схватился за веревку. Вернее сказать, я хотел схватиться и думал, что схватился. Мне оставалось от изумления раскрыть рот, потому что на самом-то деле веревка с тихим шуршаньем, как джирра, уже ползла вверх, сыпля мне на кепи пыль и всякую дрянь. Веревка исчезла. Надо бы мне хлопнуть себя по глупому лбу, но руки были заняты: я висел на них.

Внезапно голова моя сделалась легкой, как после стакана крепчайшего кофе. Мысль промчалась, будто ласточка: «Вот так морской узел!»

V

Подбородком я нажал кнопку «Эмми», и фонарь послушно погас. Распластавшись, я успел во-время прижаться к стенке Хобота. Мимо меня со скоростью метеорита пронесся огромный камень. В крошечной тьме я ощутил его слепой полет и слышал, как он адски грохотал, отпрыгивая от одной стены Хобота и ударяясь о другую. Вслед за ним второй камень ударился о выступ площадки и разлетелся вдребезги. Посыпались осколки, царапая мне руки и щеки.

Бомбардировка мне не понравилась. Если вблизи есть ниша, то можно укрыться. Повиснув на одной руке, я шарил другой по стене. Правая нога нащупала выступ, я оперся на него и перевел дыхание. Мимо грохотали камни. Даже крошечный голыщ, падая с большой высоты, при-

обретает скорость пули. Распластавшись и прильнув к стене, я искал спасения под выступом площадки. Внезапно нога моя соскользнула, я качнулся вниз и нажал подбродком аварийную кнопку «Эмми». Узкая дыра бокового входа, уходящего в сторону, оказалась у меня под ногами. Кое-как я вполз в ход, ногами вперед, раскачавшись и изогнувшись, как на турнике. Затем перевернулся, потушил «Эмми» и отполз от ствола.

Позади меня внезапно сотряслась земля, рыча и безумствуя. И затем наступила тишина подземелья, замурованного навеки, подобно закопанной могиле.

Что случилось? Плохо сделал узел Добби? Или он... нарочно?..

Но у меня не было времени рассуждать о причинах поведения Добби.

Я попробовал вернуться назад, но оправдались мои самые худшие предположения. Выход в главный ствол был наглухо завален. Оставалось ползти по боковому ходу вперед. Самое приятное было бы натолкнуться на вентиляционный ход. Он наверняка вывел бы меня наверх. Если бы это были старые шахты Патрика, расположение которых я примерно знал... Но Длинный Хобот — самая большая шахта из всех заброшенных — совершенно неизвестен мне. Если тут нет притока воздуха, то я задохнусь, как мышь в запертой шкатулке.

Лежа в узком тоннеле, я составлял план спасения. Горняцкие лампы «Эмми» с сухими батареями типа «Х-8» рассчитаны на семь часов непрерывного горения. Погребенная со мною лампа уже горела около часа. Следовательно, в моем распоряжении света на шесть часов, не больше, если только Добби не испортил батарею, когда спускался в Хобот. Надо быть готовым ко всему. А через шесть часов?

«Вечный мрак, — ответил я себе. — Но спокойно, Сэм Пингль. Наконец ты получил хороший урок, и довольно тебе ротозейничать».

С необычайной ясностью передо мной выплыла вся цепь моих злоключений с момента возвращения из Эшуорфа на виллу Добби.

Но время было дорого. Я проверил мой инвентарь. В карманах оказались пачка с пятью сигаретами, двадцать три спички, носовой платок и недоеденный сэндвич с сыром. Все это было совершенно бесполезно сейчас, и я мечтал хотя бы о перочинном ножике. Если б я захватил с собой ногтечистку, и то это было бы орудие. Кепи сбило

Беревка с тихим шуршанием, как джирра, ползла вверх.

камнем, и я не жалел с ним. Драгоценностями были «Эмми» и фляжка. Я отпил глоток воды и пополз.

Если этот тоннель представляет собой соединительный ход между двумя штреками, можно попробовать выбраться через соседний штрек. Но если и тот завален?

Я полз и помнил, что свет и воду надо всячески экономить. При свете «Эмми» я смотрел вперед, запоминал путь впереди и выключал лампу. Потом полз на четвереньках, ощупывая руками землю. Если стучался головой, то включал «Эмми» и осматривался. Ход среди пластов угля то суживался, то расширялся. Самым страшным был бы обвал или слепой конец хода. Но я не задыхался. Значит, воздух проникал сюда. Это продвижение было сравнимо только с нырянием в ванне из чернил. Я карабкался, словно первобытный ящер, движимый властным желанием выйти на свободу.

Внезапно моя вытянутая рука ощутила пустоту. При свете «Эмми» я увидел, что лежу на краю пропасти. Вверху надо мною ширился черный купол. Мощные пласты угля отчетливо выделялись на стенах пещеры.

Между старыми, сгнившими креплениями капала вода. Снизу тянуло холодным сырым воздухом. Куда двигаться? Некоторые шахты Эшуорфа имели выходы у подножия холмов — пожалуй, имело смысл спуститься ниже.

— Ну, Пингль, — произнес я вслух, и голос мой гулким эхом отозвался в этой подземной пещере, — поставим все, что у нас есть, на эту вероятность. Один шанс из тысячи.

Грязная вода журчала на дне трещины. Несколько лошадиных скелетов омывались этим подземным ручейком. С трудом спустившись вниз, я двинулся по течению. Ручей вертелся по шахтам, и я не знаю, сколько времени я бродил под землею в темноте, опуская иногда руку в воду, чтобы узнать, куда она течет, и идти за нею.

Отупев от усталости, я даже не ощутил восторга и радости, когда на меня сбоку повеяло свежим ветерком. Струйка чистого воздуха успокоила меня. Прислонившись спиной к стенке старого штрека, я заснул. А проснувшись, уже знал, где я, и уверенно пополз навстречу ветру.

Лес Патрика, качавший сосновыми верхушками, приветливо принял меня в свои зеленые объятия. Заходящее солнце пунцовыми пятнами пестрило коричневатые стволы столетних деревьев. Воздух был напоен смолистым ароматом и легким щебетаньем невидимых птиц, стрекотанием кузнечиков, шелестом ветвей. Вот на меня посыпалась хвоя

с пушистой голубой ели. Кто-то промчался по шоссе на мотоцикле. Как здесь хорошо и какой целительный бальзам разлит в родном лесу! Полной грудью вбирал я живой воздух, лежа на траве, заросли которой скрывали выход из старой, всем эшуорфским мальчишкам известной шахты Мокрая Дудка. В осенние бури здесь всегда уныло гудел ветер, а подземный ручеек, выбиваясь на поверхность земли, весело катил по камням свои воды вниз к Эшуорфу, под мост.

Так вот где я очутился! Мне было неясно, случайно ли завалился Хобот, или это сделал нарочно Добби. Если случайно, то мне надо возвратиться на виллу, чтобы закончить прививку антивируса и успокоить своего хозяина. Да и мои деньги остались там. А если это все подстроено нарочно, чтобы избавиться от меня? Это мне казалось более вероятным. Он пробовал на мне свои вирусы, я не верил в его сказки относительно заражения от джирр, вылечить меня не сумел, боялся скандала, и вот...

Я решил выждать. Пусть Добби пока думает, что я навеки остался в Длинном Хоботе. А там посмотрим...

Человечек в картузике лежал на животе в прогалине между кустами и очень внимательно смотрел в бинокль куда-то вверх. Я узнал человечка. Это он толкнул меня в аптеке. Это он наблюдал за виллой Добби. Теперь я застал его за тем же занятием. Но он был так поглощен созерцанием виллы, что не слышал, как я остановился в трех шагах за его спиной. Жизнь теперь научила меня не вмешиваться в чужие дела, а случайными знакомствами я был сыт по горло. Но под моими ногами хрустнула сухая хвоя, и человечек обернулся.

— Что вам надо здесь? — сердито спросил он. Круглое лицо его в мелких морщинках выражало крайнее неудовольствие.

— Не собираюсь мешать вам, — ответил я довольно грубо. — Но вас угораздило развалиться поперек дороги, и вы рискуете быть задавленным колесами моего авто...

— Дорога ниже, — буркнул человечек. — Проваливайтесь. У вас такой устрашающий вид... Вероятно, вы только что сделали визит в преисподнюю...

— Угадали, — сказал я. — Там попадают изумительные сталактитовые пещеры. Прощайте.

И я двинулся, выбираясь на нижнее шоссе. Человечек окликнул меня.

— Ну? — обернулся я. — Что вам нужно?

Теперь человечек стоял у сосны, задорно приподняв козырек своего картузика и улыбаясь.

— Не подумайте про меня плохого, — сказал он. — Просто я бедный человек и промышляю ловлей птиц. Ветхий бинокль помогает мне находить гнезда и выбирать места для силков.

— Меня это мало интересует, — сухо ответил я. И ушел.

VI

Том Бридж ничуть не постарел с тех пор, как я видел его в последний раз. Он не спеша высунул свою похожую на мяч стриженую голову в окно, когда я тихонько постучал в раму и окликнул его со двора, как это обычно делали завсегдатаи «Королевского тигра», когда им нужно было устроить какое-нибудь деликатное дельце.

— Добрый вечер, Том, — сказал я, стараясь, чтобы тон моего голоса не звучал излишней таинственностью.

Зеленоватые глазки на пухлом лице Бриджа не выразили ответной любезности.

— Добрый вечер, — вяло пробормотал он, очевидно ожидая от меня дальнейшего.

В деловых отношениях хозяин харчевни любил краткость и точность. Поэтому несколько развязным тоном старинного приятеля я предложил:

— Послушай, Том, не приобретешь ли ты у меня «Эмми» и флягу? Незаменимо при путешествиях и пикниках.

— Чорт знает, из-за каких пустяков отрывают от дела! — недовольным басом прохрипел Бридж, еще более высовываясь из окна, чтобы лучше рассмотреть мою фигуру от ступней до макушки.

События последних лет научили меня самообладанию, и я спокойно выдержал пронизательный взгляд Бриджа и даже стал нащупывать у себя в кармане пачку с оставшимися сигаретами.

— Впрочем, покажи товар, парень, — прохрипел Бридж, как будто несколько смягчившись, и положил на подоконник игральные карты, которые держал в руках.

Тут я понял, что побеспокоил его в разгар карточной игры. Пришлось извиниться, но Бридж, не обращая на это внимания, будто нехотя протянул багровую жилистую лапу и взял у меня «Эмми».

— Краденое? — понизил Бридж свой хрип до осторожного шопота, опять вливаясь в меня глазами.

— Не совсем, — ответил я, небрежно закуривая. — Про-

сто пришлось бросить работу, которая сначала казалась выгодной. Нет, больше я не вернусь в это проклятое местечко.

— Ты из Уэсли?

— А тебе не все равно, Том? — спросил я. — Мне на несколько дней нужен уютный уголок, где бы меня не видал ни один бобби.

Бридж в это время щелкал выключателем «Эмми», наблюдая за вспышками яркой лампы и как бы наслаждаясь этим занятием. Но я разгадал его хитрость. Солнце почти зашло, а Бриджу в сумерках хотелось получше рассмотреть меня. Я придвинулся так, чтобы лампа осветила мое лицо.

— Ну, твоя физиономия, парень, — прохрипел Бридж, — мне совершенно незнакома. Ты не из тех, кто не прочь выпустить кишки из запоздалого путника?

Я опять выдержал острый взгляд Бриджа.

— Мне не нравятся подобные занятия и у других, Том, — искренне произнес я. — Но не каждый ест свой хлеб обязательно с маслом. Я продаю вещь, чтобы купить еду. У меня есть шансы дня через два выплыть из водоворота.

Бридж поставил «Эмми» на подоконник.

— С тобой наживешь беды, парень, — деловито пробурчал он, жадно рассматривая флягу с навинчивающимся серебряным стаканчиком.

— Но у тебя самое доброе сердце во всем графстве, Том, — сказал я. — Всем в Уэсли и Эшуорфе известно, что нет лучшего игрока в покер, чем наш Том Бридж, а твоя отзывчивость к нашему брату...

Так я метал перед Бриджем козырные шестерки тонкой лести, на которые сам так недавно был подловлен Добби. Мозги Бриджа были сделаны не из соснового дерева, и толстяк размяк, подобно праздничному пирогу, политому джемом.

— Ну, видно, придется помочь, — хриплым шепотом пробурчал Бридж. — Зайди-ка в пристройку, парень. Но мне хотелось бы знать твое имя...

— Джек.

Бридж поморщился.

— Грязен ты, Джек, как кухонная швабра.

— Прямо с работы, — счел нужным отозваться я. — В шахтах для нас еще не догадались поставить мраморные ванны с горячими душами...

Бридж хитро улыбнулся.

— Но я в первый раз в жизни вижу шахтера, который потел в забое, надев первосортные ботсы, шелковый галстук и запасшись такой шикарной флягой.

Мне оставалось только вздохнуть, а Бриджу надоело рыться в подробностях моей биографии, и он кивнул головой.

— Сделано. Подожди, сейчас выйду...

— О, я всегда был прекрасного мнения о старом друге Томе! — лишний раз козырнул я, предусмотрительно забирая с подоконника предметы торга — лампу и флягу. Бридж не забыл своих карт и захлопнул окно.

На дворе, в низкой кирпичной пристройке, в закоулках которой можно было заблудиться, как в Хоботе, Бридж показал мне чулан.

— Бич-Бой всегда останавливался здесь, — с гордостью произнес Бридж. — Жаль, что парень угодил на виселицу. Но это было простое недоразумение.

Меня не интересовал Бич-Бой. Хотелось скорее закончить сделку, и мы договорились.

— По рукам, Том. Бери вещи за четверть стоимости.

Это совсем умаслило Бриджа.

— Ты не в проигрыше, Джек, помяни мое слово. Эта комната всегда нравилась знатым постояльцам. А ты, вижу, стреляный воробей. Отдохни. Я пришлю тебе переменить туалет и умыться, а потом приходи в зал. Сегодня у меня отменный ужин для посетителей. Похлебка из телячьей головки. На второе — баранина с картофелем. Напитки, сверх кружки эля, будут оплачиваться особо, — предупредил Бридж, оставляя меня на новоселье.

Уходя, он щелкнул выключателем «Эмми». На мгновение она вспыхнула, как бы прощаясь со мною. Мне стало жалко, что я отдал ее. Можно было бы сначала продать одну флягу. Ведь горняцкая лампа была моим единственно верным и надежным спутником в подземном путешествии. Не будь со мною «Эмми», не выбраться бы мне из ужасного Хобота.

С четверть часа я лежал, отдыхая на продырявленном диване. В дверь постучали. Босоногая замарашка появилась на пороге.

— Хозяин прислал вам платье и велел сказать, что это очень подходящий туалет к званому ужину, — насмешливо пропищала она.

Глазенки у девочки сверкали, будто бисеринки у игрушечной мышки. Она развернула принесенный узел и быстро сыпала словами:

— Меня зовут Кэт. Я меняю воду в кувшинах. Умею подметать пол и стирать пыль тряпкой. Если вам понадобится посыльный, вы только кликните во двор: «Кэт, сюда!», и я прибегу через две секунды. На кухне я перемываю корни, чищу их и режу для готовки...

— Сколько тебе лет? — спросил я, радуясь живому человеческому слову и наивной откровенности ребенка, поверяющего мне свои крохотные дела.

— Девять.

Со двора послышался визгливый женский голос:

— Кэт, сюда!

Глазенки девочки лукаво засмеялись.

— Это миссис Бридж. Но она не развалится, если и покричит.

— Нехорошо, Кэт, заставлять себя ждать, — строго заметил я, и Кэт стремительно выпрыгнула из комнаты.

Я же умылся и в зеркале над умывальником снова не узнал себя.

Бридж прислал мне затрепанную куртку, штаны на помочах и кепи с надломанным козырьком. Переодеваясь после умывания, я думал:

«Завтра выясню все в Эшуорфе, потом — расчет с Добби».

VII

В зале «Королевского тигра» плавали влажные облака испарений и табачного дыма. Они колебались, когда распахивалась дверь в кухню. Оттуда струями неслись запахи жареной баранины, кислой капусты и перебродившего пива. Красноватый отсвет от камина падал на ноги людей, толпившихся у стойки. За нею величественный Бридж разливал водку в стаканчики. Огромная трубка, изогнутая книзу, клубилась густым дымом. При каждой затяжке кончик носа Бриджа освещался мгновенной вспышкой. Ловким движением языка и губ Бридж гонял трубку из одного угла рта в другой, в то же время подсчитывая деньги, обмениваясь фразами с десятком людей сразу и покрикивая в кухню.

— Второй стаканчик? Прошу... Вам следует сдачи... Кэт, сюда! Пэгги! Не ловите ртом мух. Они не так вкусны, как вы воображаете... Пэгги! Две кружки эля в левый угол джентльменам...

За массивными столами, впитавшими в себя жир кушаний и влугу напитков, сидели эшуорфские рыбаки, портовые грузчики, горняки и те тихие люди, которых тянет

посидеть с трубкой и послушать, что творится на белом свете.

Увидев меня, Бридж кивком головы указал на незанятый столик, возле которого стоял деревянный стул с высокой спинкой. Это было удобное местечко. Скрытый спинкой стула, я мог слышать все, что говорилось в харчевне, а через наклоненное продолговатое зеркало, висевшее над буфетом за стойкой, видеть все, что делалось. Не здесь ли сиживал Бич-Бой, отчаянный парень?

Рыжая Пэгги принесла мне ужин. Я насыщался, обгладывая жирную баранью косточку. Около окна играли в карты. Слышались азартные выкрики. Выпив у стойки, люди жевали губами и считали своим долгом подойти к игрокам и отпустить острое словечко.

— Майкл спясть без взятки... Не надо беречь тузы!

— Ха-ха! Хлопай их козырями!

Два глаза, острые и странно знакомые, смотрели на меня через зеркало. Маленький птицелов стоял у входной двери вместе с одноруким стариком. Потом они прошли через весь холл прямо к стойке. Бридж широко улыбнулся.

— Добрый вечер...

Птицелов, видимо, находился в отличном расположении духа. Суконный картузик с продолговатым козырьком был сдвинут на затылок, ворот рубашки расстегнут. Он громко сказал:

— Ах, добрый? В таком случае, налейте... Два. Поме-ранцевой. Пейте, мистер Бранд.

Дядюшка дрожащей рукой взялся за стаканчик.

— Не отказываюсь.

— На здоровье, — сказал птицелов. — Пейте и досказывайте историю.

Дядюшка и птицелов стояли в трех шагах от меня, выпивали и ни на кого не обращали внимания.

— Да, мальчишке не повезло, — ораторствовал дядюшка. — Мальчишка был озорник, помяни господи его душу. Если я скажу, что он был прирожденным бродягой, то не погрешу против истины. Весь Эшуорф советовал отцу драть его за уши, потому что следовало. С десятком сорванцов он шляется по окрестностям, разорял птичьи гнезда, лазал по заброшенным шахтам. Да вот Том расскажет, как он вытащил из оврага нашего сорванца. Ах, ты занят, Бридж? Благодарю, выпью. Не следовало бы... Каждый стаканчик — лишний гвоздик в мой гроб. Так вот, мальчишка возвращался после своих походов домой такой грязный, что Оливия плакала, отмывая его в корыте. Как

не свалился он в какой-нибудь бездонный Хобот, удивительно... Но моя сестра, его мать, с Айзидором любили малыша...

Я вздрогнул и чуть не подавился костью. Речь шла обо мне. Картежники в этот момент заспорили, заглушив слова дядюшки. Вмешательство Бриджа успокоило спорщиков. И снова я услышал дядюшкин рассказ:

— Но видели бы вы парня, когда он явился сюда с дипломом. Настоящий барчук. Но мне показалось, что аристократический колледж испортил его характер. Он взял у отца последние деньги и уехал устраиваться. Писал сначала, что живет хорошо, а потом замолчал. Отец ждал весточки, да так и не дождался. — Дядюшка сердито затряс головой, а у меня упало сердце. Так я и знал: отца уже нет. Я надолго перестал сознавать, где нахожусь, отдавшись своему горю. Очнувшись, я снова услышал дядюшкин голос.

— Сорванец сумел и мне доставить столько хлопот, что можно с ума сойти. Представьте, вызывает меня стряпчий Сэйтон и говорит: «Имею достоверные сведения, что парнишка ваш сидит в тюрьме по ту сторону океана». Я ответил: «Мистер Сэйтон, это доставило бы страшное огорчение его родителям, если бы они были живы. Нельзя ли как-нибудь помочь малышу?» Можете вообразить, как я волновался! Но стряпчий что-то вычитал мне из свода законов и очень сердился. А потом он опять меня вызывает. «Мистер Бранд, — говорит он сердито, — вашему племяннику ничто уже теперь не поможет». И тут я узнал, что мальчишка утонул на краболове в Калифорнии. Пришлось мне снова надевать траурный креп на рукав.

— Очень печальная история, — отозвался птицелов. — Остальное вы мне доскажете завтра, не так ли?

Дядюшка горестно опустил голову. Потом поплелся к выходу, а птицелов, оглядевшись кругом, подошел к моему столику.

— Простите. Все места заняты. Прошу позволения...

Я раскрыл рот, собираясь не позволить, но птицелов уже сидел напротив меня и щелкал пальцами.

— Красотка Пэгги! Прошу сюда!

Бридж захрипел со своего хозяйского места:

— Не дремать, Пэгги! К джентльменам направо!

Птицелов снял картузик и обмахнулся им, будто веером.

— Очень жарко, сэр...

Я молчал. Слишком много раз в жизни вступал я в раз-

говору с незнакомыми людьми, и это не доводило меня до добра. Что надо от меня этому карлику? Допив кружку, я вынул последнюю сигарету.

— Разрешите предложить огня? — сказал птицелов и быстро поднес к моему лицу зажигалку.

Трюк рассматривания подозрительных лиц с помощью зажженной спички был мне знаком, и я со злостью потушил огонь зажигалки, достал свою спичку и закурил, пуская дым в лицо птицелову.

— Я на вас не в обиде, — скромно заговорил он, чихнув от дыма. — Многие предпочитают самостоятельность даже в закуривании. Простите, а ведь мы с вами встречались. Что же вы молчите? Я имел удовольствие видеть вас в лесу. Или немного раньше? Ах, да... Должен пресить извинения... Я толкнул вас в аптеке... Боже мой, какой вы замкнутый человек!

Пэгги принесла эль. Птицелов приподнял кружку.

— Все-таки позвольте выпить за ваше здоровье.

Я ни слова не отвечал на его болтовню. Я думал о словах дядюшки. Они окончательно убедили меня в том, что отец мой не дождался меня. Я снова пускал клубы дыма прямо в нос непрощенному соседу, а нахал даже не морщился.

— Странные теперь люди в Эшусерфе и окрестностях, — бормотал он, отхлебывая из кружки. — Куда девалась прежняя учтивость? Редко когда называют друг друга «сэр». Предлагаешь приятному для тебя человеку выпить, а он тебе же пускает дым в нос. Я объясняю это влиянием таинственных миазмов, которые носятся в воздухе и отравляют нас. Что? Вы не знаете? Полно притворяться... Разве вы не слышали, что случилось с преподобным Иеремией? Вы не знаете истории пациентов доктора Флига? Нет, это просто удивительно. Неужели вы свалились с луны?

Очень медленно я потушил окурок и, слегка стукнув кулаком по столу, наклонился к птицелову.

— Угадали. Я свалился с луны, а эта кружка может свалиться вам на голову. Запомните раз навсегда, что я глух и нем от рождения. Поэтому ваше красноречие подобно дождевой капле, падающей на костер. Она исчезает. Надеюсь, вы тоже исчезнете с моего пути.

Идя через кухню к себе в чулан, я спросил Кэт, гревшуюшую ложками в лохани:

— Разбуди меня пораньше, мышонок.

— Будьте спокойны, сэр. Доброй ночи.

У входа в пристройку я прислушался, сторожко и напряженно, затаив дыхание, как это делают преследуемые. Да, опять старые бродяжки привычки проснулись во мне, разбуженные этим птицеловом.

Но на дворе Бриджа было тихо.

VIII

Кинг-стрит, главная улица Эшуорфа, представляла собою пейзаж, законсервированный с тех пор, как я помню его с детства. Ничто не изменилось в пестрой и холодной перспективе прачечных, булочных и старых лавок с запыленными витринами, зевающими приказчиками и толстыми хозяевами в бархатных жилетах.

Я ступал по плитам знакомой улицы, и теплое солнце улыбалось мне. Стало невыразимо грустно, когда я достиг сквера. Вот и скамеечка, на которой три года назад я сидел с Эдит. На клумбе в зеленом бордюре садовник рассаживал неизменные флоксы. Наискось от скамейки расположился киоск с фруктовыми водами, и продавщица показала мне знакомой. Я подошел ближе. У киоска стоял краснолицый парень в костюме с иголки и любезничал с девушкой, которая отмеривала сиропы. Кудряшки на висках девушки заставили дрогнуть мое сердце. Белый воротничок аккуратно лежал на ее худеньких плечах и чуть вздрагивал при каждом движении ее маленьких рук.

— Ах, мисс Уинтер, поездка на моей яхте будет восхитительной! Мы могли бы доехать до мыса Джен и погулять у маяка, — бормотал парень, косясь на девушку.

Конечно, это была Эдит. Я узнал ее раньше, чем увидел прелестные глаза, которые помнил всегда, даже в преддверии смерти, когда при крушении «Буксуса» меня водоворотом затягивало в океанскую пучину.

Я не слышал, что ответила Эдит. Но делом минуты было для меня подойти к этому парню и сказать ему очень дружелюбно:

— Слушай, Боб. Твою яхту сорвало сейчас с якоря, и ребята ищут тебя по всему Эшуорфу. Спеши, пока твое суденышко не разбилось о камни...

Боб Бердворф испуганно покосился на меня и побежал вниз по улице, к порту.

— Тысяча извинений, мисс Уинтер, — пробормотал я и, круто повернувшись, отошел от киоска.

Я уходил прочь, чувствуя на своей спине встревожен-

ный и внимательный взгляд Эдит. Мне очень хотелось обернуться, но я не сделал этого. Эдит не узнала меня и не могла узнать, ведь мое лицо уже не было лицом Сэма Пингля. А встревожилась она, конечно, за Боба Бердворфа...

Когда в детстве я бывал чем-нибудь обижен или огорчен, я всегда искал утешения у мамы. Я прибежал к ней, рассказывал о своих печалях и огорчениях, и она находила для меня теплые слова, полные материнской ласки и утешения. И теперь я ощутил жгучую потребность побыть на могиле родителей, чтобы хоть немного успокоить мой смятенный дух.

Эшуорфское кладбище занимало часть парка, выходившего на обрывистый берег. Внизу у самых скал плескались океанские волны. Я прошел мимо сторожки, мимо тихой старой церкви из серого гранита, увитой плющом, мимо ряда строгих печальных памятников, утопавших в цветах и зелени. За поворотом дорожки, в десятке ярдов от обрыва, под сенью двух задумчивых сосен нашли вечный покой мои родители.

Приблизившись к священному для меня месту, я с благоговением снял кепи и опустился на колени. Слезы затуманили мои глаза, и я мог только прошептать:

— Дорогие, родные мои! Вы, давшие мне жизнь... Если бы вы могли видеть сейчас вашего сына! Вот я...

Горестное чувство охватило меня, и я заплакал, не стыдясь этих горячих слез любви и бесконечной печали.

Сквозь слезы я читал надписи на памятниках, украшенных скромными венками из иммортеллей:

«Анна Мария Пингель.

192...

*Убитые горем муж и сын
оплакивают незабвенную жену и мать».*

«Айзидор Теофил Пингель.

193...

*В день Суда воздай не по делам моим,
но по милости Твоей».*

Склонив голову, шептал я историю моих злоключений, как будто мама могла слышать меня.

Вдруг где-то за кустами роз, невдалеке, раздалось тихое посвистывание — художественная имитация птичьего пения. Свист на кладбище показался мне неуместным. Я повернулся.

Птицелов шел по дорожке в полном великолепии охотничьего наряда. Бинокль висел на ремне справа, а крест-накрест через плечо свешивалась фляга, которую я вчера продал Бриджу.

Это птицелов насвистывал, задрав голову к вершинам деревьев.

«Ну, непоздоровится нахалу, если он опять начнет приставать ко мне!» Я встал с колен и сжал кулаки. Но запасы нахальства у этого человека были поистине неисчерпаемы. Остановившись в двух шагах от меня, он неожиданно раскрыл объятия, как будто встретил давно потерянного и только что найденного друга.

— Это вы? — вскричал он. — Конечно, это вы! Я так и знал, что найду вас именно здесь. Теперь не сомневаюсь...

На фоне весеннего неба, нависшего над океаном просторной голубой чашей, смешная фигурка птицелова у обрыва казалась силуэтом, вырезанным из бумаги. О, нахал, он исчезнет, если заставить его сделать скачок вниз на скалы!

Я проговорил сквозь зубы:

— Не сомневаюсь, что вы величайший негодяй! Вы ходите за мною по пятам. Но у меня бывают приступы бешенства...

И я размахнулся, чтобы ударить.

— Погодите секунду! — вскричал птицелов. — Погодите, Сэм Пингль!

— Никогда я не был Сэмом Пинглем! — в бешенстве закричал я зубами. — Ошибаетесь...

Птицелов умоляюще сложил руки на груди.

— Уверяю, Пингль, это вы ошибаетесь. Боже мой, меня трудно узнать... Припомните доктора в Мацатлане!

В замешательстве я отступил назад.

— Что? Вы Рольс?

Но птицелов грустно покачал головой.

— Нет... Я — Вандок.

Одиннадцатая тетрадь

I

Должен извиниться перед читателем моих записок за небольшое отступление, но я непременно должен рассказать о странных событиях, развернувшихся в это время в Эшусрфе. Они хорошо известны мне со слов действующих

лиц, подтверждены многочисленными свидетелями, и сомневаться в их достоверности ни у кого нет оснований.

Госпитальные истории болезней, кажется, самый скучный род литературы. Однако официальные тетрадки, исписанные разнообразными почерками лечащих врачей и пестрящие вклейками температурных кривых, рентгеновских снимков и анализов, являются, как утверждал доктор Флит, наиболее драгоценными человеческими документами, ибо житейские драмы и комедии находят здесь наиболее объективное отражение. Правда, начальник эшуорфского полицейского бюро Фредсон держался того же мнения в отношении криминалистических протоколов, а стряпчий Сэйтон — в отношении духовных завещаний. Но, кажется, доктор был ближе всех к истине. Часто встречаются, утверждал он, медицинские казусы, необычайность которых не исключает их полнейшей достоверности.

В одно прекрасное майское утро доктор Флит сидел в аптеке Орфи, завернув туда, чтобы получить причитающиеся ему деньги за пилюли от одышки. Эд только что успел откупорить бутылку содовой, чтобы вспрыснуть эту крошечную коммерческую операцию, как служанка эшуорфского судьи ураганом влетела в аптеку и сообщила, что почтенный служитель правосудия нуждается в экстренной медицинской помощи. Служанка торопила доктора и не могла толком рассказать никаких подробностей о болезни своего хозяина.

Ровно через две минуты доктор Флит спокойным шагом двигался к дому судьи. Он держал небольшой саквояж с инструментарием и размышлял, какой сюрприз преподнесла ему коварная природа и какую диагностическую задачу придется ему решать сейчас. Глупая служанка шла рядом, выпаливая по триста слов в секунду, и доктор мог только понять, что судья утром ушел в магистрат, но очень скоро возвратился оттуда. Войдя в дом, он проговорил: «О, добрая Силли, не смотрите на меня», и пробежал наверх в спальню, закрыв лицо носовым платком. Силли, по ее словам, никогда не была любопытна. Но на этот раз она подошла к дверям спальни, справедливо ожидая, что понадобятся ее услуги. И она не ошиблась. За дверью послышался звон разбиваемого стекла и крик судьи:

— Силли, где вы, чорт возьми? Бегите к Флиту и приведите его немедленно, живого или мертвого! Скажите, что я захворал!

Поспешность не числилась в списке недостатков доктора Флита. Напротив, чем шумнее выражались просьбы

спешить к пациенту, тем больше медлительного спокойствия приобретали манеры доктора.

И теперь, подойдя к дому судьи, доктор замедлил шаг на ступеньках подъезда и прочитал знакомую карточку:

«УИСЛЕЙ, ГЛАВНЫЙ СУДЬЯ ЭШУОРФА».

Силли распахнула дверь, и доктор перешагнул порог с тем выражением мрачной торжественности, которая присуща официальным лицам при исполнении ими обязанностей, не всегда доставляющих удовольствие присутствующим. Доктор в молчании снял свой черный цилиндр, носовым платком вытер вспотевшую лысину и вопросительно посмотрел на Силли. Она двинулась вперед, показывая путь и осторожно ступая на цыпочках, а не стуча каблуками, как обычно.

Пройдя салон и гостиную, доктор поднялся во второй этаж. Между высокими шкафами, набитыми юридическими трактатами и сводами законов, виднелась дубовая дверь. Силли постучала в нее. Потом постучал доктор. И тогда послышался голос судьи Уислея:

— Незачем стучать, Флит, когда вы знаете, что вас ждут с нетерпением. Входите и, пожалуйста, прогоните Силли вниз, чтоб она не подслушивала. У нее имеется эта скверная привычка.

Доктор, войдя, плотно закрыл за собою дверь. Спальня была ярко освещена лампами и свечами в канделябрах, несмотря на солнечные лучи, весело врывавшиеся в окна. Судья Уислей сидел на стуле спиной к двери, около которой стоял доктор, и не обернулся. Он был слишком занят рассматриванием какого-то предмета, который держал в руках.

— Доброе утро, мистер Уислей! — громко произнес доктор с привычным оттенком добродушия, которое должно вызывать чувство надежды у пациентов.

— Доброе утро, Флит, — пробурчал судья, не оборачиваясь. — И, пожалуйста, не приближайтесь ко мне. Сначала поставьте куда-нибудь ваш саквояж и садитесь. Приготовьтесь увидеть неприятную картину. Боюсь, что вы упадете в обморок и перебьете склянки с вашими снадобьями.

— Но что случилось? — воскликнул доктор, ставя, впрочем, саквояж на первое попавшееся кресло, потому что он привык исполнять требования служителей закона, а кроме того, дорожил двухунцевым шприцем, доставшимся ему по наследству от отца, тоже практиковавшего раньше в Эшуорфе.

— Стойте на месте, Флит! — нетерпеливо выкрикнул судья. — Не смотрите на меня и слушайте. Забудьте, что наболтала вам Силли. Не возражайте, я знаю, как привешен язык у этой девушки...

Флит был отлично знаком с манерой судьи разговаривать и молча рассматривал жирный седой затылок Уислея. Судья говорил с раздражением:

— Сегодня я судил одного бездельника, который не хотел раскаяться. Я уже начал писать приговор. Вдруг слышу голос секретаря: «Мистер Уислей, что такое с вами?» Я поднял голову и увидел разинутые рты окружающих. Они смотрели на меня, как на выходца с того света. Я устроил перерыв, а в кабинете секретарь поднес мне зеркало...

— И что же? — спокойно выговорил доктор, инстинктом опытного медика чувствуя, что именно сейчас нельзя терять присутствие духа.

Исследователь, работающий над вопросами частной эпидемиологии, может сам ознакомиться с записями доктора Флита младшего. Стоит ему только потребовать в Эшуорфском архиве папку № СХХI/14. Там на листе сто двадцать девятом рукой доктора Флита написано в черновике донесение медицинскому обществу:

«Случай с судьей Уислеем представлял трудности для распознавания. Под влиянием болезненного процесса, сущность которого мне была неизвестна, образовалась деформация костей лица, кожи и подкожной клетчатки...»

Увидев лицо обернувшегося судьи, доктор в изумлении воскликнул:

— Но это же не вы, мистер Уислей! Я не могу узнать вас.

Действительно, только по голосу и по судейскому сюртуку можно было предполагать, что сидевший перед доктором Флитом с зеркалом в руках джентльмен был судья Уислей.

— Я сам не узнаю себя, — проворчал этот человек. — Когда, придя домой, я взглянул на свой нос, я испугался и разбил туалетное зеркало. Мне показалось, что я — муравьед. Ага! Силли завизжала за дверью. Она подслушивала, негодная...

Доктор Флит овладел собою. Отбрасывая ногой осколки зеркала, он взял судью за руку.

— Спокойствие. Проверим пульс. Покажите язык.

Медицинское священнодействие началось. Через полчаса оно окончилось. Доктор Флит писал рецепты:

— Диэга... Примочки на нос...

— Будем надеяться, — бурчал судья. — Домашний арест на трое суток? Не возражаю. Я не могу в таком виде показаться в магистрате. Придется раз в жизни и мне посидеть под арестом.

В эту минуту зазвонил телефон. Трубку взял старый врач. Стряпчий Сэйтон справлялся, не здесь ли доктор Флит.

— Да, я как раз тут, — ответил доктор. — Ах, вы хотите, чтоб я навел вас? С удовольствием. Никакого затруднения. Напротив, моя обязанность. Здоровье мистера Уислея? Хорошо... Ах, вы уже слышали? О, пустяки... Небольшой флюс. Что? У вас тоже начинается флюс? Превосходно... То есть, я хочу сказать, что флюс — пустяки...

К дому стряпчего Сэйтона доктор Флит двигался менее безмятежным шагом. Беспокойные мысли начинали тревожить его ум, привыкший к невозмутимому течению эшуорфской жизни. Подводные камни стали обнаруживаться в самых, казалось, безопасных местах.

II

Случай с мистером Сэйтоном, стряпчим Эшуорфа, судя по записям доктора Флита, рисовался в несколько ином виде. Эд Орфи, у которого обнаружился незаурядный актерский талант, очень живо впоследствии изображал мне Флита и его пациентов в лицах, так как все слухи о болезнях и выздоровлениях всегда приносились заинтересованными лицами в аптеку.

Утром, когда судья Уислей писал приговор какому-то воришке, стряпчий сидел в кабинете своей конторы, погруженный в чтение проекта завещания, которым уважаемая вдова миссис Алиса Боливар, престарелая прихожанка отца Иеремии, передавала общине на благотворительные дела все свои деньги и имущество, оцениваемое в тысячу сто тридцать гиней.

В кабинет с экстренным докладом вошел новый помощник стряпчего. Он приходился племянником одной из богатых доверительниц господина Сэйтона и поэтому был допущен в святилище стряпчего, тем более что тетушка поставила, под угрозой лишения наследства, условие, чтобы племянник бросил заниматься катанием на яхтах. Это был Боб Бердворф, и мне хотелось бы здесь добавить, что Боб имел невыразительные глаза и удивительно некрасивые уши.

Итак, Боб вошел, готовясь сообщить, что звонили из конторы Олдмаунта. Сэйтон оторвался от чтения, строго сдвинув брови. Но Боб не смог вымолвить ни слова. Он был чрезвычайно поражен. Бобу показалось, что стряпчий раскрасил себе лицо или надел страшную индейскую маску.

— Что вы таращите глаза, Боб? — сердито спросил стряпчий.

Боб еле мог пошевелить языком.

— Боже мой, — пробормотал он, — что с вами, мистер Сэйтон?

Боб трясся в ужасе. Маска на лице стряпчего приняла еще более устрашающее выражение.

— Да говорите же! — прикрикнул стряпчий, приподнимаясь со своего старинного кресла.

— Ваше лицо!.. — дико закричал Боб и выбежал из кабинета.

Стряпчий был поражен поведением Боба. Оно было явно ненормально. Что бормотал этот сумасшедший насчет лица? И стряпчий энергично позвонил три раза.

На зов явился старый слуга Тим, на обязанности которого лежало вносить стряпчему каждый час чашку горячего крепкого чая. Тим внес поднос с чаем, но картина, которую он застал, была необыкновенна.

Сэйтон стоял против окна, энергично пожимая плечами, и что-то усиленно рассматривал в стекле. Позже оказалось, что стряпчий, за неимением в кабинете зеркала, пытался рассмотреть свое изображение в оконном стекле. И он не удивился, увидев, что одна из его щек безобразно раздулась. Гражданские дела, которые он вел, отняли у стряпчего одну из пленительнейших черт живого человека — способность удивляться.

— Зеркало! — коротко приказал Сэйтон Тиму.

Длительное созерцание распухшей щеки не привело Сэйтона ни к каким выводам, кроме одного: что надо послать за доктором Флитом. Это было приемлемо для стряпчего, если Флит не повысил таксы и если можно ограничиться одним визитом врача. Стряпчий не любил давать деньги за то, что ему скажут: «Флюс есть флюс». Но эта проклятая опухоль имела намерение распространиться на ухо.

— Никого не впускайте ко мне, Тим, — распорядился Сэйтон. — Никого, кроме доктора Флита. Идите. Впрочем, погодите. Мистер Бердворф, кажется, тоже нездоров?

Вышколенный слуга отлично понимал малейшие оттенки тона своего хозяина и поклонился.

— Боюсь утверждать, сэр, но...

«Но» заключалось в неприятной для Тима манере Боба забывать, что по субботам следует давать на водку старому наушнику. Когда Тим вышел из кабинета, Боб оживленно диктовал что-то стенографистке. На правах конторского старожилы Тим прошептал Бобу на ухо:

— Если вам нравится работа у мистера Сэйтона, то не кричите, когда видите беспорядок на лице патрона...

Сэйтон звонил по телефонам, разыскивая Флита. Доктор явился, осмотрел стряпчего и написал рецепты.

Солнце намеревалось клониться к западу, когда доктор Флит вышел из конторы стряпчего. Не успел он пройти по Кинг-стрит и сотни шагов, как усатый полисмен с нашивками капрала догнал его.

— Доктор Флит? — спросил капрал, отдавая честь рукой, затянутой в белую перчатку.

— Разве вы не узнали меня, Филь? — остановился доктор, вздрагивая и ощупывая свои скуловые кости.

— Разумеется, узнал, — отрапортовал капрал. — Но начальник бюро...

— Мистер Фредсон захворал? — осведомился доктор.

— Разрешите доложить. Начальник с утра был в полном здравье. Но после второго завтрака миссис Фредсон, войдя в столовую, где на несколько минут оставила своего супруга, нашла, что лицо мистера Фред...

Капрал Филипп Дрег не успел закончить рапорт. Доктор Флит ринулся к дому Фредсонов с такою скоростью, что догонявший его капрал не мог поспеть за этим марафонским бегом. Эд, составлявший в десятиунцевой бутылке две порции микстуры по одинаковым рецептам Флита для судьи и стряпчего, видел через окно аптеки бегущего доктора и догонявшего его капрала. Силли и Тим, дожидавшиеся лекарства, видели то же, и все втроем высказали предположение, что Филь хочет арестовать доктора.

Миссис Фредсон встретила доктора Флита с заплаканными глазами.

— О, это ужасно...

— Где больной? — пробормотал доктор, забыв поздороваться с хозяйкой и снять цилиндр.

— В столовой, — ответила миссис Фредсон и расплакалась.

Доктору пришлось перешагнуть через какие-то разбитые черепки, которые валялись неубранными. За круглым столом, уставленным остатками завтрака, бутылками и, очевидно, всеми, какие имелись в доме, зеркалами, сидел

начальник полицейского бюро Фредсон в расстегнутом мундире и вертел головой, издавая нечленораздельные звуки.

— У него началось с левой ноздри, — заливаясь слезами, прошептала миссис Фредсон, входя вслед за доктором.

Салфетка была еще заткнута за жилет Фредсона. Значит, несчастье постигло его внезапно, за десертом, когда никто не мог предполагать, что кости лица Фредсона, повинувшись какой-то неизвестной силе, вдруг претерпят существенные изменения. Отек распространялся на челюсть и подбородок, придавая лицу устрашающее выражение.

— Третий случай, — оживленно произнес доктор, кладя руку на плечо Фредсона. — Мы сейчас разберем... Полковник, придите в себя. Перед вами я, Флит...

Фредсон поднял глаза на доктора.

— А, это вы? Очень приятно... Но какова рожа! Простите, говорю о себе.

— Джордж, да приди же в себя! — умоляюще произнесла миссис Фредсон, прикладывая кружевной платочек к своим мокрым глазам.

— Я и не думал выходить из себя, — довольно трезво возразил Фредсон. — У этой леди, доктор, слишком развито чувство паники, а я хотел бы знать ваше мнение. Смотрю в зеркало и говорю: «Я иль не я? Вот в чем вопрос!»

— Разберем, — ответил доктор Флит. — Расскажите, как началось...

Фредсоны рассказывали. А доктору Флиту с первого же взгляда было ясно, что перед ним третий случай одного и того же заболевания. Какого? Флит не знал. Если бы даже он сейчас успел перелистать все комплекты «Ланцета» и шестнадцать томов «Энциклопедии», то и там он не нашел бы ни малейшего намека на подобное изменение физиономии судьи, стряпчего и начальника бюро. Что случилось?

«Если взять изображение хорошо известного вам человека, напечатанное на бумаге, и скомкать отпечаток, то линии будут так перемещены, что сходство утратится до неузнаваемости». Так записано рукой доктора Флита на странице двести сорок девятой упомянутой архивной папки.

Фредсон между тем волновался.

— Чорт меня заставит лечь в постель! Служба, доктор, понимаете? Я должен работать, а не хворать.

— Все будет хорошо, — пробормотал доктор Флит.

Голос его опять приобретал медлительность. Размышления привели его к выводу: «Ясно, что многое еще неясно,

а поэтому выжидательный метод лечения здесь является самым предпочтительным».

— Ну, вы успокоили меня, — веско сказал Фредсон, подходя к буфету. — Я чувствую себя сильным и здоровым, а физиономия неважна для службы. Кстати, доктор, при моей теперешней болезни что полезней — ром или коньяк?

Новое умозаключение сорвалось с языка доктора Флита:

— Это не болезнь, а состояние.

Фредсон возился у буфета с бутылкой.

— Не болезнь? Тем лучше. А состояние вернется к норме...

Он налил два стаканчика рома, выпил один из них, побагровел, но голос его зазвучал мягче:

— Пейте, доктор, и не утешайте. Я человек военный и люблю смотреть опасности прямо в глаза. Вчера в цирке на площади подобной болезнью заболел дрессированный жираф. Я принял свои меры — послал ветеринара. Знаю о болезни судьи и стряпчего и предчувствую, что доктору Флиту придется поработать. Не хотите пить? Тогда до свиданья. Не подавайте мне руки. Так будет лучше...

Доктору Флиту оставалось только приподнять цилиндр и откланяться. Он осведомился у встретившей его в коридоре миссис Фредсон, где можно вымыть руки, и долго возился под краном с горячей водой, тщательно орудуя мылом и щеткой.

III

В тот день доктору Флиту не пришлось обедать в освященный традициями час. Лишь только он успел выйти от Фредсона, как подбежавший церковный сторож Майкл спешно позвал его к четвертому пациенту.

Преподобный Иеремия лежал у себя в спальне, обложенный грелками. В таинственном полумраке доктор Флит различил ночной столик и изголовье. Около кровати настоятеля на стульях чинно сидели три почтенные леди. Одна из них читала вслух молитвенник, и по голосу доктор узнал в ней свою давнишнюю пациентку миссис Бердворф, тетку спортсмена Боба. Никто из присутствующих не обратил внимания на приход Флита, так как все были заняты благочестивым чтением.

— «И да снизойдет на верного раба благоволение твое, — читала старая леди, вздыхая после каждого третьего слова. — И до восхвалят рабы господа, аллилуия...»

— Аминь, — раздался слабый голос Иеремии. — Кто вошел сюда? А, это вы, досточтимый доктор?

— Добрый вечер, отец настоятель, — солидно проговорил доктор, отвешивая поклон изголовью и трем леди.

— Добрый вечер, — стонущим голосом опять отозвался Иеремия. — Благословенно прибытие ваше к страждущему, ибо писано есть: «Болен был, и посетили меня».

— Но что случилось с вами? — спросил доктор Флит, приближаясь к лежащему. — Здесь довольно темно. Надо зажечь лампы...

Преподобный сделал слабое движение рукой.

— О нет, подождите возжигать светильники. Я только что прослушал молитву святого Бонифация, и вдохновенные слова его еще звучат в моем сердце...

— Миссис Бердворф не дочитала молитвы до конца, — раздался строгий голос второй леди.

— О, знаю, дорогая духовная дочь моя миссис Боливар, — еще более смиренно забормотал Иеремия. — В молитвеннике остались непрочитанными четыре возношения, но милосердие да снизойдет к страждущему.

Доктор Флит потерял остатки терпения и выдержки. Он был голоден, устал от забот, которые свалились на него сегодня. Он наклонился к изголовью, чтобы лучше рассмотреть лицо лежащего. Тут он почувствовал прикосновение к своему уху губ настоятеля и услышал энергичный шопот:

— Дорогой Флит, удалите, пожалуйста, этих дам отсюда.

Выпрямиться в полной достоинства позе было делом секунды для доктора.

— Я попрошу вас, леди, оставить меня вдвоем с больным, — внушительно произнес он и тряхнул саквояжем, в котором зловеще звякнули шприцы и трубки специального назначения.

Шокированные звяканьем стеклянных наконечников, леди поспешно встали.

— Подождите в гостиной, дочери мои, — простонал Иеремия. — Ваша драгоценная помощь понадобится позже, я чувствую. Блаженны чистые сердцем. Грядите с миром.

Три дамы чинно вышли из спальни. Доктор Флит закрыл дверь.

— Поверните ключ два раза и задерните портьеры, — продолжая стонать, прошептал Иеремия.

Доктор Флит исполнил просьбу.

— А теперь... — начал было доктор, еще держа в руке шнурок с золотой кистью от плотной бархатной портьеры.

— А теперь, — продолжил Иеремия голосом вполне здорового человека, сбрасывая с себя одеяло и садясь на край постели, — разрешите поблагодарить вас за то, что вы избавили меня от этих леди. Почетные прихожанки, ничего не поделаешь... Нельзя же мне самому попросить их удалиться...

— Так вы здоровы? — пробормотал доктор Флит.

— Я не чувствую себя больным настолько, чтобы оправдать назойливость этих дам, — слышался голос Иеремии. — Правда, с утра я должен был спрятаться от всех за ширмой... Зажгите свет и взгляните...

Рука доктора нашла и повернула выключатель. Вспыхнувшая люстра осветила сидевшего настоятеля. Доктор Флит заморгал в изумлении. Лицо преподобного Иеремии как будто было вывернуто наизнанку. Четвертый случай странной эпидемии! Это было много за один день для доктора Флита.

— Безобразно? — осведомился Иеремия у изумленного доктора. — Я боюсь смотреться в зеркало. Словно меня подменили. Не нравится мне такое преображение. Сказано в писании: «Лицо — свидетель твой». А о чем может свидетельствовать моя опухшая физиономия? В поэме Броунинга сказано: «Твоя душа благоухает на лице твоём, о милый». Но как я покажу такое лицо моим прихожанкам? Они будут плохого мнения о моей душе. Флит, я откровенен пред вами, как может только быть откровенен врач душ человеческих перед врачом бранных телес наших.

— Что случилось? — спросил доктор сухо. Его не интересовала ни лирика Броунинга, ни цитаты из библии. Он жаждал фактов.

— Сейчас узнаете, — произнес Иеремия, вставая и подходя к столу у окна. Он приподнял салфетку, которой были прикрыты блюда и судки. — Ага, — потер он руки с удовлетворением. — Старушки позаботились. Я не ел с утра и постился, поджидая вас. Но Майкл еле нашел вас. Вы были заняты и, конечно, не обедали. Садитесь, кушайте... Паштет из дичи. Миссис Боливар готовит его удивительно. Пациенты подсобны прихожанам и не дают нам во-время пообедать.

— Вы правы, — со вздохом произнес доктор Флит, присаживаясь к столу. — В этом судке, кажется, фаршированная камбала?

— Да, приношение миссис Бердворф. Начинайте с камбалы.

Иеремия взял флакон, откупорил и понюхал:

— Ага, черносмородиновая... Производство миссис Лотис. По четыре унции хватит. — Он разлил черносмородиновую по рюмкам.

Челюсти преподобного двигались словно хорошо смазанные и пригнанные жернова, дробя поджаренные гренки с маслом и сыром.

«Функция жевательного аппарата отца-настоятеля, — записал впоследствии доктор Флит, — была сохранена полностью, несмотря на значительное изменение конфигурации челюстей, особенно нижней, принявшей совершенно округлую форму».

Насытившись, доктор Флит не обнаружил никакого желания засиживаться здесь, тем более что предположение Фредсона о заразительности заставило его насторожиться. Доктор что-то слышал вчера о происшествии в бродячем цирке, но не придавал значения болтовне горожан. Если даже у циркового жирафа ящур, то ни у Иеремии, ни у остальных трех пациентов не было и намека на эту болезнь. Восприимчивость людей к ящуру вообще невелика. Но сегодня доктор мог убедиться, что, несмотря на разнообразие внешних форм четырех случаев, они сходны в основном: деформация лица вела к тому, что человек становился неузнаваемым.

— Ну, доктор Флит, — сказал Иеремия, ковыряя во рту зубочисткой, — слушайте. Это пришло сразу, сегодня утром. Я брился перед зеркалом, и все шло благополучно. Я уже вытерся одеколоном и убирал в футляр бритвенные принадлежности, как случайно взглянул в зеркало. Сначала я подумал, что как-нибудь нечаянно стукнул его и оно дало трещину. На самом деле это мое лицо дало трещину. Пухлые борозды проехали по мне, как будто страшная лапа свернула мне челюсть на сторону. Я позвонил Майклу и улегся в постель. Но прихожанки, узнав о моей болезни, нагрянули с молитвенниками и приношениями. Помогайте, доктор! Я привык к моему лицу, привыкли и прихожане. Для них будет трудно приспособить внимание к слушанию проповедей, исходящих от незнакомого. Я понимаю их психологию, поймите и мою.

— Мне хочется добраться до истины, — сказал доктор Флит. — С чем бы вы могли связать возникновение этого... преобразования?

Иеремия задумался.

— Не могу понять... Вчера... Что было вчера? Обыкновенный день. Впрочем, погодите, доктор... Нет, это просто был сон...

— Рассказывайте сон! — приказал доктор Флит.

— Вчера моя экономка миссис Хьюз уехала к родственникам в Гууль, — начал Иеремия. — До самого ужина я провел время за чтением проповедей. Поужинав, я с книгой перешел сюда и раскрыл окно. — С этими словами Иеремия отдернул бархатную оконную портьеру. — Как видите, окно выходит в сад. Прямо площадка для крокета, направо розарий. Налево растет старый бук. Вот большая ветка протягивается параллельно окну. Я дочитал проповедь «О сладости бытия», разделся и потушил лампу. Только отсвет фонаря, что горит около церкви, падал сюда. Вот так... — Иеремия потушил люстру. Спальня теперь освещалась только ночником у кровати и полоской света снаружи. — Мне казалось, что спал я больше часа, вот на этой постели, головой к стене, лицом к окну. Проснулся я внезапно от странного булькающего звука, как будто маленькое животное лакает что-то. Открыв глаза, я увидел силуэт маленькой собачки, пробежавшей по подоконнику. Мне показалось, что она задела стакан, и ложечка в нем звякнула. Этот звук я отлично запомнил. Пока я соображал, каким образом собачонка могла взобраться по ветвям бука к окну, животное повернуло голову в мою сторону, жалобно мяукнуло...

— Вы хотите сказать — залаяло, — поправил доктор.

— Нет, Флит, нет! Самое странное в этом сне было то, что собачонка именно замыкала, как кошка, и скрылась.

— Что же дальше? — спросил Флит.

— Сердце у меня неприятно билось. Меня почему-то взволновал этот сон. Я подошел к окну — все было тихо. Правда, ветка бука слегка колыхалась.

— Что же вы сделали потом?

— Потом? Как я уже сказал, я был несколько взволнован и жадно выпил стакан воды...

— Который стоял на подоконнике?

— Да. А что?

— Ничего. Простите, я перебил вас, — проговорил доктор Флит. — Какой вкус был у воды?

— Самый обыкновенный. Я не пью сырой. Миссис Хьюз настаивает на кипяченой. Потом я запер окно, опустил штору и заснул.

— Все? — глухо спросил доктор Флит.

За дверью послышался шум женских голосов. Иеремия испуганно зашептал:

— Так и есть. Она!

Глаза доктора выразили недоумение.

— Кто?

Иеремия безнадежно, почти с отчаянием махнул рукой.

— Миссис Хьюз. Наверное, Майкл дал ей телеграмму о моей болезни, и вот она примчалась. Гасите свет, дорогой Флит.

В полутьме Иеремия поспешно укладывался в постель. В дверь барабанили настойчивые кулаки. Доктор Флит шарил по спальне, ища свой саквояж, так как забыл, куда его поставил.

— Ну, я укрылся одеялом, — простонал Иеремия, ворочаясь на матраце. — Отпирайте дверь и впустите сюда миссис Хьюз. Могу я надеяться, что преображение окончится?

Доктор Флит нашел саквояж.

— Диета, режим и микстура, — ответил он бодро. — Эта медицинская троица со времени Гиппократы еще ни разу не дала осечки, отец-настоятель. — Доктор повернул ключ в двери. — Прошу вас, миссис Хьюз.

Экономка преподобного Иеремия ворвалась, не сняв еще с шляпки дорожного вуаля.

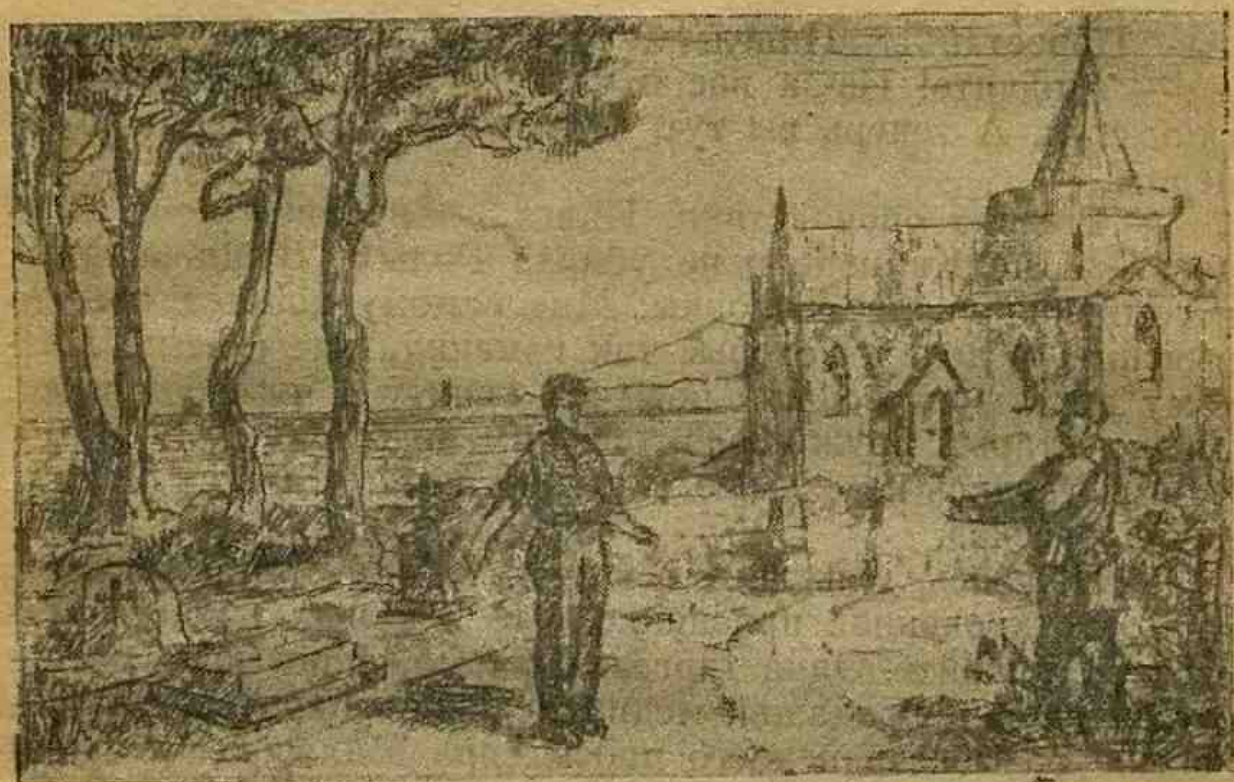
— Что-нибудь серьезное? Почему вы заперлись?

— Преподобный Иеремия устал от служения человечеству, — произнес в ответ доктор Флит чрезвычайно веско. — Важные нравственно-философские мысли, которыми он занят, требуют, чтобы никто не смел его беспокоить. Да, даже вы, миссис Хьюз. Пойдемте в кабинет. Я напишу рецепты. Исполняйте мои предписания. И храните молчание. Преподобный отец знает молитвы наизусть и будет произносить их в сердце своем. В посещениях посторонних нет нужды.

— Как вы добры, доктор! — пролепетала миссис Хьюз.

Медленно возвращался доктор Флит домой, задумчивый и уставший. Впервые в его практике встретились такие случаи. Бывают люди курносые и с большими носами, с квадратными и округлыми подбородками, с низкими и высокими лбами, и это никого не беспокоит. Но если бы у курносого внезапно удлинился нос или если бы подбородок у человека вдруг изменил свои очертания? Значит, только внезапное нарушение привычного вызывает беспокойство. Разве с течением времени не изменяются черты человеческих лиц? Разве в старикашке Орфи можно сейчас узнать того молодого дрогиста, который тридцать лет назад пришел знакомиться к Флиту? Да разве кто узнал бы сейчас и молодого студента Флита в

— Вандок? — спросил я.

докторе Флите, жирном, обрюзгшем, с малиновым носом, расцвеченным синеватыми жилками? А ведь это один и тот же Гораций Флит.

«Следовательно, — заключил доктор Флит, — фактор неожиданности является попросту лишь функцией времени».

IV

Эти события развернулись в Эшуорфе в тот день, когда я блуждал по Длинному Хоботу.

А теперь я стоял перед птицеловом.

— Вандок? — спросил я, и кулаки мои разжались.

Это было необычайно. Этому трудно верилось. Но птицелов напомнил мне такие подробности наших встреч в парке «змеиного профессора» и на суде в Рангуне, что сомнениям не оставалось места. Да, это был Вандок! Он стал меньше ростом, но, приглядевшись и прислушавшись, можно было, пожалуй, найти отдаленное сходство с тем парнем, который проиграл мне доллар в Белл-Харборе при первом знакомстве.

— Вы страшно изменились, Вандок, — вымолвил я, выслушав птицелова, — но не перестали быть негодяем. Мало того, что вы промышляли воровством, но еще и убили доктора Рольса...

— Перестаньте, Пингль, — серьезно отозвался Вандок.

— Молчите! Из-за вас я чуть не попал на электрический стул. А теперь вы тут, похититель змей, бандит Карнеро?..

— Больше спокойствия, Пингль, — прервал меня Вандок. — Я не Карнеро и не убивал Рольса. Ваши вопросы и сомнения вполне законны. Мне самому хочется кое-что выяснить в делах, которые так изменили нас с вами. Поэтому не станем вешать носы на квинту и приободримся. Сядем, старый дружище, и обсудим положение...

Мы уселись на скамью около чьей-то могилы, и Вандок начал рассказ.

— Надеюсь, Пингль, вы оплатите мне откровенностью за мое откровенное признание. Это в наших общих интересах. Слушайте. Одна торговая фирма, занимающаяся изготовлением и продажей медицинских препаратов, поручила мне разыскать некоего профессора Мильройса и понаблюдать за ним. Мне думается, что фирма боялась, как бы Мильройс не надул ее, взяв на себя подряд по доставке оригинального сырья в виде змеиных свежедобытых ядов. Поручение оплачивалось очень щедро, я должен был аккуратно посылать каждую неделю отчеты по почте. Я честно выполнил поручение. В Нью-Йорке я нашел Мильройса, занятого переговорами с крупнейшими импортными фирмами. Так как неотступное следование за ним входило в мои обязанности, то я поехал по его следам и в Белл-Харбор. Мильройсу пришла фантазия купаться. Я видел, как он погрузился в волны, а в это время появился стройный юноша и уселся около меня, мешая мне наблюдать за купающимся Мильройсом.

— Это был я? — невольно вырвался у меня вопрос.

— Вы ужасно догадливы, Пингль, — ответил Вандок. — Но в коллекции особенностей вашего характера числится также упрямство. Пришлось загнать вас на вышку, чтобы обличить хвастовство, будто вы сможете сделать фигурный прыжок.

— Я и проделал его. А вы проиграли, Вандок...

— Держите ваш доллар, — усмехнулся собеседник. — Таскаю ваш выигрыш третий год в жилетном кармане. Но своим прыжком, Пингль, вы испортили мне все дело. На пляже поднялась суматоха. Клипс вцепился в вас, и потом я видел афиши с вашим изображением у входа в «Колос-сэум». Я тогда подумал, что вы далеко не такой простак, каким прикинулись на пляже. Но самое-то главное — Мильройс так и не вылез из воды...

— Он был спасен мною, — важно сказал я, пряча потрепанную долларовую бумажку в карман.

— Что? — изумился Вандок.

— Ну да, — сказал я. — Так бы я и бросился с этой чертовой вышки для вашего удовольствия! Но внизу человек пошел ко дну, и я должен был помочь ему выбраться на поверхность.

— А дальше?

— Я ухватил его за волосы. Подоспел катер и увез его.

— Это тоже с вашей стороны совсем некстати, — поморщился Вандок. — Платье Мильройса долго лежало в кабине, пока его не забрал полисмен. Понятно? В моргах я не нашел тела Мильройса. Ведь он попал бы туда, если бы утонул. Но клерки в конторах торговых фирм ужасно болтливы, и я разыскал Мильройса в его змеином гнездышке. Отвратительное местечко, между нами говоря. Мильройс жил там, как вы знаете, довольно замкнуто. Однажды он отправился в экскурсию с рюкзаком за плечами. Это заинтересовало меня, и я на почтительном расстоянии последовал за ним. Но представьте, Пингль, его понесло в джунгли да еще в деревню, которая оказалась зараженной чумою. Хорошо еще, на мое счастье, карантинные солдаты остановили меня и прогнали. Самочувствие у меня было тогда, помню, отвратительное. Особенно было неприятно сознавать, что Мильройс наверняка погиб в деревне. Сержант Боро в блокхаузе сообщил за достоверное, что человек с мешком за плечами пытался прорваться из зачумленной деревни, но несколько выстрелов в воздух заставили его повернуть обратно, а записка на стреле предупредила его о необходимости приготовиться к последнему часу.

Рассказ Вандока был правдоподобен, и я решил не прерывать его.

— Теперь, Пингль, представьте себе мое удивление, когда, завернув на змеиную ферму в качестве поставщика джирр, я увидал Мильройса в полном здравии. Он приказал своей ассистентке мисс Мильтон заплатить мне по три пайсы за штуку и сказать, чтоб я убирался воп. «У нас хватит джирр до осени, не трудитесь», заявила мне эта Лиз, перед которой, помните, Пингль, вы пытались ходить на задних лапках. Но мне надо было все-таки следить за поведением Мильройса... Ах, Пингль, вы никогда не бывали в шкуре комиссионера и вряд ли сможете вообразить, каким энциклопедистом приходится становиться порой этому сорту людей! Когда-то, мальчишкой, я долго жил на Яве,

отец мой служил там в Ботаническом саду. Вот где природный рай, Пингль! Мечтаю опять побывать там. С подобными мне сорванцами я в былые времена отлично управлялся со змеями, и это мне пригодилось в Рангуне. Я придумал таскать джирр у Мильройса и опять продавать ему их. Игра должна быть, я думал, беспроигрышной. Но в парке я нарвался на вас, и это снова начало путать мои карты. Впрочем, вы большой любитель занимательных историй и легко поддаетесь постороннему влиянию. Поэтому мне удалось с вашей помощью удостовериться, что Мильройс уехал со своим племянником Рольсом. За это я до сих пор вам благодарен...

— Пожалуйста... Тогда меня очень огорчила эта история, но теперь все равно. Вы тоже помогли мне с Бычьим Глазом, — заметил я.

— Пустяки, Пингль. Услуга за услугу. Человек, отправивший вас из Рангуна, просто хозяин, у которого я снимал комнату. Очень услужливый малый. Он же скрыл и меня, когда пришлось удрать от судьи. Но мы отвлеклись. Узнав от вас про Мацатлан, я отправился искать Рольса. Уж от него-то я наверняка рассчитывал узнать, куда спрятался Мильройс. Комиссионер вроде меня живет поручениями. И очень неприятно, Пингль, когда выгодное дельце, от которого питаешься, вдруг выскальзывает из рук. А потом, сознаюсь, эта история затрагивала мое самолюбие. Расстояния не смущали меня, а тем более зной Мексики. В Мацатлане мне указали дом Рольса, и этот доктор охотно взял меня к себе в лакеи, лишь только я пришел к нему в роли униженного просителя. Раньше я никогда не видал его, и он очень отдаленно напоминал лицом своего дядю Мильройса. Только у него было горло не в порядке, и он откашливался, рот этак: хм... хм... Курил он смесь турецкого табака с мадурским. Мне отлично знаком этот запах. Рольс поставил мне два условия: никуда не отлучаться из домика и не бриться. Вас это удивляет? Меня тоже удивила такая причуда. Но если человек имеет деньги и дает тебе работу, он имеет право на причуды. Рольс потребовал, чтобы я не смел бриться. Меня будет брить сам Рольс, когда ему вздумается.

— Хм, хм... — откашлился я, вспоминая Добби, и спросил: — Кроме того, в домике Рольса не оказалось ни осколка зеркала?

— Откуда вы знаете? — подозрительно прищурился на меня Вандок. — А впрочем, это сущая правда. Ну я согласился на все условия, и дни мои потекли безмятежно.

Обед нам носили из ресторана, хотя мексиканская кухня мне не нравилась. Там всё жарят на оливковом масле. Клянусь, Пингль, я готов был благословлять судьбу, приведшую меня к тихой пристани. Убрав комнаты и разогрев обед, я, сытый, валялся в своей комнате ввязу, она знакома вам...

— Да, очень хорошо знакома, — со злостью отозвался я. — Не виляйте, Вандок...

— Боже, зачем мне вилять, когда я передаю точнейший конспект фактов! Рольс целыми днями писал у себя наверху, а я, понимаете, должен был как-то узнать про его дядю и отправиться продолжать прерванное знакомство. Рольс отличался неразговорчивостью. Я пробовал осторожно расспрашивать его о дяде Мильройсе, следил за корреспонденцией, но... неудача, Пингль! Правда, шифрованную переписку можно вести посредством объявлений в газетах, а Рольс получал только газеты. Но что мог я поделать в моем невольном заключении, если даже не сумел бросить открытку в почтовый ящик! Рольс побрил меня через месяц службы, когда у меня отросла довольно жесткая борода. Сначала я боялся за свое ухо. Но доктор Рольс оказался талантливейшим парикмахером, настоящим виртуозом бритвы. Так прошло месяца четыре. Однажды утром, проснувшись, я был поражен странной тишиной в доме. Наверху не раздавалось шагов Рольса. Бывало он любил прохаживаться по кабинету в антрактах между писанием. Не было и его обычного звонка. Тогда я поднялся на второй этаж... Давайте покурим, Пингль. У меня есть немного мадурского табаку, для крепости прибавлено сухих листьев джати. Скрутите папироску, Пингль...

Вандок сделал паузу, угощая меня табаком.

Сделав несколько глубоких затяжек, он заговорил снова:

— О, Пингль, в кабинете Рольса я застал ужасную картину! Все было перевернуто в страшном беспорядке. На полу и на стенах виднелись свежие следы крови. Первая мысль — Рольс убит! И я бросился искать тело несчастного доктора. По следам было видно, что убийца или убийцы волокли его к обрыву через сад...

— И сбросили в океан, — проговорил я, содрогаясь при воспоминании об ужасных часах моего пребывания в Мататлане.

— Так и я думал, — согласился Вандок. — Но когда первое впечатление несколько сгладилось, я решил трезво разобраться в окружающем. Если я сразу брошусь в по-

лицию... Вы ведь хорошо знаете, что это значит — мацатланская полиция? Или к консулу... Да мне никто не поверит.

— А, и вы бежали? — сжал я кулаки.

— Нет, Пингль. Я разделся и нырнул. Как раз в том месте под обрывом, где был брошен...

— Рольс?

— Нет. Мешок с камнями. Я нашел его на дне, симпатичный мешок темнозеленого цвета, удивительно гармонизировавший с расцветкой водорослей. Вылезши из воды, я вспомнил одного мудрого судью, который держался правила, что если труп не обнаружен, то версия об убийстве необязательна. И тогда я вернулся в дом уже совершенно спокойный. Странно, все комнаты были залиты кровью. Ее хватило бы на три преступления. Брызги на шести стенах. Если только представить себе картину убийства, то надо было предположить, что Рольс получил три раздробления черепа последовательно в трех комнатах. Спрашивается, как же он, получив смертельную рану черепа в библиотеке, потом продолжал бороться в своем кабинете? Ему здесь опять раздробили череп, а он убежал в салон у площадки лестницы, и здесь его снова убили, в третий раз? А я ничего не слыхал, хотя спал под кабинетом?

— Вы знакомы с криминалистикой? — невольно задал я вопрос.

Вандок пожал плечами.

— Н-нет... Здравый смысл вел меня к логике вещей. Я подумал, что кровь могла быть разбрызгана нарочно. Ведь у Рольса могла иметься в колбах законсервированная кровь. Можно бы взять со стен соскоб, подвергнуть брызги химическому и микроскопическому исследованию и точно узнать, какому виду живого существа принадлежит эта кровь, если это кровь. Даже больше: можно бы определить группу крови. Но я не имел времени брать соскобы со стен. Я быстро соображал, и мне стало ясно, что Рольс сам... Да, да, Пингль! У Рольса имелись основания поступить так. Но как преступник, так и симулянт оставляют за собой следы и признаки своей жизненной профессии очень часто, незаметно для себя, в подчеркнутой форме. Рольс, разбрызгивая кровь, перестарался. А когда я около своей комнаты обнаружил два узла, в которых, повидимому, были связаны далеко не ценные вещи, то версия симуляции убийства и ограбления стала для меня очевидной. Кому же было выгодно инсценировать убийство Рольса и навести подозрение на меня? Ведь если уби-

ли Рольса, то почему пощадили меня? Если благополучно спрятали концы в воду, то почему не унесли награбленное? Вывод был один — Рольс хотел избавиться от меня, предав меня полиции, а сам — скрыться, подобно своему дяде, «змеиному профессору». Но тогда мне надо не столько скрываться от полиции, сколько догонять Рольса. Я зашел наверху в ванную комнату, чтобы вымыться и переселиться, и тут увидал забытое Рольсом карманное зеркало. Взглянул и... не узнал себя. Сейчас вы можете убедиться, похож ли я на прежнего Вандока.

— Очень мало, — подтвердил я.

— Совсем непохож, — горестно покачал головой Вандок. — А в окно вижу, полисмены вдали собираются на улице. Ведь предупредить начальника полиции мог сам Рольс по телефону, если уж он решил до конца бить меня, не так ли? Ну, в таком случае полагается не рассуждать, а бежать. И как раз в этот момент к калитке сада подошли вы, Пингль...

— Ловко вы подвели меня, дьявол! — поежился я от неприятных воспоминаний.

— А что мне оставалось делать? Ловкие предприятия всегда просты. Показываться перед вами мне не следовало. Вы не узнали бы меня. Свидание с вами задержало бы меня, и вдвоем мы, уверяю вас, не выпутались бы. Я рассудил, что если полиция застанет вас одного в доме, то вам ничего не стоит доказать свое алиби. Сознаюсь, это был дерзкий план, и я не виноват, если вам пришлось туге. В газетах печатались отчеты о процессе Карнеро со всеми подробностями... Кстати, знаете, Пингль, что вас спасло?

— Нет.

— То, что вы не ответили в тюрьме на записку Бигдена — приятеля подлинного Карнеро, и решили защищаться на суде сами. Преступному миру это очень понравилось. Говорят, что тамошние бандиты сидели в зале суда на вашем процессе и будто бы раскошелились на адвоката.

— Откуда у вас эти подробности, Вандок? — воскликнул я, подозрительно вглядываясь в лицо птицелова.

— Обо всем этом писали в газетах, милый Пингль. Но сейчас это не важно. А тогда, усадив вас в моей комнате, я мысленно принес вам глубочайшие извинения и скользнул с обрыва в воду. Мне надо было спешить. Рольс опередил меня по крайней мере на три часа. Рыбаки в Матцатлане — очень добродушный народ, и шхуна рыбака Квартаро, подобравшая меня, оказалась очень кстати. А

когда я очутился на противоположном берегу залива, близ мыса Луки, я узнал о крушении «Буксуса» и о том, что утром рыбацья шлюпка перевезла из Мацатлана американца с чемоданом. И я почувствовал себя в своей тарелке. По следам Рольса я мчался, как гончая. Я ехал с ним в одном поезде, но он соскочил на закруглении в Герлвуде перед мостом. Мне пришлось спрыгнуть уже на другом берегу реки. Я настиг его в Раулинсе, когда он занял место в самолете срочной линии Фриско—Рено—Элко—Чикаго. Деньги? Неужели не ясно, Пингль, что торговая фирма не останавливается ни перед какими расходами, когда надо следить за конкурентом? В Беллефонте я прибыл раньше Рольса, перегнав его в воздухе над окрестностями Детройта. Но этот хитрец успел сесть на «Кетукки» раньше меня. Я остался в порту на пристани компании «Уайт-Стар». Не стоит передавать подробностей моих поисков Рольса по Европе. Следы его в конце концов привели меня к Эшуорфу. Покойная мать моя была родом из Уэсли, хотя давно уехала с отцом на Яву. Я поселился вблизи канала и начал шарить по окрестностям. От молодого аптекаря Орфи я узнал о вилле, в прошлом году выстроенной близ скалы Двух Рез, и о докторе, который поселился там со старым слугой. Мистер Добби привлек мое внимание тем, что Орфи порядком, видимо, наживались, поставляя ему на виллу много лабораторных принадлежностей и реактивов. Это было полгода назад, когда мне посчастливилось в бинокль снизу различить на дворе виллы не двух обитателей, а трех. Если там, предположим, проживал Рольс со слугой, то кто третий? Вдруг это приехал его дядя? Надо сказать, что я за последнее время ничего не сообщал своему адресату до востребования. Мне хотелось написать что-то существенное, а если писать правду, то выходило, что я потерял и дядю и племянника. И я решился на рискованное предприятие — пробраться в виллу...

— Это вы лезли ко мне в окно? — пробормотал я. — Как вас не укусила собака?

— Не доверяйте кошкам и собакам, Пингль. Среди псов попадают экзemplяры, которые за кусок бекона перестанут лаять, если даже при них полезут в окно. Но это пустяки. Ваш пес наслаждался жирным куском, а я посмотрел в окно, пустив в ход вот эту штуку... — Вандок показал мне крошечный фонарик, имитировавший пуговицу в петлице его куртки. — Но на кровати в комнате лежал молодой человек, плотно сомкнувший глаза и старательно

задерживавший дыхание. Он был мне незнаком. Для первого визита с меня было достаточно. Можно было залезть на каштан и оттуда посмотреть, что делается во втором этаже. Но за углом дома послышался шорох, и я счел за лучшее покинуть пределы виллы. Теперь самое последнее. Третьего дня я заметил, что на прогулку в горы с виллы ушли двое, а возвратился только один. Из леса Патрика всего виднее оба входа в виллу, и я расположился с биноклем. Вот он... — Прекрасный тридцатидвухкратный бинокляр был при этих словах показан мне Вандоком. — Я смотрел и дожидался, возвратится ли на виллу второй...

— А может быть, первый только провожал второго? — спросил я Вандока.

— Странные проводы, когда люди захватили с собой «Эмми», фляги и связку веревок. Это я отлично видел. Мой бинокляр позволяет различить за шесть миль муху на носу вахтенного матроса, а вы сомневаетесь...

Тут я попробовал навести бинокляр на маяк мыса Джен и увидел кружившихся там ласточек так ясно, как будто они летали в нескольких дюймах от меня.

— В лесу я смотрел на виллу вверх, — сказал Вандок, отбирая у меня бинокляр. — Вдруг позади меня появляется страшное привидение — грязный человек в разодранном платье, с «Эмми» на шее и вот с этой флягой на боку. Вы ее продали в тот же вечер Бриджу, а сегодня утром я купил ее у него. По манере разговаривать вы напомнили мне нашу встречу в змеином парке. И тогда мои мозги заработали. Я окликнул вас в лесу, чтоб лучше в вас взглядеться. Сопоставил исчезновение второго туриста наверху и появление грязного привидения внизу. Кстати, вы куда провалились наверху?

— Мы лазали в Длинный Хобот, — пробормотал я, с интересом слушая рассказ о себе.

— А вылезли через Мокрую Дудку? Вид у вас был отчаянный. Флягу вашу я узнал — она висела на докторе Рольсе, когда он пробирался по сходам на палубу «Кетукки». Очень симпатичная фляга, старинная вещь, музейная. Этому серебряному стаканчику по меньшей мере двести лет. Посмотрите, какой орнамент, какой причудливый вензель... И вы отдали такую вещь Бриджу за бесценно! Пришлось припугнуть его полковником Фредсоном за скупку краденого, и он содрал с меня лишь половину антикварной цены.

Мы осмотрели флягу, отвинтили стаканчик, опять приинтижили, и Вандок закончил свой рассказ:

— Вы ужасно невежливо обошлись со мною в «Королевском тигре», когда я хотел чокнуться с вами. Перед этим подстроенный мною разговор мой с вашим дядюшкой произвел на вас впечатление, но вы сохраняли молчание. Понимаю, вам надо было собраться с мыслями, чтобы решить линию поведения. Да? И все-таки я не был уверен, что человек, вылезший с флягой из Мокрой Дудки, есть именно Сэмюэль Пингль. И только здесь, когда вы преклонили колена перед этими могилами, я убедился, что вы — сын покойных супругов Пингль.

Вандок поднялся, обнажил голову и почтительно склонил ее перед могилами моих родителей.

— А теперь Пингль, — тихим голосом нарушил он молчание, — идемте в город. Я остановился в «Нептуне», там за обедом прошу вас пополнить мой рассказ, и мы решим, что делать дальше...

V

Трактир «Нептун» был удобен тем, что там имелись отдельные комнатки, где можно было закусить и вести разговоры без посторонних.

Я рассказал Вандоку свои приключения, всячески изругав его за скверную шутку, которую он сыграл со мной в Мацатлане.

— Еще раз простите меня великодушно, Пингль, — дрогнувшим голосом отозвался Вандок. — Сами видите: не так виноват я, как обстоятельства.

Мы славно пообедали и теперь курили, подводя итоги фактам.

— Значит, вас Добби тоже нанял с условием быть вашим парикмахером? — переспросил меня Вандок. — Ну, теперь ясно, что это и есть Рольс, племянник «змеиногo профессора». Ловко вы заменили водой зеркало! Вашему Добби, он же и мой Рольс, было выгодно, чтобы мы не замечали, что творится с нашим внешним обликом. И это «хм, хм»... у обоих горло от табака не в порядке. И фляжка с орнаментом... Да, Пингль, доктор Рольс жив и благополучно сидит в вилле под именем Добби. И нам следует...

В это время за дверями послышался легкий шум. Вандок быстро вскочил и распахнул дверь.

— Что такое? Кто здесь?

В коридоре стояли две служанки и оживленно беседовали.

— Пожалуйста-ка сюда, красавицы, — пригласил их Вандок. — Убирайте со стола и принесите полбутылки белого вина. Кстати, что случилось?

Девушки принялись собирать посуду на подносы. Одна сказала:

— Да вот Сузи сейчас слышала — в зале посетители рассказывают удивительную историю, будто миссис Лотис, известная кошатница, вчера подобрала на улице прехорошенькую кошечку, принесла ее домой, напоила молоком, а та вдруг начала лаять на старушку.

— Кошка? — спросил Вандок, улыбаясь и подмигивая мне. — Лаять?

— Да, — вмешалась Сузи. — Это говорил сторож Майкл, который слышал от экономки настоятеля. Старушка забыла надеть ватерпруф и башмаки, прибежала на квартиру к настоятелю, чтобы он прочитал молитву от бесовского навождения...

— Но сам настоятель оказался больным, — перебила другая служанка. — У него будто бы распухла голова. А у судьи вырос второй нос. Его служанка Силли рассказывала об этом подружкам на базаре, пока красавец Филь не пригрозил ей, что отправит ее в бюро...

— А что ей сделают в бюро, если Фредсон приятель Уислея? — засмеялась Сузи. — Да и Фредсон, все говорят, так захворал третьего дня, что его никто не узнал даже в бюро.

— Девушки, да вы смеетесь надо мной? — подзадорил служанок Вандок.

— Зачем нам смеяться? — обиделась черноглазая бойкая Сузи. — Подите послушайте, что рассказывают в зале.

Сузи с достоинством пожала плечами, и обе служанки, высоко подняв подносы с посудой, вышли.

— Ну? — обратился ко мне Вандок. — Рольс, избавившись от вас, принялся чудачить? Посидите пять минут, Пингль, я схожу к Бриджу — послушать, что говорят у его стойки...

— Нет, милый друг, — поднялся я с места. — Теперь вы меня не проведете.

— Что? — изумился Вандок.

— А то, что я не хочу вторично нюхать тюльпан в виде двенадцатизарядного автомата. С меня хватит и Мататлана.

— Но, Пингль...

— Не «но», а так точно. Вы уйдете, а явится Фредсон

и обвинит, что я напустил на Эшуорф лающих кошек. Благодарю вас.

Вандок чуть не подпрыгнул, рассердившись.

— Хотите ссориться? Да, теперь я не уверен, что вы не заодно с Рольсом.

— Я заодно? Да я больше всего на свете хочу рассчитаться с ним! — крикнул я.

— Да? Прекрасно. Кстати, вот и Сузи...

Вандок принял от вошедшей служанки вино и бокалы.

— Союзникам не надо ссориться, Пингль. А то этому будет радоваться третий. Мы должны забить Рольсу гол раньше, чем он успеет опомниться. За мир и за успехи, Пингль. Перед походом всегда надо слегка освежить голову.

Мы чокнулись. Потом Вандок задержался в зале «Нептуна» за стойкой. Ему понадобилось разменять банкнот на мелочь, чтобы расплатиться со служанками, и мы имели время прислушаться к возбужденному говору посетителей, занявших все столики.

«Одно понятное слово мудреца лучше, чем длинная речь косноязычного», любят говорить в Бирме. И несколько наводящих вопросов, которые у стойки невзначай бросил Вандок, выяснили многое.

Эшуорф наполнился толками, слухами и семейными неприятностями. Хотя дрессированный жираф в цирке и выглядел здоровел, но на улицах Эшуорфа внезапно появились странные коты и собачки. Коты лаяли и бросались кусать икры прохожих. Собачки порывались лезть по заборам. Майкл поймал парочку этих зверей и догадался притащить их в цирк, чтобы продать в зверинец. После консультации с ветеринаром они были куплены владельцем цирка. И уже газета печатала интервью с ветеринаром, утверждавшим существование в природе таксокошек и котопуделей.

Читателю известны пациенты Флита. Число их увеличивалось. Миссис Гледис неожиданно заговорила баритоном. Почтмейстера Колли сторож не пустил на почту, так как человек, явившийся на службу в мундире почтового ведомства, совсем не походил на мистера Колли. У миссис Лотис захворала горничная Кло, причем внешний вид больной так поразил хозяйку, что она забаррикадировалась в квартире и на всю улицу пела псалмы. Инспектор банковской конторы «Мэй и Литтл-юниор» в панике отправил к доктору Флиту своего младшего клерка Билля как заболевшего таинственной болезнью. У Билля, пришедшего на

службу, оказался под левым глазом простой синяк, запудренный парикмахером с Почтовой улицы. Билль клялся и божился, что здоров и что синяк получен им при падении с велосипеда, умалчивая, что с велосипеда он свалился после посещения бара в порту, но все-таки был изгнан из конторы впредь до выздоровления. Опустевший цирк на площади находился под караулом двух полисменов, отгонявших каждого, кто осмеливался приближаться к унылому сооружению ближе пятнадцати ярдов. На воротах церкви Майкл вывесил записку, что проповеди отменяются. На магистрате красовалось объявление: «Слушание дел откладывается за болезнью судьи».

— Поспешим к Рольсу, — шепнул мне Вандок, выйдя из «Нептуна».

Мы быстро прошли мимо конторы Сэйтона, на дверях которой Тим трясущимися руками наклеивал плакат: «Занятия прекращаются».

Вокруг толпились эшуорфцы. Однорукий старик в старомодном цилиндре прочитал плакат, плюнул и громко произнес:

— Доигрались!

Старый Тим затряс головой и всхлипнул.

Из дверей вышел Боб Бердворф, подвигал ушами и спросил:

— Почему здесь народ?

По улице мчался в шарабана доктор Флит, прижимая к себе звеневший стеклянным звоном саквояж.

— Нам некогда, Пингль. Не глазейте на публику, — торопил меня Вандок. — Понимаю: вам хочется узнать, как чувствует себя продавщица в киоске прохладительных напитков. Могу вас уверить — отлично. Вчера я познакомился с ней. Мисс Эдит Уинтер обладает очень изящными манерами... Прибавим шагу, Пингль. Мне не хочется, чтобы птичка улетела из гнездышка. Уж теперь я узнаю, куда девался «змеиный профессор». Племянничек развяжет язык. Мы отомстим этому умнику за наше уродство, за покушение на вашу жизнь, за все...

Развивая спортивную скорость, мы начали кросс к вилле доктора Рольса.

Двенадцатая тетрадь

I

Стало уже смеркаться, когда мы с Вандоком достигли виллы. Верхний этаж ее был ярко освещен. На световом фоне я увидал у калитки силуэт человека. Мы подошли ближе. Это стоял Мигли и пристально всматривался в нас. Кип, радостно повизгивая, бросился ко мне.

— Здравствуй, Кип, — приласкал я собаку.

Вандок тоже приветствовал Кипа, сунув ему вынутый из кармана какой-то лакомый кусочек.

— Это вы, дорогой Сэм? — взволнованно сказал Мигли, протягивая мне руку. — Какая радость! Ведь мистер Добби так беспокоился о вас...

— Знаю, кто такой ваш Добби! — с раздражением ответил я, холодно дотрагиваясь до руки Мигли.

Тот пристально посмотрел на меня.

— Тем лучше, Сэм. Вам давно бы пора это знать... — Потом он обратил внимание на Вандока. — Кого это вы привели с собой?

Вандок с простоватым видом шмыгнул носом и сдернул с головы свой картузик.

— Добрый вечер, сударь. Я — старый горняк из Уэсли. Случилось так, что я откопал вашего Сэма в заброшенной шахте, которую завалило вчера вследствие небольшого землетрясения. Пришлось потрудиться. И не Сэм меня привел, а я хочу представить молодого человека его хозяину и, по правде говоря, получить на водку за спасение погибавшего...

— Надо доложить о вас мистеру Добби, — пробурчал Мигли, косясь на фляжку, болтавшуюся на ремне у Вандока. — Он ужасно беспокоился о Сэме...

— Не утруждайте себя докладом, сударь, — очень вежливо произнес Вандок с поклоном. — Вы как будто кого-то здесь поджидаете?

— Да, пожалуй, — отозвался Мигли, снова вглядываясь по направлению шоссе, теперь слабо различимого внизу.

— Вот видите! Не стоит отрывать вас от ваших обязанностей, — мягко сказал Вандок. — Кроме того, у вашего хозяина, кажется, больное сердце и нервы сейчас не в порядке. Было бы неосторожно сразу сообщить ему о спасении Сэма...

Мигль подумал и кивнул головой.

— Пожалуй, и в этом вы правы. — Он вздохнул. — Эх, дела! Ну ладно. Идите, Сэм, через кухню. Ключ в двери...

Мы с Вандоком перешагнули порог калитки. Мигли остался около нее.

Когда я отпирал дверь в кухню, Вандок серьезным тоном прошептал мне:

— Слушайте, надо все-таки считаться с человеком. Ваше появление перед Рольсом сразу, как выходца с того света, может просто убить его. Ведь он уверен, что навсегда избавился от вас. Проведите меня к его комнате... Сначала войду я. Поговорю, подготовлю. Потом сможете войти и вы...

Это казалось вполне резонным.

— Хорошо, — отозвался я. — Идите вперед.

Я зажег свет в коридоре. Мы подошли к лестнице.

— Там наверху три комнаты, — сказал я. — Если его нет во второй, то он в лаборатории...

Вандок молча кивнул головой. Вошел в первую комнату и тотчас же сделал мне знак рукой. Я понял, что владелец виллы находится во второй комнате.

— Мигли, это вы? — слышался голос Добби. — Хм... Как дела?

— Превосходно, сэр, — очень спокойно отозвался Вандок, шелнув мне, чтоб я оставался в первой комнате, а сам, держа картузик в руках, вошел к Добби.

Я придвинулся к двери настолько возможно близко. Через широкую щель мне было превосходно видно все интересовавшее меня.

В кабинете ярко пылал камин. Перед ним сидел Добби. Он был чисто выбрит, причесан, одет в серый дорожный костюм и курил сигарету, вставленную в мундштук. Перед появлением Вандока он, вероятно, брал со столика рядом какие-то листки, задумчиво разрывал их на клочки и бросал в огонь.

Бумага ярко вспыхнула и осветила Вандока. Добби слегка откинулся на спинку кресла. Я видел тень изумления на его лице. Но это длилось только мгновение, и он посмотрел на Вандока почти безразличным взглядом.

Лица Вандока я не видел, но слышал его голос.

— Добрый вечер, — произнес Вандок, приблизившись к камину. — Добрый вечер, доктор Рольс, — подчеркнул он.

— Ах, вот что! — отозвался Добби. И в глазах его мелькнула искра недоброй усмешки. — Добрый вечер...

— Я сразу узнал вас, доктор Рольс, — уже более раз-

вязно заговорил Вандок, берясь за спинку стула. Не ожидая приглашения, он сел по другую сторону столика, напротив Рольса-Добби.

— Да, это я, — с той же усмешкой в голосе ответил тот. — Вас тоже можно сразу узнать, Вандок, хотя бы по вашему поведению. Последние дни вы часто вертелись во круг этого дома. Я, признаться, ждал, что рано или поздно вы наберетесь храбрости и придете сюда сыграть в открытую...

Вандок пожал плечами.

— Странно... У меня более серьезные претензии к вам. Ну что же, если хотите — сыграем! Ваш ход, доктор Рольс!

Доктор взял со стола несколько листов, разорвал их, бросил в огонь и грустно наблюдал, как их пожирало пламя. Потом, прищурившись, он усмехнулся.

— Я не буду отвечать материально за то, что черты вашего лица изменились. В этом виноваты вы сами. И это вы отлично знаете. Ваш ход, Вандок!

Теперь усмехнулся Вандок.

— Но вы сделали так, что меня могли обвинить в вашем убийстве...

— Если вы ускользнули от обвинения, — улыбнулся доктор, — то претензия ко мне слишком теоретична. Все в порядке, — притворно вздохнув, добавил он.

Вандок насмешливо покачал головой.

— Ах, доктор Рольс! Я — практик. Но обожаю теории. И меня интересуют некоторые детали. Поэтому я и побеспокоил вас в такой неурочный час. Простите, но я боялся опоздать. Некоторые обстоятельства принудили меня спешить... Сейчас очень теплая погода. А я еще из города видел, что труба над вашей виллой дымится, как над крематорием, когда предают огню остатки прежнего. И ваш слуга с нетерпением ждет заказанного авто. Вероятно, через час я бы и не застал вас на этом месте.

Доктор отложил мундштук и побарабанил пальцами по столу.

— Ну, это другое дело. Хм... Характер беседы меняется. Рад говорить откровенно. Знаете ли, Вандок, как вы мне надоели? С того момента, как вы неожиданно появились в Мацатлане и униженно просили дать вам место слуги... Ведь я же знал, хм... догадался, что вы хотели узнать местопребывание моего дорогого дяди. Но я был связан словом, данным ему...

— Так вы не скажете? — с раздражением спросил Вандок.

— Нет. Даже если бы вы чем-нибудь и пригрозили мне. Я не из пугливых. В игре со мной, Вандок, масть у вас в руках не козырная. И раньше, чем вы бросите на стол ваш «Бычий глаз», я бросаю козырную шестерку. Вы надоели мне. Вы интересовались моей перепиской. Но ни одно письмо от дяди не попало к вам. Верно? Я получал их в пачках сигарет, которые из киоска приносил мне мальчишка Педро, брат одной очаровательной сеньориты... А вы еще изучали объявления в газетах, доставлявшихся мне с почты. Вы разыскивали тайный смысл в строчках, которые я в шутку специально для вас отчеркивал карандашом. Хм... Я очень смеялся над вами, Вандок! Но вы сделали большую ошибку, когда начали тайком от меня интересоваться моей научной работой. Вы залезли в лабораторный шкаф. Помните, через неделю после поступления ко мне? Вы там раздавили ампулу с вирусом, заразились им и теперь несете наказание. Если вы служите у биолога или химика, то обязаны повиноваться ему, чтобы избежать неприятных случайностей. Вы сами виноваты в своей болезни. Я предвидел это, поставив вам условие относительно бритья. Я оказался прав, а вы отказались от прививок, которые я под каким-то предлогом предложил вам, лишь только удостоверился, что вы испортили мою коллекцию вирусов и свое лицо.

Вандок сидел смирно, а я стоял за дверью и думал, что этот птицелов еще далеко не раскрыл передо мною всех своих козырей в беседе на кладбище.

— И тогда мне захотелось наказать вас, Вандок, наиболее чувствительным для вас способом. Вы понимаете меня? — значительным тоном спросил доктор.

— Кому придется по-настоящему нести наказание, неизвестно, — с еще более подчеркнутой значительностью произнес Вандок, выпрямляясь на стуле. — Хотя я и надоел вам, но могу оказать вам услугу, если вы в свою очередь предоставите мне возможность повидать вашего дядю.

— Я не нуждаюсь в ваших услугах, — сердито и как будто грустно произнес доктор.

— О, сэр, не кипятитесь, — засмеялся Вандок. — И будьте сговорчивее. Сообщите мне адрес, и я исчезну с вашего пути.

— А если не сообщу? — невесело расхохотался доктор. Вандок приподнялся со стула.

— Тогда я сообщу кому следует, — прошипел он таинственно, — как вы угробили своего слугу Сэмюэля Пингля в шахте.

Доктор вскочил с кресла.

— Ложь! Я хорошо относился к этому юноше. У меня не было никаких мотивов так поступить с ним...

С замиранием сердца я слушал эти слова. Мой гнев таял, как снег весною. Доктор схватился руками за голову.

— Боже мой! Какая несчастная случайность! Но я принял все меры, чтобы спасти его, — почти простонал он. — Немедленно же я вызвал аварийную спасательную команду из Уэсли. Рабочие при мне раскопали завал. Обследовали всю шахту, боковые ходы... И не нашли моего Сэма...

Вандок тоже схватился за голову.

— Ах, ах!.. Не собрали, значит, и косточек? Бедняга! Однако покушение на его жизнь вам будет труднее отрицать, чем мне убийство в Мацатлане, попадись я только тогда в руки полиции. Ай-ай! Помяни, боже, душу покойника! — И Вандок переменял тон голоса: — Адрес дяди, доктор!

Услышав это, я не мог более сдерживать себя и быстро вошел в комнату.

— Довольно, Вандок, обманывать доктора, — сказал я. — Добрый вечер, сэр, — поклонился я доктору и вынул из кармана трубку. — Разрешите вручить вам эту вещицу, сэр.

Доктор широко развел руками в изумлении.

— Сэм? Вы? Боже, как я рад! Какую тяжесть сняли вы с моей души!

Он схватил меня за плечи. Его всегда серьезные, теперь добрые и радостные глаза были влажны от волнения.

— Да... Это вы, мальчик! — Он повернул голову к Вандоку. — Нельзя так шутить, злой человек! Сядьте и не пытайтесь улизнуть. Я не выпущу вас отсюда, пока... Хм... Садитесь и вы, Сэм, рассказывайте. Я виноват перед вами, Сэм, сознаюсь... Виноват, что позволил вам спуститься в Хобот. Виноват, что, очевидно, плохо затянул узел веревки.

— Успокойтесь, сэр, — сказал я. — Мне только хотелось бы знать, в каких боковых ходах меня искали рабочие.

— Направо от главного ствола, — ответил доктор. — Очень широкие штреки. Оттуда давно выбран весь уголь.

— А я спасся через ход налево, — пояснил я. — Там еще сохранились толстые пласты замечательного угля...

Доктор повеселел.

— Превосходно... Рассказывайте все, Сэм...

Но я кивнул на Вандока.

— Нет, пусть сперва этот джентльмен расскажет вам, кого он в Мацатлане подсунул полиции вместо себя.

И я вырвал у Вандока картузик из рук.

— Стоп! Не убегать! Говорите правду.

Хитрые глаза Вандока прищурились.

— Да что же опять рассказывать об этом! Ну, мне удалось ускользнуть из Мацатлана, сэр, а Сэму пришлось отвечать вместо меня...

— Как? — воскликнул доктор. — Сэм ничего не говорил мне об этом... Кайтесь, Вандок! Как вы подсунули в руки полиции вместо себя ни в чем неповинного Сэма?

— Я уже каялся, — пробормотал Вандок, смотря на меня и ища сочувствия. — Но если угодно...

И Вандок рассказал все, что произошло с нами после исчезновения доктора из Мацатлана; я дополнил его рассказ.

— Только вы, доктор Рольс, перестарались с инсценировкой собственного убийства, — уже с прежней усмешкой, несколько успокоившись, закончил рассказ Вандок.

Доктор стукнул кулаком по ручке кресла.

— Лентяи! Они опоздали! Ведь я же телефонировал дель-Аронзо и консулу, чтобы спешили захватить Карнеро...

— И сделали ошибку, — торжествуя, подхватил Вандок. — Зачем было вам поминать Карнеро? Тамешние пинкертонеры тряслись от страха при одном упоминании его имени. Знаете, они готовились к осаде вашего домика целых три часа. А мне это было на руку. Клянусь, доктор Рольс, я бы поймал вас за фалды еще у Герлвуда...

— Если бы я не спрыгнул с поезда у моста через Мэй-спринг, — поправил доктор. — Плохо вы меня знаете.

— Но я обогнал вас над Детройтом, — засмеялся Вандок.

— Нет, вы обогнали рейсовый одиннадцать, а я летел севернее, через озера и Ниагару, на частном спортивном девятисто девять... На земле же вы ведете себя еще хуже. Что за скверная манера толкаться у кассы или прилавка? Последний раз при мне вы безобразно рабстали локтями в конторе «Сауф-Ляйн»... — поморщился доктор.

— Зато я следом за вами взял билет на теплоход «Аляску», — хихикнул Вандок. — Но...

— Но... — засмеялся доктор, — еще до этого в моем кармане уже лежал билет на «Кетукки». Изумляйтесь, Вандок... И не так широко раскрывайте рот. А я хочу задать вопрос Сэму. Почему вы ни словом не обмолвились, Сэм, о происшествии в Мацатлане? Так много вы говорили о моем дяде, а не упоминали о его племяннике. Ведь я же, помните, затрагивал эту тему.

Я вспомнил рассказ Добби о молодом друге. Ловко он тогда затронул тему!

— По контракту, сэр, я был обязан не задавать лишних вопросов, — ответил я. — И я считал это обязательство между нами взаимным.

— Хм... Вы правы, — ответил доктор и кивнул Вандоку. — Продумали все? Вижу, что нет. Изумляйтесь дальше... На эшуорфском побережье вы снова надоедали мне, Вандок. Я — не планета, чтобы меня каждый день наблюдать в телескоп. Хм... А как вы перепугали моего доброго Мигли, когда забрались сюда ночью! Мы бы поймали вас и поколотили, если бы не Сэм. Он тоже в ту ночь вздумал бродить по двору. И колотушки попали вместо вас — ему.

Мне, признаться, захотелось в этот момент вздуть Вандока. И я погрозил ему кулаком. Доктор же серьезно продолжал:

— Скажите откровенно, почему вы преследуете меня? Хочется узнать адрес моего дяди? Молчите, не нуждаюсь в вашем ответе. Но знайте, что если вы следили за мной, то и за вами следил человек, преданный мне. Как вы полагаете, Сэм? Можно сказать ему теперешний адрес моего дяди? Тогда Вандок бросится по его следам и оставит нас с вами в покое.

Я подумал, что Вандок бросится по указанному адресу не один — пожалуй, я увяжусь за ним. Мне так хотелось увидеть моего «змеиноного профессора» и объяснить ему все, все!

II

— Да, доктор, скажите адрес, — согласился я.

Вандок потерял руки в предвкушении победы и весь превратился во внимание. Доктор Рольс приподнялся в кресле и кивнул головой.

— Хм... Профессор Мильройс сейчас перед вами, джентльмены.

Вандок вздрогнул от неожиданности. Меня же охватило чувство живейшей радости и изумления.

— Как, профессор, это вы? Почему же я не узнаю

вас? Или вы изменили и свою внешность? Почему же вы раньше не сказали? — восклицал я. — Ведь все бы вышло по-иному...

— Немного терпения, Сэм, — ответил Мильройс. — Да, многие ручьи потекли бы по иным руслам... Но цепь жизни состоит из очень сложных звеньев. Терпение, Сэм. Я должен рассчитаться с Вандоком. — Мильройс встал и подошел к застывшему на стуле птицелову. — Ну-с, почтенный джентльмен, хотите правды? Вы неотступно следили за мной с той минуты, когда три с половиной года назад увидели меня на Седьмом авеню в Нью-Йорке.

— Да. Вы вышли из конторы «Лоугрей-Лимитед», — прошептал Вандок.

— Да, да... Перед отъездом в Бирму я заключил с этой фирмой контракт на поставку ей змеиных ядов. Но вы и в Бирме надоедали мне, хотя мне и нравилось, как вы самоотверженно предлагали нам джирр по три пайсы за штуку, когда сами покупали их у туземцев по пять пайс. Для вас это был чистый убыток. Не из-за прекрасных же глаз мисс Элизабет Мильтон вы это проделывали, хотя подобная мысль сначала и приходила мне в голову: вы так лебезили перед мисс Мильтон, когда она принимала от вас товар. Но когда она однажды увидела вас в Рангуне посылающим каблогранму по известному вам... и мне... адресу...

Мильройс чеканил последние слова, и Вандок низко опустил голову под пристальным взглядом профессора.

— ...Тогда я решительно изменил мнение о вас и понял вашу профессию. Припомните ваше поведение в Белл-Харборе. Вы преследовали меня даже на купальном пляже. Плавая среди купающихся, я различал вашу фигуру на берегу. Вы не спускали с меня глаз. И тогда мне пришла мысль, как избавиться от вас. Если я изображу тонущего, то спасательный катер подберет меня.

— Профессор, вы не тонули? — спросил я, вспомнив картину, которую видел со спортивной вышки.

— И не собирался. Но вы так вцепились, Сэм, в мои волосы, что мне захотелось кричать от боли, и пришлось наглотаться воды. Благодарю вас, Сэм. Вы очень помогли мне. На катере ни у кого не возникло сомнений в том, что я действительно тонул. А как вы сами очутились там?

Пришлось рассказать Мильройсу о моем первом знакомстве с Вандоком: как он разыграл меня на пляже выдуманным Блек Снэком и как он затнал меня на вышку. Вандок, насупившись, молчал. А «зменный профессор» смеялся.

— Может быть, теперь Вандоку интересно, как я встретился с моим спасителем в Бирме? Уж если откровенно-чуть, то до конца. Мне надо было отправиться в Набухатру и купить для опытов несколько местных сусликов. Там охотники часто ловят их силками. Но за мной увязался Вандок. В это время там вспыхнула чума. Если бы вы, Вандок, проскочили, следуя за мной, в Набухатру, то наверняка заразились бы там чумой. Сам я уже давно сделал себе прививки и против вабы и против мари. Знаете, Вандок, если бы мы встретились с вами в чумной деревне, я не помешал бы вам отправиться на тот свет. Обойдя несколько чумных хижин, я увидел на дороге человека и сперва подумал, что это вы. Я уже предвкушал сладость объяснения с вами один-на-один. Но это сидел в пыли перепуганный насмерть, дрожащий Сэм, так самоотверженно помогший мне в Белл-Харборе. Мы узнали друг друга. Надо было выручать Сэма. Но он уже был в соприкосновении с чумными. Следовало спешить с прививкой, а у меня с собою была только ампула с прививкой против вабы. Сэм получил прививку. На его счастье, оказалось, что в Набухатре свирепствовала именно ваба, а не мари. Мы выдержали небольшой карантин, и толковый сержант Боро помог перевезти истомленного путешествиями и потрясением Сэма ко мне на станцию, где я застраховал его и от мари.

— Еще раз благодарю вас, — невольно вырвалось у меня.

Но Мильройс нахмурился.

— И все-таки я считаю вас неблагодарным, Сэмюэль. Когда в парке начали пропадать джирры, а потом Вандок, явившийся к мисс Мильтон в ужасном виде оборванца, стал опять продавать мне змей, я решил поймать его. Мы с Лиз переметили хвосты у всех джирр. И вдруг Вандок приносит через несколько дней наших меченых джирр. Не хорошо поступили вы, Сэм, когда поймали вора, вот его, этого вора, в парке и не подняли тревоги...

— Я пожалел его... — пробормотал я, указывая на Вандока. — Он тогда четыре дня не ел...

Мильройс искренне расхохотался.

— Ха-ха-ха! Не ел четыре дня! Да он обедал в лучших ресторанах Рангуна. Он, вероятно, снимал несколько комнат в разных пунктах — и в городе и в окрестных деревнях. У него было тогда денег больше вашего, наивный вы мальчик! Ну, до источников его средств к существованию мы доберемся еще. А сейчас поймите, что тогда в

парке вы сделали ошибку. Вор есть вор. И мы вывели бы все на чистую воду тогда, а не теперь...

— О, как вы правы! — вымолвил я, чувствуя стыд и неловкость. На Вандока я смотрел со злобой.

— Конечно, я прав, — сказал Мильройс. — Хм... еще бы... И лишь только я заметил ваше двурушничество, Сэм, я понял, что надо избавляться не от одного Вандока, но и от вас. Да, да. Нельзя иметь предателей у себя под боком. Проще всего казалось уволить вас. Но вы уже были знакомы с Вандоком. У него большой талант притворщика. И он сделал бы из вас подручного. Но интересы этого человека ограничены. А у вас, Сэм, более широкие способности. И я с Лиз разработал план. У меня уже имелось несколько пробирок с чистым вирусом «Колючки бушменов», о которой вы знаете. Опыты над животными давали основание думать, что прививка этих вирусов человеку повлияет на внешние черты его, изменит их. И я решился проверить это на себе, хотя Лиз и отговаривала меня от рискованного опыта. Я сделал себе прививку. Был инсценирован проезд моего несуществующего племянника доктора Рольса. Прививка сделала свое дело. Черты моего лица изменились, но вирус подействовал и на голосовые связки. Изменился голос, я принужден все время откашливаться... хм... Я решил уехать, чтобы скрыться от преследований Вандока, и в спокойной обстановке работать и лечиться впрыскиваниями противовирусной сыворотки. Я выбрал тихий городок в Мексике и благополучно уехал туда от дяди, то есть от самого себя...

Вандок вскочил и прошелся по комнате, в волнении ероша волосы.

— Не могу простить этого себе! Как это не пришло мне в голову!

— Не скромничайте, Вандок, — насмехаясь, отозвался Мильройс. — Вам пришло в голову, но поздно, и вы не додумали мысль до конца. Но я продолжаю. Уезжая, я оставлял на станции Сэма, которого успел полюбить, как честного, неглупого юношу. Его уже начало портить бродяжничество, и надо было направить его интересы по пути, более подходящему юноше, окончившему младшее отделение Дижана. Как-то я дал ему записку с формулой, чтобы он по ней готовил раствор в лаборатории. По ней он ознакомился с почерком Лиз, потому что формула была записана ею. Но Сэм решил, что это мой почерк. Это было мне на руку. Я старался привлечь его к науке. Данная мной книга о вирусах заинтересовала его, и моя цель была до-

стигнута. Я уже уехал из Бирмы, а Сэм думал, что я лежу в лихорадке. Лиз писала Сэму записки будто бы от меня, а я уже пересекал на пароходе Тихий океан...

«Вот оно что, — подумал я, припомнив все детали моего пребывания на станции «змеиного профессора». — Отлично это было все придумано. Будто профессор хворал, потом стал выздоравливать... Начал заниматься по ночам... Силуэт на занавеске был очень похож».

Вандок же не переставал вздыхать.

— Ах, ах! Ведь я так много думал о «змеином профессоре» и его племяннике...

Я прервал его причитания, показавшиеся мне притворными:

— Вы и мне надоели, Вандок. Отвечайте теперь мне. Почему вы преследуете профессора?

— Да еще скажите, Вандок, — добавил Мильройс, — кто направил вас следить за мною? Вы колеблетесь? Не стесняйтесь. Какие пустяки! Даю слово, что я щедро могу оплатить вашу откровенность... Ах, вы боитесь потерять место, если проболтаетесь? Тогда молчите и только кивайте вашей умной головой в знак согласия, если я сейчас начну говорить правду. Смотрите на вашего приятеля, Сэм. Итак, Вандок, вы посылали донесения о Мильройсе по адресу: Эшуорф, почта, до востребования, С. С., верно?

Вандок кивнул головою, как статуя командора в опере Моцарта. Мильройс откашлялся, взял со стола принесенную мною трубку и набил ее табаком. Вандок вышел из своего оцепенения и быстро поднес вспыхнувшую зажигалку.

— Прошу, профессор...

Мильройс поблагодарил, с наслаждением затянулся и продолжал свои вопросы:

— Но вы не знаете, кто получал эти письма? Скажу вам. Письма ваши получал в Эшуорфе стряпчий Сэйтон. И без меня вы никогда бы не узнали, зачем эти донесения ему нужны. Любопытно, что и сам Сэйтон не знает содержания этих писем. Но Сэйтон ведет дела владельца замка Олдмаунт и передает ваши письма в Олдмаунт нераспечатанными. Вы не знали этого, Вандок? Вы не знали? Вы, знаменитый агент номер четыреста двадцать один частного сыскного бюро в Бостоне? Ах, какая оплошность!

Вандок отскочил в угол комнаты и сунул правую руку в карман. Я сделал было движение к нему, но Мильройс, спокойно улыбаясь, остановил меня.

— Тише, джентльмены... Я не намерен вредить вам, номер четыреста двадцать один. Вы иногда рассеянны, и благодаря этому я раскрыл ваш псевдоним. Этим номером вы подписали телеграмму из Рангуна в Бостон. Вас видела Лиз. В телеграфной конторе вы оставили отпечаток этого номера на промокательной бумаге. Лиз сообщила его мне. Она была в курсе всех моих дел. Чудак вы, Вандок... Когда вам нечего говорить, вы прибегаете к револьверу. Оставьте его в кармане. Садитесь, курите.

Вандок задумчиво начал курить и покачал головой.

— С таким противником приятно иметь дело.

— Сообразительность и живое воображение всегда выручают в трудных обстоятельствах, если умело пользоваться этими качествами. Вы это отлично знаете, Вандок, — сказал Мильройс. — Я себе ясно представляю, как однажды директор сыскного бюро вызвал к себе одного из лучших своих людей и обратился к нему: «Любезный номер четыреста двадцать один. Имеется выгодное поручение. Разыщите профессора Мильройса и следите за его поступками. Не стесняйтесь в расходах». Было так?

— Примерно так, — принужден был согласиться Вандок.

— Вот как будто и все, Вандок, а? — приятно улыбнулся Мильройс. — Можете идти...

Вандок посмотрел на профессора, и тут впервые я увидел, что не было хитрости в его глазах. Он смотрел по-человечески просто и ясно.

— Куда же я пойду? Вы думаете, что я направлюсь к мистеру Сэйтону и скажу ему: «Сэр, подите в виллу у скалы Двух Роз и лично познакомьтесь с одним замечательным человеком, который научил меня уважать себя». Нет, скорее я отправлюсь к моему директору и скажу: «Знаете, хозяин, мне что-то наскучило заниматься пустопорожним шатанием в роли тени...»

Мильройс прервал его:

— Браво, Вандок! По глазам вижу, что вы не хитрите. Аплодируйте ему, Сэм. Это самая большая удача в моей жизни. Выпьем за удачи, джентльмены. Они редки в нашей жизни, мы их должны ценить. Сэм, достаньте из шкафа

чего-нибудь прохладительного. У меня першит в горле. И табак отказывается помогать.

В шкафу оказались две бутылки легкого вина. Кубарем скатился я с лестницы в столовую и моментально принес оттуда штопор и три бокала на подносе.

— Ну-ка, Сэм, — мигнул мне профессор, — припомните ваши обязанности.

Я откупорил бутылку и разлил вино по бокалам.

Мильройс сделал любезный жест.

— Прошу вас, — и высоко поднял бокал. — Выпьем за удачу.

— Ваше здоровье, профессор, — любезно отозвался Вандок. — За ваши удачи!

Мильройс выпил и тотчас же налил по второму бокалу.

— А теперь я хочу выпить за ваше здоровье, Вандок. Выпьем, милый Сэм, за Вандока, который думал о Мильройсе, а на самом деле следовал по пятам за лордом Паклингтоном.

Мне показалось, что подо мною проваливается половица, на которой я стоял. Вандок чуть не разбил бокала.

— Больше плавности в движениях, джентльмены, — очень тихо произнес профессор. — Ведь стряпчий Сэйтон был только передаточной инстанцией между Вандоком и теперешним владельцем Олдмаунта Мерлингом, ныне Паклингтоном. Он до сей минуты кровно заинтересован в том, что делает прежний лорд Паклингтон, которого он оклеветал, отнял у него Олдмаунт, отнял все...

— Чорт возьми! — пробормотал Вандок. — Ведь я слышал про эту историю...

Лорд протянул мне свой бокал.

— А прежний Паклингтон еще жив и вот сейчас чокается с Сэмом Пинглем, которого когда-то устроил учиться в Дижанский колледж.

— Сэр... Вы... Ваша светлость... Лорд Паклингтон... — бормотал я, дрожа от волнения и машинально протягивая руку.

Бокалы наши встретились, и легкий звон хрусталя вернул меня к действительности.

IV

Паклингтон выпил вино и подождал, пока мы с Вандоком также опорожним наши бокалы. Он сел в кресло и раскурил погасшую трубку.

— Да, джентльмены, — повторил он. — Когда я поте-

рял все, меня не лишили своего расположения только старый мой письмоводитель Пингль и дворецкий Мигльтон, которого я с детства звал попросту Мигли. Они только этим могли отплатить мне за то, что я дал образование их детям — тебе, Сэм, и мисс Элизабет Мигльтон. Она тоже училась на мои средства. Заметьте, Вандок, что в Бирме она носила фамилию Мильтон. Вы об этом сообщали в своих письмах. Но, кажется, Мерлинг не обратил внимания на эту деталь. Теперь я вижу, что моя помощь Сэму и Лиз была единственным добром, которое я сделал в жизни до моего несчастья. Я слишком был поглощен путешествиями и наукой. И вот, когда Мерлинг, этот недостойный человек, сделался владельцем моего титула и замка, я дал клятву, что все верну себе — честь, состояние, титул, но буду называться не Паклингтон, а лорд Эшуорф. И целью моей жизни будет забота о благосостоянии этого города. У Скалы Молчания, над скалой Двух Роз, я построю Нью-Маунт, новый замок, точную копию старого родового, в котором я пережил немногие, но памятные до смерти минуты личного счастья... Такие мысли вцепились в меня, терзали мое сердце... У меня имелись основания добиться славы и титула. Но я не мог жить и дышать без науки. И я хотел вернуть себе все при помощи своей научной деятельности. Ведь двадцать лет я изучал природу растительных вирусов. Я люблю большую науку. Ее достижения влияют не на отдельные отрасли техники и промышленности, а на весь уклад жизни человечества, разрешают крупнейшие проблемы. Большая наука изучает основные явления жизни. Только она приближает нас к наиболее глубокому познанию природы. Я не люблю поручать кому-нибудь свое дело и убежден, что человек должен делать свою работу только собственными руками. Я не имел разрешения на рискованные опыты. Этим и воспользовался Мерлинг. В действительности рискованных опытов я сделал только два. На себе самом в Бирме и на тебе, Сэм, здесь. И оба они увенчались успехом. Я сделал их для большой науки и для пользы человечества. Мои работы, когда их оценят, послужат славе нашей родины, джентльмены...

— Вы сделали открытие, ваша светлость? — не мог не спросить Вандок.

— Да, я открыл, что вирусы — это паразитарные белки. Молекулы их ведут себя, как болезнетворные начала, а главное...

— Ваша светлость! — воскликнул Вандок. — Мой отец

работал в Ботаническом саду на Яве. Я от него слыхивал что-то про эту заразу.

— Прекрасно. Значит, вы не будете зевать во время моего рассказа. Вирусы, или, как их еще называют, фильтрующиеся вирусы, ультравирусы, — это одно и то же — оказались доступными обработке. Бактериологи умеют выращивать микробов с нужными для опытов качествами, как ботаники выращивают сорта растений. Так и я, изучив строение молекулы паразитарных белков, начал их химически перестраивать.

При искусственной перестройке вирусы в одних случаях постепенно утрачивали свою вредоносность, а в других приобретали новые биологические свойства. Одно такое свойство я проверил на себе. Вирус изменил черты моего лица. Вандок, явившись ко мне как к доктору Рольсу, не узнал, что перед ним человек, которого он преследовал как Мильройса. И вы, Сэм, не узнали своего «змеино-го профессора» в Добби. Этот же вирус изменил и самого Вандока. Отсюда и ряд приключений, которые выпали не только на долю Сэма. Некоторые обработанные мною и искусственно культивированные вирусы оказались способными перестраивать всю структуру белков организма. Морщинистая мозаика картофеля, курчавость хлопчатника, превращения листьев в колючки, изменения внешних признаков сахарного тростника — все это знакомо тебе, Сэм?

И мой благодетель рассказал, как он удалился в изгнание, в свою старую лабораторию в Бирме, где жила и работала его славная ученица Лиз, дочь Мигли. Эта лаборатория должна была давать и деньги, чтобы продолжать опыты, прерванные в Олдмаунте. В Америке, на пути в Бирму, остановившись в отеле, Паклингтон сделал оплошность: он записался у портье первым пришедшим ему на память именем. Это было имя его отдаленного предка по материнской линии, имя Вильяма Мильройса, жившего во времена великой революции и семнадцатого февраля тысяча шестьсот сорок шестого года голосовавшего за объявление республики. Мерлинг догадался, кто скрывается под этим именем, лишь только прочитал информацию директора сыскного бюро со списком прибывших в Новый Свет за период с шестого мая по шестое июня 193... года. Тождество Мильройса с бывшим Паклингтоном было установлено. Бюро сыска получило выгодное предложение, и с этого момента началась работа Вандока. Препараты со змеиной станции оказались лучшими на мировом рынке, а секрет производства был известен только лорду и Лиз.

Лорд нажил на змеиных ядах вдвое больше, чем вся стоимость Олдмаунта. Заметив слежку Вандока, Паклингтон сначала подумал, что этот агент подослан конкурирующими фирмами с целью раскрыть секреты производства. Этого он позволить не мог...

— Я и тебя, Сэм, подверг некоторой проверке, но ты оказался просто добродушным и любознательным юншей, и я привязался к тебе. Ведь я знал, что ты не просто Сэм, но Пингль... Поэтому я и хотел приучить тебя к моей работе на змеиной станции.

— Будет мне памятна эта станция, — заметил Вандок. — Но, между прочим, и я подумываю, не открыть ли мне такую фермочку. Честное слово, пожалуй, выгоднее разводить джирр и прочих ползунов, чем свиней или ослов. Только это надо начинать с большой ученостью в голове, а этого-то мне и нехватает. Простите, ваша светлость, но мне бы хотелось дослушать об этих проклятых вирусах до конца. Они меня так изменили, что даже Сэм не узнал меня. Если я заявлюсь в бюро, директор тоже примет меня за самозванца.

— Оказалось возможным, Вандок, еще так изменять молекулы вирусов, — сказал Паклингтон, — что они становятся не чуждыми животному организму, делая его невосприимчивым к самым страшным заразным микробам. После прививок в Набухатре и здесь ты, Сэм, обладаешь абсолютной невосприимчивостью к заразе. Тебя могут кусать бешеные собаки, чумные крысы, малярийные комары, но ни один вирус, ни один микроб никогда больше не приживется в твоём теле, Сэм...

— Но я навсегда останусь измененным, — прошептал я.

— Нет, Сэм. Ты получил вирус в ослабленной форме. Он обладает только временным действием. Ты просто чересчур напуган. По-моему, от происшедших с тобой изменений уже и следа не осталось. Возьми из шкафа зеркало и посмотришься.

Зеркало показало, что ничего ужасного со мной не произошло. На меня смотрело худощавое, заторелое энергичное лицо молодого человека.

— Да это же я! — вырвалось у меня радостное восклицание. — Вы вылечили меня! Как благодарить вас!..

— Дайте-ка мне зеркало, — попросил Вандок. Он посмотрел и только махнул рукой. — Родная мать не узнала бы! Разве только по шраму на затылке, когда я раз подрался с мальчишками на улице и мне чуть не проломили голову до мозга.

— Хотите, я буду лечить вас? — предложил Паклингтон Вандоку, но тот осторожно положил зеркало на стол и отрицательно помотал головой.

— Благодарю вас. Не стоит беспокоиться. На свете у меня нет ни родных, ни близких. Проживу как-нибудь и в таком виде. Чем он хуже других?

Паклингтон добавил несколько любопытных соображений относительно вирусов. Может быть, это остатки микробов, в процессе эволюции за десятки миллионов лет приспособившихся к такому своеобразному паразитизму и за это время утративших некоторые общие черты, присущие микроорганизмам. Во всяком случае, изученные Паклинтоном вирусы становились «ручными» и начинали повиноваться человеческой воле и знанию.

Рассказывая нам о себе и о вирусах, лорд воодушевлялся. Снова сидел передо мною прежний милый «змеиный профессор», и это был тот человек, который помог мне учиться и в Дижане, и в Бирме, и здесь. Я с наслаждением слушал его, мне казалось, что каждое его слово делает меня богаче.

V

Паклингтон рассказал, что белок собаки, например, если ему искусственно придать способность паразитирования, может, будучи введен в белки живой кошки, так перестраивать строение этих кошачьих белков, что сообщит кошке свойства собаки.

— Да ты, Сэм, видал у меня в виварии, что собаки начали вести себя, как кошки, и наоборот.

Вандок хлопнул себя по лбу ладонью.

— Да уж это не ваши ли звери нагрянули третьего дня в Эшуорф? Странные собаководные коты и мяукающие пудели. Вот была потеха!

— К сожалению, — подтвердил Паклингтон. — Это Сэм прозевал, и они вырвались у него из клеток.

— Ну, вас за это не поблагодарят, — покачал головой Вандок, обращаясь ко мне. — Эти котопудели разнесли заразу. Ваша светлость, вы только подумайте, как захворали стряпчий, судья и многие другие!

— Знаю, знаю, — ответил Паклингтон. — Хм... не стоит волноваться. Искусственные вирусы не так стойки, как вы думаете. Молодой аптекарь, снабжающий меня реактивами, тотчас сообщил мне о таинственной эпидемии и о хлопотах, которые она причинила уважаемому доктору Флиту. Я видел его рецепты. Они очень правильны. Я вижу улыбку

на твоём лице, Сэм. Никогда не надо смеяться над тем, что ты не вполне понимаешь. Флит старый, а потому и очень опытный врач. Он сообразил, в чём дело. Он дознался в разговорах с пациентами об источнике заразы. Сегодня я повидался с ним. Мы вспомнили, что когда в тысяча девятьсот восемнадцатом году появилась на фронте странная болезнь, которую все врачи признали «лихорадкой неизвестного происхождения», потому что не знали её и пугались в диагнозах, нашёлся один старый врач; он посмотрел только десяток больных и сказал: «Дорогие коллеги, да это же самая обычная инфлуэнца». И он оказался прав, этот старый практик. Неизвестная лихорадка, обошедшая все светным мором нашу планету под названием «испанки», была не что иное, как инфлуэнца, грипп, вирусное заболевание, только в особо тяжелой форме. Пациенты доктора Флита все до одного выздоравливают и уже выздоравливают.

Мне хотелось узнать, что проделал со мною Паклингтон здесь, в этой лаборатории. Он сообщил:

— На родину, в Эшуорф, я должен был явиться никому неизвестным. Я уже сделал почти все опыты, оставалось закончить последний и принять меры к возвращению себе прежнего титула. Мне казалось, что в Мацатлане я окончательно избавился от вас, Вандок. Исчез Мильройс, исчез Рольс, и вот здесь, в окрестностях Эшуорфа, поселился некий Добби. Мой верный Мигли, остававшийся жить в Уэсли на средства, посылаемые мною через его дочь Лиз, выстроил при помощи Айзидора Пингля этот дом. Жаль, бедняга Айзидор скончался, я не застал его в живых. Мигли расскажет тебе о последних минутах твоего отца, Сэм. Он умер с именем любимой жены и с твоим именем на устах...

Слезы невольно навернулись у меня на глазах при этих словах Паклингтона.

— Мигли — мой вернейший друг, — продолжал Паклингтон, когда я успокоился. — Это он выследил здесь Вандока, установил, что тот пишет свои донесения в «Нептуне» и относит их на почту, адресуя на литеры «С. С.». Он же узнал, кто был действительным получателем этих писем.

Вандок вздохнул.

— Почтмейстер еженедельно получал от меня...

Паклингтон снисходительно кивнул головой.

— Но Мигли давал ему больше. Зачем я прибыл сюда? Мне надо было проделать последний проверочный опыт. И обязательно на человеке. В Бирме я мог бы нанять лю-

бого туземца, а здесь? Надо было посредством измененного вируса «бушм-агого» сразу изменить структуру белка в человеческом организме и потом опять восстановить прежнее равновесие. Я не мог срывать работу всей моей жизни. Надо было искать отчаявшегося человека. В прошлом году осенью на берегу канала Уэсли я встретил человека, готовившегося на дне канала покончить расчеты с жизнью. Но когда я привел его сюда, я узнал, что на моем пути опять встретился мне ты, Сэм, сын моего Пингля, мой ученик в Бирме, тот самый, который помог мне в Белл-Харборе. И тогда в мое сердце впервые закралось неприятное беспокойство.

— Не думайте, что я нарочно повстречался с вами... — начал было я, вспомнив подозрения о моей связи с Вандоком.

— У тебя был тогда такой вид кандидата в мертвецы, что подозрения исключались, — просто сказал Паклингтон. — Я долго колебался. Но интересы науки побороли. У тебя заболела голова. Я сказал, что это желтая лихорадка. Ты мне поверил. Я сделал тебе под предлогом лечения прививку вируса. И я бы все остальное проделал незаметно для тебя...

— Ах, ваша светлость! — всплеснул руками Вандок. — Если б я не возбудил ваших подозрений, то вы и в Мацатлане проделали бы со мной такую штуку? Вот почему вы спрятали от меня зеркало и сами разика два побрили меня...

— Какой вы догадливый, — засмеялся Паклингтон. — Но вы сами позаботились о себе, разбив пробирку с вирусом. Сэм тоже почти догадался, когда тайком от меня побежал в Эшуорф и его никто не узнал. Тогда он устроил мне бурную сцену, и пришлось рассказать ему сказку о джиррах...

— Теперь это дело прошлое, — отозвался я.

— Тогда обратимся к настоящему, — сказал Паклингтон и взял со стола большой конверт с гербовой печатью.

— Слушай, Сэм, — произнес он, глядя мне в глаза, — месяц назад я послал мою рукопись в научное медицинское общество. Я описал все мои открытия и опыты. Я ждал ответа, решающего мою судьбу. За мою ученую деятельность я должен был получить титул. Но вчера вечером пришел ответ. Читай...

На веленовой бумаге под гербом стояли краткие строки: «Уважаемый мистер Добби.

По докладу неперменного члена общества изобретений и открытий относительно сделанных Вами заявлений, касающихся познания природы так называемых вирусов, Вы пожалованы почетной пожизненной пенсией в один фунт стерлингов в год, что в среде ученых является высшей наградой за биологические работы.

Принося Вам почтительные поздравления, как мои лично, так и моих коллег, вместе с тем считаю приятным для себя долгом поставить Вас в известность, что Ваши материалы о вирусах направлены в соответствующую комиссию, а постановление о почетной пенсии — в финансовое бюро для оформления.

Примите мои уверения и пр.».

— Держу пари, — вскрикнул Вандок, поднимаясь со стула: — подписано лордом Паклингтоном... то есть Мерлингом!

— Да нет же, — ответил я. — Подпись неразборчива...

— Не все ли равно? — усмехнулся Паклингтон. — Ясно, что Добби может называться, как ему вздумается: Мильройсом или Рольсом. Но он уже никогда не сделается прежним лордом.

Вандок поерошил волосы на затылке.

— Трудно бороться с Мерлингами, ваша светлость. Теперь мне все ясно — «как в микроскоп», сказал бы толстяк, ежедневно пьющий содовую в аптеке. Вот что, Сэм... лишь только мы отчалим отсюда, дай волю своим кулакам. Поколоти меня. Готов получить тумаки, которые пришлось тебе получить за меня. А кстати добавь и еще. Я виноват, что помогал Мерлингу.

Минуту длилось тягостное молчание. Все стало понятным для меня. Глубокая жалость охватила меня при виде бывшего лорда Паклингтона.

Но он не унывал.

— А ну-ка, джентльмены! — весело сказал он. — Помогите мне сунуть в огонь герб лорда Эшуорфа. Смотрите, я уже сочинил себе и рисунок герба. На щите я нарисовал девиз: «Традиции и уверенность». Но пусть сгорят они, побежденные предрассудками и ошибками...

Паклингтон бросил в камин письмо о почетной пенсии, потом конверты, какие-то бумаги, фотографию молодой чопорной леди с нитями жемчугов на длинной тонкой шее, записные тетради, куски черновиков...

Акварельный рисунок на картоне, сунутый в камин Вандоком, долго корчился на угольях и наконец вспыхнул, наполовину испепеленный.

— Неужели вы хотите сжечь свои работы? — пробормотал я, смотря на костер в камине. — Если вы устали и не хотите больше заниматься наукой, то вспомните о Лиз... вспомните обо мне...

— Ты прав, малыш, — бодро сказал Паклингтон. — Вы оба — мои ученики. И благодаря вам я тоже чувствую себя молодым. Не беспокойся, работать я не перестану. И не жалей меня. Самое дорогое — моя наука — остается со мной. И я не один: ваша молодость — моя опора, мой резерв, с которым я пойду дальше в бой против научных предрассудков. То, что я сжиг здесь, — это пустяки, личные дела. Ведь мой научный архив на змеиной станции. Сегодня утром я получил от Лиз тревожную телеграмму. Она сообщает, что очень важные причины заставляют срочно и заблаговременно перевести мою станцию и архив из Бирмы на запад. Она уже нашла и подходящее место, где-то в Ранбир-Ганжа, в Верхнем Пенджабе. Она требует, чтобы я немедленно приехал. Я послал радиомолнию и жду ответа.

— Я с вами! — крикнул я с мольбою и умолк, вспомнив Эдит.

Вандок встал и учтиво поклонился.

— Возьмите и меня, ваша светлость. Поздно как будто мне менять профессию. Но уж у меня джирры будут вести себя отлично. Я переправлю всех ваших змей, куда прикажете. Хоть на вершины Гималаев. Будьте покойны. Номер четыреста двадцать один сейчас навсегда вычеркивается из списка обитателей нашей планеты. Остается Дик Вандок...

Он прислушался. По шоссе мчался мотоцикл, приближаясь к вилле.

VI

Мигли вошел в комнату, держа в руках маленький серебряный поднос.

— Телеграмма вашей светлости, — важно сказал он.

Паклингтон взял с подноса телеграмму, разорвал ее, прочитал и быстро встал.

— Мигли!

— Слушаю, сэр, — наклонил почтительно голову Мигли.

— Немедленно вызвать сюда авто! — приказал Паклингтон. — Подайте мне одеться. Со мной поедет... — Паклингтон посмотрел на Вандока, потом на меня, потом снова на Вандока. — Поедет Вандок, — добавил он решительно. — По-вашему, какой маршрут короче?

— Автомобилем до аэропорта на восточном побережье, ваша светлость. Оттуда воздухом до Лиссабона. На Марокко. Воздухом вдоль северного побережья Африки, Египет, Суэц, Цейлон, а из Коломбо три часа на скоростном гидроплане до Рангуна...

— Правильно, — сказал Паклингтон. — Радио Лиз об отлете мы дадим из Лиссабона. А ты, Сэм, не огорчайся. Я не прощаюсь с тобой навсегда. Я вернусь. Я знаю, что я понадобится здесь, на моей родине. А тебя в Эшуорфе ждут большие радости. Ты побудешь здесь с Мигли — он покормит тебя, а утром отправляйся в родной дом. Я оставляю тебя в помощь Мигли, на вас обоих возлагается охрана этого дома. Я вернусь и должен застать все в полном порядке.

— Не беспокойтесь! — с жаром воскликнул я.

Поднялась суматоха сборов, как всегда бывает перед спешным отъездом в дальний путь, и я, деятельно помогая Мигли, не сразу услышал призывные гудки подъехавшего авто.

Мы все спустились вниз, держа дорожные чемоданы отъезжающих. Я улучил момент, отвел Вандока и крепко сжал его руку.

— Слушайте, Вандок, если вы схитрите еще, я исколочу вас.

— Слово чести, Сэм. До свиданья! — Вандок твердо посмотрел мне в глаза и неожиданно обнял меня.

И они уехали.

Я просидел до утра в столовой. Мигли угощал меня роскошным ужином. А я должен был рассказывать ему все, что только знал, все подробности о его дочери Лиз. Он показал мне фото. Лиз стояла на террасе бунгало в полосатой пижаме и держала в руках безвредного сонного ииг-шу. Фото было очень эффектно, но Мигли ворчал:

— Нашла с кем сниматься. Со змеей. Вот выдумщица!

Много рассказывал мне Мигли о лорде Паклингтоне.

— Он нелюдимый человек, и у него нет друзей. Но ко мне, к вашему отцу, к моей дочке он всегда был добр. И вас он очень полюбил, Сэм. Между прочим, ваше жалованье он велел мне перевести в Эшуорфский банк на ваше имя да еще прибавил к нему кое-что. На первое обзаведенье у вас есть кое-какие гроши, Сэм.

Далее разговор коснулся моего отца и его последних минут, и когда наконец Мигли ушел к себе, я дал волю

слезам. Я оплакивал моего бедного отца, так и не увидевшего в жизни настоящего счастья, и в то же время остро, как никогда, чувствовал, что мое счастье близко, что стоит только протянуть руку, чтобы взять его. Вся моя ревность к Бобу, тоска и опасения растаяли в слезах этой ночи.

Усталый, я уснул в кресле. Солнечные лучи разбудили меня. Я принял ванну, побрился, причесался. Мигли дал мне костюм. И я распрощался с отцом Лиз.

Я спускался к родному городу и раздумывал. Спешить нечего. Надо будет подождать, когда откроются магазины. Я куплю скромные подарки для дядюшки, для Оливии и для...

Но, ощупав свои карманы, я убедился, что они пусты. У меня не было ни пенса. Это меня огорчило. Банк открывался только в двенадцать часов.

Тихо я шел по каменистой тропе. Вот и остатки сгоревшего дуба и роскошный ковер фиалок, распустившихся к утру. Я нарвал букетик этих нежных цветов, еще влажных от ночной росы. С наслаждением я вдохнул их тонкий аромат. И с ним вошел в мое сердце живительный воздух родины. Все впечатления детства и ранней юности, как вихрь, налетели на меня. Мне показалось, что я никуда не уходил из этих мест и что я всегда был здесь...

Я прибавил шагу и почти мчался вниз по шоссе, и мне казалось, что солнце сияет как-то особенно, словно радуясь моему возвращению. Я перебежал через мостик и остановился, чтобы посмотреть на Эшуорф. Но увидал Эдит.

Она шла мне навстречу, опустив голову, бледная и задумчивая.

— Эдит!.. — крикнул я, бросаясь к ней.

Она подняла на меня большие робкие глаза. И счастливая детская улыбка осветила ее лицо.

— Сэм! Милый Сэм! — прошептала она.

Мы взялись за руки.

— Я вернулся, Эдит. Какая ты стала большая! Тебя не узнать.

— А ты... А ты совсем не изменился. Только... — она потупилась, — только стал еще... лучше.

— Ты ждала меня? — спросил я и отдал ей букетик фиалок.

— Спасибо, милый, — прошептала она, и ее теплые губки на мгновение коснулись моей щеки. — Конечно, ждала.

Мы шли по шоссе очень медленно. Только раз в жизни бывают мгновенья, которые хочется продлить навеки.

— Я все время ждала тебя, — говорила Эдит. — Но третьего дня ты подошел к киоску... Я работаю в нем... Ты сказал Бобу, что его яхту унесло в море, а сам ты сейчас же убежал...

— Разве ты узнала меня? — спросил я.

— Как же я могла не узнать тебя, Сэм? Только я думала, что ты загордился и знать меня теперь не хочешь. И я решила держаться так же. А сегодня... Ну, я не знаю, но что-то повлекло меня на мостик...

Мы смотрели друг другу в глаза и смеялись.

— Знаешь, Эдит... Я пережил столько приключений, что их не сразу и расскажешь, — проговорил я. — А сейчас думаю одно: «Стоило ли мне уходить отсюда? Ведь счастье-то, оно вот, рядом со мной...»

— Стоило, Сэм, — серьезно ответила Эдит. — Мы много передумали о нашей дружбе. Она стала иной, лучше, крепче. Не спорь, милый. Я знаю тебя лучше, чем ты сам.

Так мы пришли в дом. Дядюшка закричал, увидя меня:

— Гип, гип, урра!! Племянник! Сэмюэль! Жив, малыш!..

Старая Оливия, целуя меня, рыдала от радости.

— Очень кстати, Сэм, — объявил дядюшка, когда первые восторги улеглись. — Ведь тебе повестка из конторы «Литтл-юниор»...

— Из банка? — спросил я.

— Ну да... Денежный перевод. И рассыльный что-то сболтнул о такой сумме, что я и не поверил...

— Местный перевод? — осведомился я, думая о Паклингтоне.

— Да отправляйся хоть сейчас, сам узнаешь, — заторопил меня дядюшка.

Взяв с Эдит слово подождать меня, я отправился в банк.

Старший клерк вскочил со стула, лишь только услышал мою фамилию.

— Мистер Пингль? Как же... как же... Мы посылаем вам уже третье извещение. Вам перевод из Голливуда. И письмо... Надеемся, что вы откроете текущий счет у нас, мистер Пингль?

— Дайте письмо! — нетерпеливо попросил я.

Вот что было в письме:

«Уважаемый мистер Пингль. Позвольте сообщить Вам, что... Нет, милый Сэм, не умею я писать официальных писем. Лучше я напишу тебе попросту, как своему талантливому ученику. Это пишет тебе твой Клипс. Здравствуй, парень. Надеюсь, что ты наконец добрался до своего городишки. Наш адвокат Годвин узнал твой точный адрес от своего приятеля, следователя Грега, и сообщил его мне. Оба они шлют тебе большой привет, особенно Грег. Он очень польщен твоим отзывом о его деятельности, переданным ему от тебя каким-то Беном, неизвестным мне. Пишу я тебе, чтобы разъяснить некоторые подробности, которые ты, вероятно, захочешь узнать, когда получишь посылаемые деньги. Видишь ли, когда тебя привели в суд в первый раз, то в ложе журналистов сидел наш Гарри Пимпернель, король сценаристов. Какими судьбами занесло его туда, он сейчас объяснить не может. Злые языки утверждают, что его двигатель внутреннего сгорания работает обычно на винных парах. И вот наш Гарри сидел на суде и скучал. Его терзали утрызения совести, что он уже проел аванс за заказанный ему сценарий, но написал только половину первой части. И вдруг ты заявил суду, что ты — «Человек легче воздуха». И тогда внезапное озарение снизошло на нашего Гарри, святое творческое вдохновение стало вырастать в его голове, как райское дерево, грозящее покрыться золотыми плодами. Сюжет, острый, как мексиканская наваха, был готов в ту же минуту. Мы, Сэм, люди деловой складки. Еще через минуту Годвин был нанят тебе в защиту. Ему пришлось попотеть, но он справился и положил судью на обе лопатки. Короче говоря, за ночь был написан сценарий. А на следующий день король экрана Чарли Бичер уже снимался в павильоне перед аппаратом. Чтобы тебя не тревожить, все делалось от тебя в тайне. Но Чарли не рискует кувыркаться в воздухе. Он плохой спортсмен. И гвоздь фильма — смертельный прыжок — должен был проделать ты вместо Чарли. Конец фильма предполагался в двух вариантах. Один — оптимистический, если ты утонишь в миску с соленой водой, а другой — печальный, если ты грохнешься миме. Сюжет картины был не очень сложный. Газеты еще до съемки писали о нем и вкривь и вкось. Я играл твоего папашу, миллиардера. Мамашу твою играла Флориа Гатти, восходящая звезда экрана. По сценарию, она должна была умолять тебя не делать прыжка. Вот она и выскочила, когда мы с тобой выходили на арену. Короче говоря, все вышло отлично. Может случиться, что ты и согласишься себя на

экране. Чарли очень хорошо загримировался и похож на тебя. Теперь тебе посылается причитающийся гонорар. Десять тысяч долларов за прыжок. А за роль — по тысяче долларов за слово. Так как ты произнес два слова, то, следовательно, получи две тысячи. Итого дирекция посылает тебе двенадцать тысяч долларов. О получении извести».

Дальше Клипс описывал какой-то новый номер программы и сообщал, что не теряет надежды увидеть меня снова на арене.

Потеряв всякую способность удивляться, я получил новенькую чековую книжку и отправился домой. Там я сел в отцовское кресло и рассказал об этой неожиданной милости судьбы. После шумных выражений восторга дядя спросил меня:

— Ну, а чего ты хочешь теперь?

Я взглянул на родные стены, на знакомые деревья под окном, на дорогие лица и ответил:

— Я не хочу больше ни купальных вышек, ни змеиных парков, ни смертельных прыжков, ни чековых книжек. Я хочу жениться на мисс Эдит Уинтер. И хочу сделать это как можно скорее.

Дядюшка подбросил вверх свою трубку. Оливия заплакала, а Эдит покраснела.

Но недолго нам пришлось жить в мирной семейной обстановке. Недолго наслаждался я счастьем с Эдит. Пришла война. Оправдались предчувствия дядюшки и моего благодетеля Паклингтона. В Эшуорфском заливе появлялись подводные лодки фашистов. Их аэропланы сбрасывали бомбы на наши мирные города. Англия сражалась в тесном дружеском союзе с героической Россией, удивлявшей мир своими изумительными подвигами, и с деловой Америкой. Эти три державы в трудные времена проявили истинную выдержку и организованность и победили.

С первого же часа войны мы все встали на защиту родины. Боб Бердворф дослужился до помощника капитана военного корвета и получил ряд почетных наград. Дядюшка принял участие в местной противовоздушной обороне и оказал ряд ценных услуг, обучая молодежь Эшуорфа военному делу. Я тоже надел форму и пошел служить в армию. Моя Эдит с новорожденным сыном нашим много переждала. Но вернулся Паклингтон и помог им пережить трудное время.

Бойна кончилась. Я стал работать помощником Пак-лингтона. Сын мой вырос и теперь доктор биологии. За это время я стал еще свидетелем многих замечательных происшествий. Но самые удивительные приключения выпали на долю Вандока. Может быть, в какое-нибудь ясное утро я снова возьмусь за перо и напишу продолжение моих записок, если моя дорогая жена этого захочет...

На этом обрываются записи Сэмюэля Пингля.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Первая тетрадь	3
Вторая тетрадь	29
Третья тетрадь	41
Четвертая тетрадь	64
Пятая тетрадь	85
Шестая тетрадь	96
Седьмая тетрадь	109
Восьмая тетрадь	124
Девятая тетрадь	152
Десятая тетрадь	167
Одиннадцатая тетрадь	193
Двенадцатая тетрадь	220

Обложка А. Брен

ДЛЯ СТАРШЕГО
ВОЗРАСТА

Ответственный редактор
М. Поступальская.

Подписано к печ. 16/1 1945 г.
15½ печ. л. (14,41 уч.-изд.
л.). 38 000 зн. в печ. л.
Тираж 45 000 экз. Л66085.
Зак. № 4570. Цена 7 р. 50 к.

Фабрика детской книги
Детгиза Наркомпроса
РСФСР.
Москва, Суцевский вал, 49.

321.

300=

Цена ~~7 р. 50 к.~~

Н